

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(МИНПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИИ)

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

East Slavic Philology

*Сборник научных трудов
Серия «Языкознание»
Выпуск 18(44)*

Горловка
2025

УДК 81+801+882+82
ББК Ш81.0+82.0
В76

Редакционная коллегия:

д-р филол. н., проф. Кочетова С. А. (гл. редактор),
д-р филол. н., доц. Любимцева-Наталуха Л. Н. (выпускающий редактор),
д-р филол. н., доц. Александрова И. В., д-р пед. н., проф. Алфимов В. Н.,
д-р пед. н., проф. Алфимов Д. В., д-р филол. н., проф. Борисова Л. М.,
д-р филол. н., д-р пед. н. Ворожбитова А. А., д-р филол. н., проф. Герасименко И. А.,
д-р филол. н., проф. Денисов В. Д., д-р филол. н., проф. Дербенёва Л. В.,
д-р филол. н., доц. Дмитриева Ю. Л., д-р филол. н., доц. Иванова Н. П.,
д-р филол. н., проф. Калинин В. М., д-р филол. н., доц. Калус И. В.,
д-р филол. н., доц. Карпий С. В., д-р филол. н., доц. Курьянов С. О.,
д-р филол. н., проф. Минералова И. Г., д-р филол. н., проф. Петров А. В.,
д-р филол. н., проф. Петрова Л. А., д-р филол. н., доц. Соснина Л. В.,
д-р филол. н., доц. Шаталова О. В., канд. филол. н., доц. Вострещева В. А.

*Рекомендовано к изданию на заседании Учёного совета
ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет
им. В. Шаталова»
(протокол № 7 от 26.02.2025 г.)*

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова» Министерства просвещения Российской Федерации.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ДНР ААА № 000059 от 28.10.2016.

С 05.02.2025 г. сборник включён в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук (К.2).

Основан в 2002 году.

Периодичность: 4 раза в год.

Включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 231-04/2016 от 19.04.2016 г. обновлённый договор № 106-06/2024 от 05.06.2024 г.

Восточнославянская филология: сб. науч. тр. / ФГБОУ ВО «Донецкий
В76 государственный педагогический университет им. В. Шаталова» ;
Редкол. : С. А. Кочетова и др. – Вып. 18(44). Серия «Языкознание»,
2024. – Горловка : Изд-во ФГБОУ ВО «ДГПУ им. В. Шаталова», 2025. –
276 с.

ISSN 1992-9196

Сборник посвящён исследованию актуальных проблем отечественной и зарубежной филологии.

Для научных работников, специалистов-филологов, докторантов, аспирантов, магистрантов, студентов-филологов, преподавателей языка и литературы образовательных организаций высшего и среднего профессионального образования, учителей филологических дисциплин в школе.

**УДК 81+801+882+82
ББК Ш81.0+82.0**

ISSN 1992-9196

© Оформление. Изд-во ФГБОУ ВО «ДГПУ им. В. Шаталова» 2025

УДК 808: 316.773: 81–11+81`38

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-3-17

ИССЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ РИТОРИКИ

1. ВВЕДЕНИЕ. ЦИФРОВАЯ РИТОРИКА: ПРОБЛЕМАТИКА, СФЕРЫ

Исследования интернет-журналистики заставили нас обратиться к электронным медиа в более широком смысле: мы стали изучать особенности коммуникации в электронной среде при постановке образовательных задач (медиаобразование), при установке на экономическую активность (e-commerce, Интернет-маркетинг), политическую мобилизацию (электронный политический маркетинг), для удовлетворения эстетических целей человека (интернет-арт-дискурс), для общения с государственными органами (*government-to-citizen communication*), электронной коммуникации для внутреннего мира человека (сохранение памяти, самопрезентация) и для межличностного общения, электронный дискурс как материал для социологических исследований [4;5].

Довольно долгое время научно-исследовательская работа отдела языкознания ИНИОН РАН была связана с языковым капиталом и описанием языкового многообразия и вариантов и диалектов используемых автохтонных языков. Это особенно актуально в условиях миграции для миграционной лингвистики. Но и работы по риторике отвечают этой тематике, связанной с языковым капиталом, ибо человек как субъект речевой деятельности должен не только представлять язык как системно-структурное образование, но и уметь пользоваться им, строить эффективные речевые произведения.

Каков современный этап риторики в условиях информационной революции и цифрового общества? Какими видятся цели риторики в новых условиях цифровом обществе? Что меняется в риторическом каноне? Какие сферы цифрового общества нуждаются в речевой инженерии? Почему это важно и для кого? Меняется ли риторика? Что должен знать специалист о современной риторике? Настоящая статья освещает некоторые этапы работы над этой темой.

Представляется, что данная работа является концептуальным продолжением изданной конце восьмидесятих годов XX века работы Н. А. Безменовой [3]. Автор одной из первых поставила вопрос о специфике неориторки, указала на роль современных французских и бельгийских риторик (группы Мю, т.н. Льежской группы и т.д.). В современных условиях представляется

необходимым дать и анализ сайтов по риторике в сети Интернет, отражающих интересы в области как преподавания классики риторики, так и новые тенденции.

Риторика многообразна. Представляется, что как всякие риторические знания такая работа мультидисциплинарна. Существует риторическая ветвь исследований в литературоведении (И. В. Арнольд, А. Е. Махов). Известно, как меняется представление о субъективности в науковедении, каковы наиболее распространённые виды популистской и выборной риторики (политология), как двадцатый век смотрит на субъекта речевой деятельности (философия). В современную риторику заимствуются психологические коннотации (скажем, представления о когнитивных стилях ратора).

Настоящая статья не ставит задачей давать хоть сколь короткий экскурс в историю ренессанса риторики, лишь отметим, что одним из инициаторов возрождения преподавания риторики был Ю. В. Рождественский. Ю. В. Рождественский сам преподавал риторику в МГУ и средней школе, создал школу учёных-филологов и культурологов, работающих в разных сферах науки. Одним из первых учёный способствовал возрождению риторики в семидесятые годы двадцатого века, после десятилетий отрицания риторики и заменами литературной критикой в духе Белинского. Здесь также могут быть упомянуто наследие отечественной риторики XX века – школы педагогической риторики МГПУ, Т. А. Ладыженской, авторов из Воронежа (И. А. Стернин), Перми (С. Ю. Иванова), работает риторическая ассоциация (В. И. Аннушкин). Преподавание риторики проходит в рамках церковных вузов (А. А. Волков), юридических вузов (Н. И. Ивакина, известна традиция судебной риторики). Риторика преподаётся в Литинституте (А. К. Михальская). Известны попытки концептуализации политической риторики (Г. Г. Хазагеров). Такому компоненту в риторике, как исполнение, уделяется внимание в театральных вузах. Появились интересные докторские работы (Ю. В. Шуйская, В. А. Садикова). В традиции идущей от К. Бредемайера, ведётся разговор о чёрной риторике, о борьбе с очернительством, что актуально для паблик рилейшнз.

2. ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВОГО ДИСКУРСА

Стилистика – часть риторики, третья часть риторического канона под названием *elocutio*. Так, нами изучается стиль электронной речи, обсуждается специфика стиля электронной речи на материале английского, русского и французского языков, представлены фрагменты коммуникации в блогосфере в тесной связи с выявлением их стилевых особенностей.

Новизна предмета нашего изучения – электронной речи – не вызывает сомнения: ещё каких-то тридцать лет назад (на протяжении

жизни одного действующего поколения) эта фактура речи не существовала (вспомним, что фактурой речи в риторике называют стиль речи в связи с особенностями её доставки). Актуальность настоящего исследования видится в том, что виртуальная коммуникация и соцсети привлекают внимание исследователей, так как проливают свет на языковые универсалии и коммуникативные максимы общения. При этом важны не только языковые особенности такого вида речи, но и её социальные, психологические особенности.

Интернет-коммуникация стала предметом осмысления в теориях виртуализации и киберкультуры. Личные коммуникации стали восприниматься как часть общественных, масс-медиа имеют гибридную аудиторию – конкретную и массовую, на массовое обсуждение выносятся межперсональное общение. Среди характеристик сетевого дискурса отмечают гипертекстовость, равный статус участников коммуникации, виртуальность, специальную компьютерную этику, специальный язык, эмоциональность, сжатость, личностность, использование «письменной разговорной речи», креативность, толерантное отношение к нормативности речи, коллективное авторство, трансграничность, мультимедийность, интерактивность и т.д. [1].

Материалом таких работ первоначально являлись фрагменты сетевого дискурса – заметки и комментарии в блогах, материалы чатов, образцы спонтанной электронной речи в текстах мобильных сообщений и т.д. [2;6;8]. Они подвергаются стилистическим наблюдениям с целью вывить специфику данной фактуры речи [9;10;14].

При самом беглом взгляде понятно, что в таком дискурсе много сокращений, неграмотности, непонятно правда, случайной или специальной. Комментарии порой ироничны и даже токсичны, агрессивны, содержат вербальную агрессию, инвективы, иронию, языковую игру. По лексике – это субстандарт, сленг, жаргон, даже вульгаризмы. Реплики полны оценочности, субъективности. Они часто указывают на уровень подготовки и уровень дискуссии аудитории.

Средства экономии в такого рода сообщениях – языковая универсалия.

Изучение новой фактуры речи отталкивается от тезиса, что это не письменная, но и не устная речь («сквозь экраны доносится стихия устной речи»). Это речь, предъявленная публично. На первом уровне внимание исследователя не могут не привлекать особенности лексики, графики, сленга, особенности грамматики языка, используемого для коммуникации.

Известны приёмы графики: *aaaaaaaay tooo much*. Вообще интересны девиации нормального языка – логографические, семасиографические и фонографические приёмы [16;17].

Показательна репрезентация графикой устности, адаптация компьютерной средой средств графической выразительности.

Второй особенностью является эмоциональность и разговорность такого дискурса. Отметим, что внимание привлекает специфика языкового общения в блогах и комментариях – с характерными особенностями синтаксиса, коллоквиального стиля, стиля неустного-неписьменного общения, просторечия.

Доступны многие наблюдения над такой речью: универсальность сокращений, значение регистра прописных букв (CAPS LOCK), знаков препинания или их отсутствия, скобок, нарочитых ошибок, стилизации и сниженной речи. Интересным является то, как строятся фразы, каковы виды приветствий, каковы виды (не) одобрений, вообще междометия. Заслуживает рассмотрения формат «чужого слова» (интертекстуальность в виде расхожих цитат из кинофильмов, штампов, пословиц, поговорок и т.д., вообще характерная для устной разговорной речи). Показательна роль невербалики – иконические знаки (эмотиконы), роль графики. Явственен крен с сторону повышения визуализации речи, создания креоллизованного клишированного текста (вербальный текст плюс картинка) – появление мемов.

Показателен разговорный синтаксис такой электронной речи: и эмфатические синтаксические конструкции, и разговорность стиля, характерная для эмоциональной устной речи, и характерные для устности опущения подлежащего, подхваты, повторы, оборванность речи (апозиопезис) и т.д.

Итак, это новая форма со своей графикой, с собственным арсеналом средств, передающих жесты, мимику, выражение лица, эмоции (смайлики, эмодзи), со своим этикетом. В ней переосмысливаются традиционные правила графики (точки не ставятся, прописными буквами пренебрегают, имеется роль зачеркивания и т.д.)

Причины нарушений графической формы слова разные: от реальной безграмотности до игры. Показательна характерная черта новой формы речи: искажение написания слова с целью максимально приблизить написание и звучание, как правило, в небрежном разговорном варианте.

Иным представляется в речи соотношение стандарт/субстандарт. Новые пласты субстандарта, так называемые «общий жаргон», «молодёжный жаргон», «компьютерный жаргон», отражают изменение условий коммуникации, темпа жизни и т.п. Лексический материал исследуемой фактуры речи формирует представление о компьютерном жаргоне, профессиональном говоре, профессиональных терминах. Как правило, компьютерный жаргон совмещён с молодёжным сленгом, с общим арго, со сниженностью речи и лингвокреативностью жаргона [15]. В языковой ткани такого

общения находят отражение «поэзия простого человека» – городское просторечье XXI века.

Языковая ткань такого общения отражает тенденцию к экономии средств общения, тенденцию к моде, тенденцию к криптографии (что свойственно для любой системы аргю).

Заинтересованный читатель может увидеть и использование графических приёмов, и эмфатические синтаксические конструкции, и разговорность стиля, характерную для эмоциональной устной речи электронной фиксации, и характерные для устности опущения подлежащего, подхваты, повторы, оборванность речи, апозиопезис и т.д., характерную эмоциональность неформальной речи и т.д.

Отставим в сторону и ошибки, свойственные разговорной речи и невысокому образовательному уровню, вульгаризмы, сленг. В электронном дискурсе показательно использование хэштегов, гиперссылок, тайм-кодов – характерные особенности электронного дискурса в сетях. Многоголосие комментариев – это как толпа на античном форуме.

Один из широко обсуждаемых сегодня вопросов – фундаментальный для теории языка вопрос о языковых изменениях, регистрируемых при помощи новых корпусов электронной речи [10]. Обсуждается проблематика «Язык и Сеть» и на материале русского языкохудожественной литературы [11;12;13]. В электронной речи можно видеть какие-то закономерности нашего языка.

Показательным, например, может быть окказиональный аграмматизм, в иных, кроме английского языках показательна роль английских заимствований (например, описывается явление *denglish chatten, einloggen, twittern, downloaden, googeln, Apple* и т.д.).

А сколь оригинальна фатика! Многие коммуникации осуществляются не ради информации, а ради фатики. Исследователей диалогического и полилогического общения интересует то, как происходит развитие темы в полилоге, каковы вклады коммуникантов в тему, конвенции полилога. Показательна неявная когерентность тем в чатах.

Феномен новых форматов коммуникации находит отражение, например, в рассмотрении и развитии темы в краудсорсинге («общем мозговом штурме»). Это имеет параллель в медиа – журналисты-стримеры обращаются к чату, предлагают аудитории писать вопросы, реплики в чат, находят новые повороты темы, новую драматургию беседы. Конвенции вежливости, отказ от коммуникации также привлекают внимание. Санкции (бан) по отношению к некорректным коммуникантам вызваны разными причинами: личные оскорбления, мат, резко отличная политическая или этическая позиция, реклама, капслок. Не будем забывать, что формат лично-публичной коммуникации есть формат коммуникации

малознакомых людей, формат самопредставления с особенностями ников, особенностями аватарок.

Этикет этой формы речи (нетикет) многообразен: забота об остатке цифрового следа, отказ от буллинга, хейта, холиваров, при использовании платформами типа Teams – выбор правильного ника, отказ от микрофона, когда не выступаете, вплоть до выбора подходящего задника для камеры, ограничение определённой информации для создания цифрового имиджа, уважительная культура инклюзивности и т.д. Нетикет сказывается и в выборе френдов, и в уважении приватности, публикации ответа на сообщение и т.д.

Феномен стрима и чата в нём имеет особенность в том, что именно аудиовизуальное выступление вызывает к жизни чат. Насколько эти потоки связаны между собой? Насколько текстовое общение вызвано визуальным? Насколько оно вызвано вербальным стимулом стримера? Репликами участников чата? Поскольку мы видим, что организаторы общения удаляют «коменты» (феномен модерации общения) – стало быть и блогер, и объект могут быть предметами агрессии, «холивара», оскорблений.

Каковы дискурсивные, риторические особенности электронной речи? На коммуникативном уровне нас привлекают феномены буллинга и агрессии, языка вражды. Значимы психологические особенности исследуемой коммуникации – например, карнавальность, ироничность, агрессивность такой коммуникации, баланс самопрезентации и информации и т.д. Это не языковые, а коммуникативные явления. Это, скорее, епархия риторики новой фактуры речи, складывающиеся на наших глазах её новые нормы.

Показательна роль визуализации в мемах, мемы представляются как бы окказиональными слоганами.

Виртуальная коммуникация и соцсети привлекают внимание исследователей, так как проливают свет на языковые универсалии и коммуникативные максимы общения. Мы задаёмся вопросом, какую функцию вообще выполняет неформальная IT-коммуникация. Важны не только её языковые, но и её социальные, психологические особенности.

Эти практики влияют и на некомпьютерную («офлайновую») коммуникацию.

3. РИТОРИКА ЭЛЕКТРОННОГО ТЕКСТА С МАРКЕТИНГОВОЙ УСТАНОВКОЙ

В рамках интернет-дискурса для экономической активности можно выделить набирающие всё большую и большую популярность интернет-PR и рекламу [7].

Задачи, выдвигаемые такого рода деятельностью, – имиджевые, информационные, коммуникативные, рекламные. Какова организация коммуникации на сайте? Как добиться стимулирования

повторных визитов или увеличения времени, проведённого на сайте? Как научиться активно вовлекать пользователей в жизнь сайта? (Участие в дискуссиях, социальных опросах, конкурсах.) Как привлекать посетителей к развитию и продвижению ресурса? Как происходит формирование лояльности? Мы видим, что представления о массовой, однородной и пассивной аудитории уходят в прошлое. Показательна индивидуализация коммуникаций. Показательно и то, что рекламное обращение размещают под маской личных коммуникаций.

С коммуникативной точки зрения вызывают интерес презентационный дискурс, его отличие от рассказа, показа, описания, рассуждения.

Предметом риторического анализа является текст с маркетинговой установкой в социальных медиа. Основными тенденциями развития социальных медиа являются развитие нишевых, специализированных и бизнес-ориентированных социальных сетей; развитие нетекстового контента (видео, инфографика, интерактив) в социальных сетях; усиление влияния инфлюэнсеров на мнения аудитории; честность и открытость в размещении контента для доверия аудитории социальных медиа. Приводятся примеры креолизованной коммуникации на сайте, построения «продающей площадки», обсуждаются принципы организации коммуникации на сайте, правила продвижения сайта в соцмедиа.

За последнюю четверть века существенно изменилась медиакommunikация – от традиционных медиа до её сегодняшнего сетевого варианта лично-публичного характера. Эта коммуникация сегодня представляет собой обмен гипертекстовыми креолизованными мультимедийными текстами, построенными с установкой на интерактивность, с риторическим учётом гипотетического собеседника («подстройкой» к аудитории). Все дисплейные тексты характеризует и новый метод доставки – принципиальная конвергентность на экран мобильного устройства. Представления о массовой, однородной и пассивной аудитории уходят в прошлое, для XXI века оказывается характерна так называемая индивидуализация коммуникаций.

Нами исследовались язык и текстовое общение в чатах, в мобильных сообщениях, в комментариях к блогам. Интересны не только особенности языка, но и особенности коммуникации в этих средах. Этому подчинены некоторые руководства по современной журналистике [1], демонстрирующие особенности и русского языка, и языков вообще, и специфики такой риторики, и структуры такого текста.

Исследование электронной речи, языковых её особенностей выводит нас к более частному вопросу исследования риторики дисплейного текста с маркетинговой установкой.

Особый предмет нашего исследования составляет текст с маркетинговой установкой – производить то, что продаётся, а не продавать то, что производится (т.е. ориентироваться на нужды и потребности целевой аудитории). Это заранее подготовленный письменный электронный текст, построенный по определённым законам.

Интернет-маркетинг можно рассматривать как часть классического маркетинга, так как он использует те же основные принципы и методы, что и традиционный маркетинг. Однако интернет-маркетинг отличается от классического маркетинга тем, что он основан на использовании цифровых каналов коммуникации, таких как веб-сайты, социальные сети, электронная почта, поисковые системы и другие.

Показателен учёт фактора обратной связи в цифровой коммуникации. Кроме того, интернет-маркетинг позволяет учитывать поведение и предпочтения потребителей в режиме реального времени, благодаря чему маркетологи могут быстро адаптироваться к изменяющейся ситуации и оптимизировать свои маркетинговые стратегии. Это делает интернет-маркетинг более гибким и эффективным инструментом, чем классический маркетинг.

Основные мероприятия цифрового маркетинга, как известно, таковы: поисковая оптимизация (SEO), поисковый маркетинг (SEM), контент-маркетинг, маркетинг влияния (influencer marketing), автоматизация создания контента, маркетинг в электронной коммерции, маркетинг социальных медиа (SMM), прямые рассылки, контекстная реклама, реклама в электронных книгах, программах, играх и других формах цифровой продукции. Также используются каналы, не связанные непосредственно с сетью Интернет: мобильные телефоны (SMS и MMS), звонки и т.д.

Как же строится электронный маркетинговый текст в социальных медиа и на сайтах?

Основными тенденциями развития социальных медиа являются развитие нишевых, специализированных и бизнес-ориентированных социальных сетей; усиление технологичности и интеграция существующих социальных сетей; развитие нетекстового контента (видео, инфографика, интерактив) в социальных сетях; усиление влияния инфлюэнсеров на мнения аудитории и структуру рекламного бюджета брендов в социальных сетях; стремление брендов выступать в качестве медиакомпаний для целевой аудитории; честность и открытость в размещении контента для доверия аудитории социальных медиа.

Сайт представляет собой маркетинговый инструмент, объект и субъект рекламы. Организация коммуникации на сайте должна добиваться стимулирования повторных визитов, увеличения времени, проведённого на сайте, активного вовлечения пользователей в жизнь сайта (участие в дискуссиях, социальных опросах, конкурсах), привлечения посетителей к развитию и продвижению ресурса, формирования лояльности.

Разработаны правила продвижения сайта в соцмедиа. Продвижение – комплекс мер по привлечению на сайт посетителей из блогов, социальных сетей, повышение ссылочной популярности на основе создания таких сайтов и контента, на которые будут ссылаться. упрощение процесса добавления контента с сайта в соцсети, закладки, RSS–агрегаторы, привлечение входящих ссылок, поощрение тех, кто ссылается, обеспечение экспорта и распространение контента со ссылками на источник, поощрение создания сервисов, использующих контент

Электронная коммерция (E-Commerce) – это процесс покупки и продажи товаров и услуг через Интернет. Она включает в себя все виды бизнес-транзакций, которые проводятся с использованием электронных средств связи, таких как Интернет, электронная почта и мобильные устройства. Существуют различные формы электронной коммерции, включая онлайн-магазины, маркетплейсы, электронные аукционы, цифровую дистрибуцию контента, онлайн-банкинг и др. Такие сайты должны содержать т.н. лендинги (конкретные предложения).

Пример структуры классического лендинга: логотип – краткое описание деятельности компании – бесплатный набор номера телефона – кнопка, побуждающая к действию, заказать – обратный звонок. При этом торговое предложение должно иметь и четкое, цепляющее описание, яркую, привлекательную картинку, и форму для моментального оформления заказа. Приведем пример создания лендинга нашей студенткой, разрабатывавшей оптимизацию продвижения студии йоги на местном рынке:

При этом структура лэндинга может включать:

Описание проблем, с которыми сталкивается заказчик при выборе товара или услуги, основные преимущества товара, если он приобретён именно у вас, положительные отзывы клиентов (обязательно с фото). С прагматической точки зрения показателен активный призыв к действию(заказать). Важно поставить ограничение для посетителя, чтобы у него не было возможности подумать и передумать: привлекательная цена или дополнительный бонус, действующий короткий промежуток времени.

Схематичное изображение этапов работы (звонок-формирование заявки- реализация услуги – довольный клиент);

Футер – полное или частичное дублирование шапки страницы с указанием реквизитов организации и конкретных данных.

Главное преимущество этого вида ресурса- повышенная конверсия, достигаемая за счёт узкой направленности точечного воздействия на целевую аудиторию.

В этой связи обсуждаются и исследуются E-mail маркетинг, вирусный маркетинг, мобильный маркетинг.

Показательно выполнение таким текстом прагматической функции, способность привлекать внимание – кликбейт. Принципы построения такого текста происходят с учётом гипертекстового маршрута. Показательно понимание структуры гипертекста как метафоры хранения знаний в памяти человека. Работы как теоретиков медиатекста, так и лингвистов и психолингвистов заставляют нас размышлять о научной проблеме «лингвистика гипертекста». Показателен и сам новый вид бытования текста – гипертекст. Здесь характерны и индивидуальность маршрута, и креолизованный характер текста (мультимодальность), и особые характеристики диалогизма, и интенция интерактивности в таком тексте и т.д.

Особый характер разговорности такого текста, анонимность участников чата ведёт к расширению карнавальности. Показательна и особая установка на нарративность, также приводящая к расширению репертуара общения.

Анализ обратной связи в коммуникации представлен прежде всего анализом статистики участия в такой коммуникации – анализом метрик. Организация отслеживает общий трафик на своём веб-сайте, включая общее количество посетителей, уникальных посетителей и их источники (такие как органический поиск, прямой трафик, ссылки с социальных сетей). Это позволяет им понять, какие маркетинговые каналы наиболее эффективны в привлечении аудитории.

Отслеживание трафика на веб-сайте является важной метрикой для команды, чтобы понять, как пользователи находят и взаимодействуют с их сайтом. Существует несколько инструментов и методов, которые команда может использовать для отслеживания трафика:

4. СЕТЕВОЙ ДИСКУРС ДЛЯ ЛИНГВОДИДАКТИКИ И ДИДАКТИКИ

Целью этого этапа работы было сформулировать представление о медиапедагогическом этапе лингводидактики в связи с особенностями медиапотребления и медиаповедения и оценить ресурсы для медиапедагогического этапа лингводидактики.

Современный этап работы с медиа характеризует наличие пользовательского контента, видеохостингов, блогов, сайтов, медиатизацию жизни («чего нет в жизни – нет в медиа, чего нет в медиа – нет в жизни»), наличие большого количества конвергентных медиа. Появилась возможность читать и смотреть любые аутентичные медиа, что даёт новые возможности для лингводидактики [18;19]. Этого, конечно, не было до интернетизации, некоторые дискурсы были малодоступны. Масс-медиа дают широкий тематизм – представляют панораму от политики до культуры и спорта, полотно социальной жизни, культуры, экономики, что особенно важно на фоне медиатизации жизни.

Методологически работа ориентируется на концепцию вторичной языковой личности и компонентов языковой способности Г. И. Богина, методы оценки лингводидактической эффективности материала – авторефлексивные и опытно-педагогические (в коллективе обучаемых продвинутого уровня, нуждающимися в профессионализации языкового образования).

Медиаресурсы продвинутого уровня – ресурсы трёх категорий. Во-первых, это культура языкового коллектива, во-вторых, актуальная медийная повестка, в-третьих, профессиональный пласт языковой личности.

Показателен отбор материалов для обучения, степень его устности, разговорности, формальности, аутентичности, подготовленности (спонтанности). В наших работах продемонстрированы особенности форматов работы с медийным материалом на продвинутой ступени обучения, направленные на развитие принципиально иных, характерных для цифровой среды обучения навыков речевой деятельности.

Кроме учебных курсов, в распоряжении обучаемого в одном клике мыши находятся аутентичные новости, видео, компьютерные игры, видеофильмы, видеоблоги, записи. Наступил современный медиапедагогический этап лингводидактики.

5. ЦИФРОВАЯ РИТОРИКА ДЛЯ ПРЕДВЫБОРНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ

Настоящая часть работы создавалась на основе изучения предвыборной коммуникации в XXI веке, с момента появления Интернета, а потом и сетевых технологий. Материал анализа представлен, начиная с президентских кампаний Б.Обамы,

Н.Саркози, Ф. Олланда, С.Руаяль, Д. Маккейна и других кандидатов, анализа партийной политики, кампаний по выборам федерального и регионального уровня в РФ. Материал представлен также не только риторикой кампаний различного уровня, но и библиографическим опытом их освещения. Материал исследования представлен статьями традиционных и новых медиа, политическими речами, слоганами, предвыборными агитационными раздаточными агитационными материалами, плакатами, а также *дискурсом о дискурсе* – библиографическими источниками, посвящёнными выборам. Методом выступает качественный, социологический, концептуальный анализ – поиск самого ракурса освещения, метода анализа этих кампаний.

Сетевой подход подчёркивает значимость сетевой, виртуальной коммуникации. Это анализ сетевого представительства, сетевого голосовая, сетевой мобилизации и фандрейзинга. В этой сфере практика как бы идёт впереди теории, а теоретики не успевают за динамично развивающимися практиками коммуникации.

Происходит онлайн-овое обсуждение полемики кандидатов в блогах, деталей их речей, биографий, оценка опыта управления. Вспомним, что в США сама конвенция демократов четырёхлетней давности (съезд, выдвигающий единого кандидата от демократов для участия в президентской гонке) проходила онлайн! Обсуждается электронная риторика кандидатов.

Показательна Твиттер-коммуникация политиков, выполняющая и имиджевую функцию [6], и функцию установления повестки дня, и функцию адресации к различным целевым аудиториям – демографическим группам и т.д. Твиттер служит и функции обратной связи с аудиториями. Это возможность анонсировать какие-либо ивенты. У популярных политиков миллионы читающих – но скромнее цифры читаемых и допущенных к обсуждению твитов. Твиттер демонстрирует возможности передачи медийных материалов вне институциональных рамок СМИ – заявлений, включения подкастов, фотографий, видео, лайф-стримов – создаётся новая, действительно мультимедийная интернет-журналистика.

Известен Твиттер-президент Трампа. Для Трампа характерно и использование собственной сети. Во время своей политической карьеры он столкнулся с запретом на участие в соцсетях.

Твиттер демонстрирует и возможности крауфдинга, фандрейзинга.

Сеть недаром рассматривается как средство для распространения медийной политической рекламы, мобилизации сторонников, видеопрезентаций (хостинг you-tube). Запрет на политическую рекламу в ряде социальных сетей свидетельствует о значимости такой коммуникации в политической культуре.

Понятно, что исследование сетей не должно ограничиваться анализом дискурса, а должно исследовать аудиторию. Какими же методами исследовать и интерпретировать политические тексты? Насколько валидны методы оценки эффективности такой коммуникации? Почему приоритет традиционно отдаётся количественным методам оценки текстов? Эти вопросы остаются открытыми.

Медийный подход представляется частью сетевого: и ТВ, и газеты тоже переходят в Интернет, в мобильную телефонию. Лейтмотивом звучит неновая мысль о медийности современного мира (*media-oversaturated world*). Чётко акцентируется идея постоянного культурного диалога – как внутри нации, так и между нациями – который ведётся как в частной, так и публичной сферах (радио, ТВ, публичные речи, фильмы). Показательно появление работ о том, что риторика зависит от типа медиа. Ряд работ посвящён негативной, популистской риторике.

Риторический подход – один из наиболее древних подходов. риторика кандидатов, анализ дебатов, политической риторики, явственна в связи с институционализацией в нашем обществе публичных дискурсивных практик подобного типа. Дебаты проходят в университетской аудитории, транслируются медиа. Это большая школа публичной риторики. В ходе дебатов используются и оскорбления, и критика личности, и нападки, и чёрная риторика. Риторика воплощается в свободном споре в университетской аудитории, транслируемой на всю страну/ Показательно, что исследуются как обращения к аудитории сторонников, так и не определившихся с выбором].

Роль дебатов можно увидеть по время начала президентской гонки в США в 2024 году: Трамп отказывается от дебатов в Нью-Хэмпшире, а Ники Хейли отказывается принимать в них участие, если в них не будет принимать участие Трамп.

При этом сетевой, медийный и риторический подходы анализируют не институциональные условия, не политологию, не психологические стереотипы или социологические пристрастия, а дискурс.

6. ВЫВОДЫ

Нами в статье показаны лишь некоторые сферы цифровой риторики. Показана важность исследования особенностей цифрового дискурса, а также цифровая риторика медиаобразования, политической мобилизации и цифрового маркетинга. Несомненно, эти и другие практики цифровой риторики привлекают внимание, так как являются социально значимыми.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амзин, А. А. Интернет-журналистика. Как писать хорошие тексты, привлекать аудиторию и зарабатывать на этом. – URL; <https://uzjoku.uz/uploads/uzjoku/kitoblar/51807303.a4.pdf>

2. Асмус, Н. Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2005.
3. Безменова, Н. А. Очерки по теории и истории риторики / Н. А. Безменова ; отв. ред. д-р. филолог. наук Ф. М. Березин ; ИНИОН АН СССР. – Москва : Наука, 1991. – 215 с.
4. Бушев, А.Б. Цели сетевого дискурса как основание его классификации.// Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2022. – № 2 (50). – С. 86-102
5. Бушев, А. Б. Информационно-коммуникационные технологии в профессиональной деятельности: сетевой дискурс : учебное пособие для вузов / А. Б. Бушев. – Санкт-Петербург : Лань, 2023. – 180 с.
6. Галичкина, Е.Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2001.
7. Интернет-маркетинг и digital-стратегии. Принципы эффективного использования: учеб. пособие / О. А. Кожушко, И. Чуркин, А. Агеев и др. ; Новосиб. гос. ун-т, Компания «Интелсиб». – Новосибирск : РИЦ НГУ, 2015. – 327 с.
8. Казнова, Н.Н. Трансформация языковой личности в Интернет-коммуникации (на примере французской блогосферы): дис. ... канд. филол. наук. – Пермь, 2011.
9. Калашникова, А. А. Языковая личность в русскоязычном блоге: когнитивно-прагматический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-н/Д, 2011.
10. Космарская, И.В. Новейшие технологии и русский язык: перспективы исследований // Русский язык и русская литература в цифровую эпоху : коллективная монография. – 2022. – С. 8-16.
11. Маринова, Е.В. Язык Рунета в Сети и за ее пределами: от вербализации ключевых идей интернет-пространства до обновления художественного дискурса. – М.: URSS, 2022.
12. Русский язык и русская литература в цифровую эпоху : коллективная монография / московский гос. Лингвистический ун-т ; под ред. И. А. Краевой и др. – Казань : бук, 2022. – 268 с. – текст : непосредственный.
13. Сидорова, М. Ю. Интернет-лингвистика: Русский язык. Межличностное общение. – М.: «1989.ru», 2006.
14. Трофимова Г.Н. Языковой вкус Интернет-эпохи в России: Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты – М.: Изд-во РУДН, 2004.
15. Core Principles of of media education [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://namle.net/resources/core-principles/> (дата обращения: 04.01.2024).
16. Journal of Media literacy education [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digitalcommons.uri.edu/jmle/> (дата обращения: 04.01.2024).

17. Matisse, Enzar Matisse's Glossary of Internet Terms. – URL: <http://www.matisse.net/files/glossary.html> (дата обращения 06.02.2024). Social media slang. – URL: <http://www.chatslang.com/terms/social-media>(дата обращения 06.02.2024)
18. Social networking abbreviations. – URL: http://www.allacronyms.com/social_networking/topic (дата обращения 06.02.2024)
19. What Do #FF, #TBT, #GFF, FOH, RLRT And Other Twitter & Instagram Hashtags & Terms Mean //2024, February 24. – URL:<http://www.ibtimes.com/what-do-ff-tbt-gff-foh-rlrt-other-twitter-instagram-hashtags-terms-mean-1021098>

АННОТАЦИЯ

Бушев А. Б. Исследования цифровой риторики

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-3-17

Настоящая работа носит обзорный характер, обобщая работы автора. Она посвящена цифровой риторике, которая включает в себя не только интерес к языковым особенностям организации цифрового дискурса, но и учёт целевой установки общения. Показана риторика медиаобразовательной, маркетинговой сферы и сферы политической мобилизации. Представленная программа исследования цифровой риторики включает и другие сферы. Тематика является продолжением осуществлённого научно-исследовательского проекта по неориторике (Н. А. Безменова и соавт.).

Ключевые слова: цифровая риторика, дискурс, медиаобразование, медиамаркетинг, медиамобилизация.

SUMMARY

Bushev A. B. Research in Digital Rhetoric

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-3-17

This work is of a review nature and summarizes author's work. It is devoted to digital rhetoric, which includes not only an interest in the linguistic features of the organization of digital discourse, but also taking into account the purpose of communication. The rhetoric of the media education, marketing sphere and the sphere of political mobilization is shown. The presented program of research on digital rhetoric also includes other areas. The topic is a continuation of the ongoing research project on neo-rhetoric (N. A. Bezmenova et al.)

Key words: digital rhetoric, discourse, media education, media marketing, media mobilization.

*Р. М. оглу Новрузов
(г. Баку, Азербайджан)*

УДК 811. 161. 1

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-18-24

К ПЕРЕДАЧЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО СТИЛЯ ПИСАТЕЛЯ НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА ПОВЕСТИ «КОТЛОВАН» АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА НА АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ЯЗЫК

Прежде чем перейти к анализу оригинального и переводного текстов необходимо определить основные особенности авторского стиля А. Платонова. Все исследователи творчества русского писателя единодушно отмечают, что его язык не соответствует нормам русского литературного языка. Более того, в каждом предложении встречаются словосочетания, отяжеленные множеством смыслов. Вот, что пишет М.Ю. Михеев в своих истолкованиях: «Платоновское словосочетание комбинирует в себе смысл сразу нескольких стандартных языковых сочетаний, выражая их сгущенный, своеобразно стянутый в единое целое смысл» [4, с. 19]. Он же, наряду с языковой избыточностью, выделяет «элементы тавтологии и вычурности, некое суконного «советского», или по-канцелярски испорченного языка» [4, с. 19]. Другими словами, в платоновском языке словесное излишество, плеоназм, работает как в авторском повествовании, так и в речи персонажей на идеологическую директиву пролетариата, исполняя при этом роль поэтического приема. Аналогичную точку зрения относительно языка автора выражает американский ученый Т. Сэйфрид, называя его «решительно странным» [8, с. 155]. Конечно, можно продолжить этот перечень истолкований известными учеными, но от этого оценка языка Платонова не будет меняться. Подытоживая их, следует отметить специфичность, неординарность текстов этого писателя, которая наблюдается на всех уровнях языка.

Выявленные особенности индивидуального стиля исследователями красноречиво говорят о том, какую реальную сложность могут представлять его тексты для переводчиков и к каким приемам передачи они прибегнут. Более того, как отмечает современный исследователь Е. В. Куликова большинство переводов Платонова на инонациональные языки не могут дать полное представление о произведениях писателя [2, с. 116]. То есть констатируется мысль о непереводаемости произведений этого писателя. Однако эта мысль, не лишенная объективности, не подтверждается практикой. Дело в том, что каждый переводчик, обращающийся к художественному тексту писателя, оказывается в затруднительном положении, ибо на каждом шагу приходится принимать решения о выборе вынужденных жертвований и

сохранения важнейших элементов подлинника. Последний процесс наблюдается при переводе художественного произведения любого писателя. Между тем, как мы отметили выше, в случае с текстами Платонова переводчику необходимо раскрыть степень соответствия между исходными переводными текстами на предмет эквивалентности, полноценности, инвариантности и т.д. Внесем ясность в определение этих понятий. А.В. Федоров следующим образом рассматривает понятие полноценности: «Полноценность перевода состоит в передаче специфического для подлинника соотношения содержания и формы путем воспроизведения особенностей последней (если это возможно по языковым условиям) или создания функциональных соответствий этим особенностям» [9, с. 144]. Обратим внимание на выражение «специфическое». Именно с этим «специфическим» сталкивается переводчик с произведениями Платонова. У Платонова весь текст состоит из этого сложного «материала». В таком случае даже незначительные упущения в передаче «функциональных соответствий» могут повлиять на полноценность перевода. Т.А. Казакова выражает свое согласие с мнением Федорова, добавляя к сказанному им оговорку: «поскольку не приравнивает разные по своей природе, стилистическим и информационным особенностям языки и тексты, а лишь говорит о степени полноты переводческого поиска» [1, с. 12].

Проведем выборочный анализ текста повести «Котлован» для выявления языковых изобразительных средств и их передачи на азербайджанский язык. Возьмем диалоги, где участники используют в своей речи слова *жизнь* и «*существование*».

Оригинал: «– *Администрация говорит, что ты стоял и думал среди производства, – сказали в завкоме. – О чем ты думал, товарищ Воцев? – О плане жизни. – Завод работает по готовому плану тresta. А план личной жизни ты мог бы прорабатывать в клубе или в красном уголке. – Я думал о плане общей жизни. Своей жизни я не боюсь, она мне не загадка. – Ну и что же ты мог сделать? – Я мог бы выдумать что-нибудь вроде счастья, а от душевного смысла улучшилась бы производительность*» [5, с.109].

Перевод: «- *Administrasiya deyir ki, sən iş vaxtı fikrə getmisən – zavod komitəsində dedilər. Siz nə fikirləşirdiniz, yoldaş Voşev? – Həyat planı qururdum. Zavod trestin hazır planı üzrə işləyir, sən şəxsi həyatınla bağlı planlar haqda klubda və ya qırmızı guşədə fikirləşə bilərdin. – Mən ümumi həyat planı üzərində düşünürdüm. Öz həyatımla bağlı qorxum yoxdur, mənim üçün bu, tapmaca deyil. – Yaxşı, sən nə edə bilərdin ki? – Mən xoşbəxtliklə bağlı nəsə bir mənə fikirləşib tapa bilərdim və ruhlanardım, bununla da işgüzarlığım artardı* [6, с. 8].

В оригинале лексема «*жизнь*» повторяется в следующих сочетаниях «*план жизни*», «*личная жизнь*», «*общая жизнь*», «*своя*

жизнь». «Представитель завкома» с выраженным канцелярским подходом рассматривает слово «жизнь» в рамках плана производства, то есть указанные сочетания расширены в семантическом объеме и подчинены исключительно улучшению производительности. Переводчик весьма удачно сохраняет все сочетания со словом жизнь: “*həyat planı*”, “*şəxsi həyat*”, “*üümü həyat*”, “*öz həyatım*”, что соответствует стилю автора. Здесь переводный текст передает речевую характеристику персонажа.

Второй диалог между рабочими-землекопами и Воцевым строится на лексеме «существование».

Оригинал: «– Ты зачем здесь ходишь и существуешь? – спросил один, у которого от измождения слабо росла борода. – Я здесь не существую, – произнес Воцев, стыдясь, что много людей чувствуют сейчас его одного. – Я только думаю здесь. – А ради чего же ты думаешь, себя мучаешь? – У меня без истины тело слабнет, я трудом кормиться не могу, я задумывался на производстве, и меня сократили... – Что же твоя истина! – сказал тот, кто говорил прежде. – Ты же не работаешь, не переживаешь веущества существования, откуда же ты вспомнишь мысль!» [5, с. 115].

Перевод: «– *Sən burada nə gəzirsən və niyə burda varsan? - bitkinlikdən saqqalı seyrək çıxan biri soruşdu. – Mən burada heç nə gəzmirəm, - təkləndiyini hiss edən Voşev dedi. – Mən burda sadəcə düşünürəm. – Nəyə görə sən düşünüb özünü incidirsən? – Mənim doğrularım olmayanda bədənini zəifləyir, mən ancaq işləməklə yaşaya bilmirəm, zavodda düşündüyüm üçün məni azad ediblər... – Nədir sənin doğrun? - Bayaq birinci danışan soruşdu. – Sən ki, işləmirsən, həyəcanlanmırsan, mövcud olmaqla bağlı məsələlər səni narahat etmir, hansısa fikir hardan sənin ağılına gələ bilər?» [6, с. 17].*

Как и в первом диалоге, так и здесь резко бросается в глаза использование героями повести официально-деловой лексики, способное, по их убеждению, преобразовать социальную действительность. Переводчик, сообразуясь с содержанием текста, слово «существование» передает двумя вариантами «*var*» и «*mövcud*». Вызывает возражение замена во втором предложении «не существую» на «*heç nə gəzmirəm*» («ничего не гуляю»), которая не согласуется с конструкцией текста и авторского замысла. Анализ помогает раскрыть весьма интересные детали оригинала. В этих диалогах «представитель завкома» и рабочий-землекоп рассматривают «жизнь» и «существование» в контексте строительства «новой жизни», где указанные понятия трансформируются сквозь призму труда и производства, приобретая значение никчемности, физической принужденности, не принимающего и отвергающего духовность – мышление как процесс, отсутствие сознания. Нам представляется, что переводчику удалось сохранить именно эту основную мысль автора.

Показательным в смысле придания бессмысленной речи чрезмерного наукообразного пафоса является фрагмент урока обучения грамоте в колхозе имени Генеральной Линии: «– *Пишите далее понятия на “б”. Говори, Макаровна!*

Макаровна приподнялась и с доверчивостью перед наукой заговорила:

– *Большевик, буржуй, бугор, бессменный председатель, колхоз есть благо бедняка, браво-браво-ленинцы! Твердые знаки ставить на бугре, большевике и еще на конце колхоза, а там везде мягкие места!»* [5, с. 165]. Самым сложным в данном тексте найти эквиваленты на понятия с буквой «б»: *«большевик, буржуй, бугор, бессменный председатель, колхоз есть благо бедняка, браво-браво-ленинцы»*. Нетрудно себе представить, что на языке перевода подобрать соответствия на букву «б» – архитрудная задача. Смысловые значения к этим словам можно найти, но они не будут начинаться с буквы «б». Мало того, все слова должны отражать идеологические штампы того времени. Обратимся к переводу:

“Arđını yazın, “b”hərfilə başlayan sözlər: Danış, Makarovna!

Makarovna ayağa qalxdı və inamla dedi: – Bolşevik, burjuı, birlik, baş, birinci. Bircə kolxoz yoxsulların çıxış yoludur, bravo-bravo leninçilər, vurğu bolşevik, bravo və kolxoz sözündə qoyulur, qalanları isə yumşaq deyilir” [6, с. 100]. Переводчик, не нарушая стиля автора, находит замену словам «бугор» и «бессменный председатель» – “birlik” (“единство”), «главный», «первый». Эти замены восполняют вынужденные утраты, сохраняя общий дух революционных штампов.

Очень часто говорят о том, что переводчики порой оказываются перед дилеммой оставления лексической единицы, носящей национально-культурную специфику или же, принимая во внимание адекватное восприятие оригинала, передать их в более доступном варианте. В «Котловане» Платонова таких примеров много. Возьмем хотя бы следующий текст: “*Пашкин, услышав жену, почувствовал любовь и спокойствие, к нему снова возвращалась основная жизнь.*

– *Ольгуша, лягушечка, ведь ты гигантски чувствуешь массы. Дай я к тебе за это приорганизируюсь!”* [5, с. 130].

“Paşkin arvadını eşidən kimi sevgi və rahatlıq hiss elədi. O yenə həyatının əsas məsələlərinə qayıdırdı.

– *Olquşa, böcəyim, sən kütləni çox yaxşı tanıyırsan! Buna görə mən sənə sığınmaq istəyirəm!”* [6, с. 42].

В обращении Пашкина к жене с уменьшительно-ласкательным «*Ольгуша, лягушечка*» ощущается нечто близкое, родное, сказочное. Если передать его как «*Olquşa, qurbağasıgım*», то азербайджанский читатель воспримет слово «лягушечка», не с положительным оттенком, а как отрицательную коннотацию. Учитывая сказанное,

переводчик, на наш взгляд, выходит из затруднительного положения выбором адекватного слова «*böcsəu*» («жучок»). Менее удачным является перевод вычурного слова «приорганизируюсь» (“*siğınmaq istəyirəm*”), которое следовало бы передать как «*təşkilatlanıram*». Как видим, все зависит от изобретательности и владения переводчиком фоновыми знаниями, которые дают возможность выхода из сложных ситуаций.

Но не всегда удача сопутствует переводчику. Так, в отрывке, где идет агитация о вступлении в колхоз, речь крестьянина для создания сатирического эффекта стилизуется под народный язык: “*Ты мне, товарищ главный, скажи на утеху: писаться мне в колхоз на покой иль обождать? – Пишишь, конечно, а то в океан пошло! – Бедняку нигде не страшно: я б давно записался, только зою сеять боюсь. – Какую зюю? Если сою, то она ведь официальный знак!*” [с. 169].

Переводчик выборочно подходит к передаче стиля народного языка в речи крестьянина. Показательные для речи единицы «на утеху», «писаться», «пишишь» теряют свою стилистику, переходя в разряд чисто литературных лексем. Их замены («*sevindirici*», «*yazılım*», «*yazıl*») не вписываются в общий контекст речи в ряду адекватно переданных «*yoldaş rəhbər*» («товарищ главный»), «*okeana göndərərəm*» («в океан пошлю»), “*zoy əkməyə*” («зюю сеять»), “*rəsmiləşmiş dənli bitki*” («официальный знак»). Последние эквиваленты полностью отражают диалогическую деформированную речь: “*Sən mənə, yoldaş rəhbər, bir sevindirici xəbər söylə. Rahatlıq üçün, kolxozu yazılım, yoxsa hələ gözləmək lazımdır? – Yazıl, əlbəttə, yoxsa okeana göndərərəm! – Kəsib heç yerdən qorxmur; mən çoxdan yazıldım, yalnız zoy əkməyə qorxuram. – Nə zoy? Soyunu deyirsənsə, o rəsmiləşmiş dənli bitkidir axı. – Yaxşı, əkmə, mən sənə psixologiyanı nəzərə alıram*” [6, с. 107].

Таким образом, проделанный анализ повести «Котлован» Андрея Платонова на предмет передачи словосочетаний позволяет сделать вывод, что текст представляет большую трудность при переводе его на другие языки. Именно последнее заставляет ученых говорить о непереводаемости платоновских текстов на инонациональные языки. Известно, что при переводе неизбежны различные трансформации. Что же касается перевода повести, то тут необходимо делать акцент на верную передачу концептуальных сочетаний, которые позволяют адекватность восприятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Казакова, Т. А. Художественный перевод: в поисках истины. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Издательство СПбГУ, 2006. – 224 с.

2. Куликова, Е. В. Некоторые аспекты перевода прозы Андрея Платонова на английский язык // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». – 2018. – № 5/2. – С. 116–121.
3. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие / В.А. Маслова. – 3-е изд., испр. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 296 с.
4. Михеев, М. Ю. В мир Платонова через его язык. Предположения, факты, истолкования, догадки. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – 408 с.
5. Платонов, А. П. Котлован // Государственный житель: Проза, письма. – М.: Советский писатель, 1988. – 608 с.; С. 108–197.
6. Platonov Andrey. Kotlovan (Ruscadan çevirən Aysel Əlizadə). Bakı, “Qanun Nəşriyyatı”, 215. – 152 s.
7. Проблемы типологии текста: Сб. науч.-аналит. Обзоров. М., 1984. – с. 110.
8. Seifrid, T. A Companion to Andrei Platonov's The Foundation Pit / University of Southern California. - Boston: Academic Studies Press. – 2009. – 196 p.
9. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): для институтов и факультетов иностр. языков. Учеб. пособие. – 5-е изд. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ООО «Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. – 416 с.

АННОТАЦИЯ

Новрузов Р.М. К передаче индивидуального стиля писателя на материале перевода повести «Котлован» Андрея Платонова на азербайджанский язык

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-18-24

Статья посвящена анализу повести Андрея Платонова «Котлован» для выявления передачи индивидуального стиля автора на азербайджанский язык. Известно, что одной из особенностей художественного произведения является идейно-эстетический замысел автора, его миропонимание, выраженное в выборе языковых средств изображения, использование им элементов различных функциональных стилей, необычных грамматических форм, нестандартных словообразований и так далее. Все указанные особенности вновь актуализируются в переводе художественного текста на азербайджанский язык.

Ключевые слова: описание индивидуального стиля, текст, знаки, перевод, восприятие.

SUMMARY

Novruzov R.M. On the Problems of Translating the Story “The Pit” by Andrei Platonov into Azerbaijani Language

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-18-24

The article is devoted to the analysis of Andrei Platonov's story “The Pit” to identify the transfer of the author's individual style into the Azerbaijani language. It is known that one of the features of a work of art is the ideological and aesthetic intent of the author, his worldview, expressed in the choice of linguistic means of depiction, his use of elements of various functional styles, unusual grammatical forms, non-standard word formations, and so on. All these features are again updated in the translation of the literary text into the Azerbaijani language.

Key words: description of individual style, text, signs, translation, perception.

А.В. Петров (г. Симферополь, РФ)

Л.А. Петрова (г. Горловка, РФ)

УДК 811.161.1'37

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-24-39

РАССКАЗ С. Н. СЕРГЕЕВА-ЦЕНСКОГО «СКАЗОЧНОЕ ИМЯ» В АСПЕКТЕ КРЫМСКОЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ РЕГИОНАЛИСТИКИ

КРЫМ В ТВОРЧЕСКОЙ СУДЬБЕ ПИСАТЕЛЯ

Сергей Николаевич Сергеев-Ценский не раз отмечал особую роль Крыма в формировании себя как писателя: «Я вышел из мастерской алуштинских окрестностей. Это величие пейзажа и создало мою душу художника слова» [17, с. 215]. По воспоминаниям А. С. Новикова-Прибоя, во время одной из встреч маститый писатель утверждал, что Крым сыграл значительную роль в его судьбе: история Крыма, всё то «героическое, что здесь произошло в прошлом», – его природа, Чёрное море «одарили меня многим... Я стал певцом Крыма» [33, с. 122].

Степень изученности творчества писателя

В творческом наследии С. Н. Сергеева-Ценского в той или иной степени исследованы следующие аспекты: средства выражения категории пространства (Е. Е. Яковлева), лексические средства изображения пейзажа (Н. В. Чеснокова), символизм ранней прозы (Д. С. Берестовская), система образных средств (Р. П. Козлова), антрополексемы (формы антрополексем и варианты именования) (Н. А. Гончарова), глаголы обонятельного восприятия (С. И. Чуксина), лексика цвета (Е. Ю. Касьянова). Лексикографическое направление представлено словарём сравнений писателя (Р. П. Козлова,

Н. В. Чеснокова). Обобщающее исследование о Сергееве-Ценском как художнике слова проведено Н.М. Любимовым, который выявил особенности идиостиля писателя [16].

Однако «в ономастическом аспекте язык С. Н. Сергеева-Ценского практически не изучен, хотя некоторые другие стороны его языковой индивидуальности были исследованы тамбовскими учёными», – отмечает Н. А. Гончарова [4].

Цель статьи – проанализировать рассказ С. Н. Сергеева-Ценского «Сказочное имя» с позиции крымской филологической регионалистики, раскрыть, как местнографический материал пропускается сквозь призму сознания главного героя.

Постановка проблемы

Произведения С. Н. Сергеева-Ценского связаны с событиями, реалиями, социумом, этносом и природой Крыма и отражают уникальность крымской земли, что представляет интерес для филологической регионалистики как активно развивающегося научного направления. Познание художественного мира писателя опирается на «текст», который содержит в себе местнографический материал, реальной единицей измерения при этом служит слово.

Первоначальный интерес филологической регионалистики связан с изучением содержательной и идейной сторон художественных произведений, важных для конкретного региона, лингвистический же аспект, как правило, находится на втором плане. В предпринятом исследовании мы изменили угол зрения, взяв за основу лингвистическую составляющую, в частности, топоним, аккумулирующий культурно-исторический контекст из жизни Крыма и прочувствованный главным героем произведения.

Теоретическая основа исследования

В настоящее время активно развивается «региональность как явление социально-культурной жизни человека, как система её “знаков” и ярких характеристик, социально-культурный код современной реальности» [3, с. 91].

М. А. Новикова выделяет регионалистику как самостоятельную комплексную область гуманитарных наук: «В ней находят место любые науки, от природоведческих (изучающих регион как природу, “натуру”) до гуманитарных (исследующих регион как “культуру”). Важно при этом (хотя бы предварительно) очертить приоритетные проблемы регионалистики» [21]. Регионалистика коррелирует со следующими понятиями: «Теология. Философия. Этиология. Культурология. История. Этнография. Фольклористика. Лингвистика. Литературоведение» [21].

Актуальной становится и филологическая регионалистика, которая имеет большой потенциал в области изучения языка писателя, творчество которого связано с определённым регионом.

Так, в Тамбове на базе ТГУ имени Г. Р. Державина выходит специальный научный и информационно-аналитический журнал «Филологическая регионалистика». В понимании филологической регионалистики (ФР) мы опираемся на работы Л. В. Поляковой, согласно которым

- ФР ориентируется на литературно-художественную классику,
- исследует литературно-художественные явления и эволюцию региональной субкультуры,
- изучает широкий спектр местнографических реалий, связанный с этническими, историческими, природными, культурными факторами, осмысленными в художественном произведении,
- исследует язык и языковые процессы описываемой эпохи,
- использует не только филологический инструментарий, но и широкий культурно-исторический подход,
- активизирует обращение к междисциплинарным знаниям,
- выявляет особенности творческой индивидуальности писателя [27, с. 195–196].

Параллельно с филологической регионалистикой развивается и краеведение – «комплексная наука», которая, по мнению Д. С. Лихачёва, «соединяет в себе сведения природоведческие, исторические, искусствоведческие, по истории литературы, науки и т. д.» [15], относящиеся к одной местности. Литературный аспект – только одна из составляющих краеведения, и немаловажно учитывать и другие аспекты, особенно историю края, его культуру, природный ландшафт.

Отталкиваясь от краеведения, исследователи выделяют краеведческий дискурс (В. В. Гизер, Г. П. Пирожков, Т. А. Ященко), который ориентирован на создание и осмысление образа «малой родины» и включает в себя региональные массмедиа, локальные тексты, научные и научно-популярные работы, связанные с исследованием родного края.

Литературное краеведение направлено на изучение

- литературной жизни в её синхронном и диахронном срезе,
- жизни и творчества писателей – уроженцев данного края или проживших в нём некоторое время,
- природных особенностей, хозяйства, истории, этнографии, культуры небольших территорий и отдельных населённых пунктов с их ближайшим окружением, отражённых в художественной литературе [32; 39].

Обусловленность литературного краеведения единством изображаемого пространства также ставит его в ряд с литературной географией. В. Н. Калущков рассматривает литературное краеведение

в составе культурной географии, обозначая её предмет как «взаимодействие литературного и географического пространств» [7, с. 69]. С точки зрения географа литературные и фольклорные тексты становятся источником сведений о местности, её образе.

Как полагает Е. Е. Соловьёва, в центре внимания традиционного литературного краеведения находится «художественный текст в его структурно-семантическом и функциональном единстве, в неразрывной связи с культурным и литературным контекстом» [32, с. 180]. Образы родной природы, климатические, этнографические и другие особенности местности являются сопутствующей информацией [32, с. 180].

Разграничивая литературное краеведение и филологическую регионалистику, Л. В. Полякова подчёркивает значимость собственно литературоведческих навыков для первого и комплексный, междисциплинарный подход (исторический, культурологический и филологический) для второго [26, с. 13].

Таким образом, филологическая регионалистика и краеведение пересекаются, так как непосредственно связаны с местнографическим материалом; однако филологическая регионалистика *предполагает изучение на основе художественного текста широкого спектра местнографических реалий, осмысленных в том или ином аспекте с позиции автора или персонажа художественного произведения, живого разговорного языка, ономастических единиц, идиостиля писателя, способствует активизации междисциплинарных процессов в изучении местнографического материала.*

В осмыслении филологической регионалистики Крыма делаются первые шаги. Так, на материале романа И. Сельвинского «О, юность моя!» А. В. Петров предпринял попытку изучить язык и уклад жизни многонационального крымского города Евпатория в определённый исторический период – между февральской революцией 1917 года и окончанием Гражданской войны в Крыму в ноябре 1920 года [23]. В работе учёного «панорама жизни Евпатории представлена при помощи цитатного текста, то есть дословной выдержки фрагментов разного объёма – от предложения до более крупных отрезков произведения, – с последующим выборочным его лингвистическим и филологическим комментированием» [23]. Исследователь пришёл к выводу о том, что «знание Крыма проявляется И. Сельвинским и в воспроизведении многоязычия полуострова, его речевой стихии, а также лексических и фразеологических регионализмов как локальных речевых феноменов своего времени» [23].

Изложение основного материала.

Рассказ «Сказочное имя» С. Н. Сергеев-Ценский написал в 1930 году. Автора волнует проблема воспитания, ему не безразлично, каким и кем будет его маленький герой (наркомфином, комиссаром,

композитором). Критик А. Прозоров отнёс рассказ к реакционным, враждебным пролетариату произведениям [28], что свидетельствует о господстве в литературе того периода вульгарной социологии и предвзятом отношении критики к писателю.

В рассказе с тонкой наблюдательностью, глубоким знанием детской психологии раскрывается внутренний мир и анализируются поступки мальчика со «старинным сказочным именем» **Садко**. Отец новорождённого имеет татарские корни: *«Мой дед назывался Садык»*. **«Садик, Садык** – это мужское имя арабского происхождения, в переводе означает ‘правдивый, справедливый’» [30]. Поиск имени младенцу основывается на созвучии слов. Отец размышляет: *«Садык, Садко – очень между собой похоже... И где-то я слышал такое: Садко... Гм, Садко... Где именно, не могу вспомнить»*. Жена Людмила Сергеевна, урождённая Вельяминова, напоминает мужу, что есть такая опера, и решает: *«Пусть он будет Садко, а я буду звать его Сашей...»*.

Для справки. **«САДКО** – гуслир и певец, герой одноимённой новгородской былины, сюжет которой получил разработку в русском искусстве XIX в. (одноимённая поэма А. К. Толстого, опера Н. А. Римского-Корсакова)» [2]; **«Садко богатый гость** – герой былин новгородского цикла: *Ты шуми, певунный Волохов, шуми, Разбуди Садко с Буслаем на-торгаи! Выше, выше, вихорь, тучи подыми! Ой ты, Новгород, родимый наш! Ес914 (I, 312)»* [5].

Знакомые восхищались именем мальчика. Показательно, что в актуальном языковом сознании носителей языка отражено знание о новгородской былине, о гуслире *новгородском*, как произносили знакомые семьи: – **Садко?! Скажите!.. Садко – гуслир новгородский!..**

«Людмила Сергеевна, сама очень неплохо игравшая на пианино, стала учить его музыке и поражалась его слуху:

– У него почти аб-со-лютный слух...»

Отец купил сыну балалайку, *«которую так полюбил Садко, что даже и ночью она висела над его постелью»*.

Мальчик знает, кто такой Садко: *«–Он был гость новгородский... – Богатый купец»*, читает в голос длинную балладу А. К. Толстого (1817–1875) «Садко». Автор приводит в рассказе четыре строки из этого произведения. Вот первая строфа: *«Сидит у царя водяного Садко...»*.

Таинственный мир музыки и звуков увлекает маленького Садко: *«всё, что он видел кругом, он неизменно переводил на язык звуков»*. В разговоре с отцом *«слова выходили густыми, по-бычьим хрипыми»*, а когда говорил с матерью, *«слова выливались звонкими, красивыми, светловолосыми: мать была для него высокий регистр клавишей, отец – низкий»*. Так автор нашёл образы, отражающие звуковое

наполнение произносимых мальчиком слов, которые могут быть *густыми, хрипыми по бычьим или звонкими, светловолосыми*. А голос родителей ассоциировался у него соответственно с *высоким и низким регистром клавишей*.

Садко любил, когда мать играла на пианино, он ощущал, *«что в нём звучат то нежнейшие, в пианиссимо, мелодии, то целые бури, целые ураганы звуков»*.

Важным психологическим звеном в рассказе является «встреча» мальчика с «настоящим Садко» во время посещения летнего театра, поставившего одноимённую оперу. Маленький Садко был очень взволнован, восхищён виденным на сцене действием – теремом морского царя, Ильмень-озером, морскими царевнами, царевной Волховой; морским царём, пляшущим со своей Водяницею; каким-то Старчище, который выбил из рук Садко гусли. Особенно мальчику понравились корабли и тот момент, когда Садко остался один на доске в море и «опустился в морскую глубину».

Потом маленький Садко *«на своей балалайке так много вытренькивал из того, что слышал в театре, что Людмила Сергеевна снова, – в который раз, – удивилась его “почти абсолютному” слуху»*.

Дальнейшее развитие сюжетной линии рассказа связано с поездкой отца и Садко в Крым, в дом отдыха членов ВЦИК, расположенный *«на одном из скромных крымских курортов»*; писатель продолжает характеризовать это место при помощи уточнения о протяжённости его пляжа: курорт известен *«своим пляжем длиною не меньше как в три километра»* (краеведческая информация). И только после интригующей завязки читатель узнаёт, что дом отдыха находится в Суук-Су, «в модном курорте начала XX века в Гурзуфе. В переводе с крымско-татарского топоним означает *‘холодная вода’*. Своё название он получил от источника Суук-Су, расположенного на его территории» [18].

Санаторий предстал перед маленьким Садко в виде дома-дворца с лепкой внутри в мавританском стиле. В рассказе в речи персонажа использовано словосочетание с окказиональным по форме субстантивным компонентом «мавританиш», образованным от топонима «Мавритания», вернее, от сравнения «как в Мавритании» при помощи суффикса *-иш-* («*в стиле мавританиш*»). Убранство огромного дворца поразило Садко, *«но было тут ещё и такое, что его приковало: большая фреска у входа в зал: то самое подводное царство, которое видел он в своём городе в опере»*.

Это важная деталь, поскольку фреска напоминает сюжет былины о Садко и погружает мальчика в сказочную атмосферу, а также не нарочито свидетельствует о существовании в его сознании неразрывной связи с одноимённым героем песни-сказания.

Автор «пересказывает» сюжет фрески, то есть использует приём экфрасиса (др.-греч. ἑκφρασις от ἐκφράζω – ‘высказываю, выражаю’) – описание произведения изобразительного искусства или архитектуры в литературном тексте: «...экфрасис в прямом смысле представляет собой украшенное описание произведения искусства внутри повествования, которое он прерывает, составляя кажущееся отступление» [38, с. 51]. В данном случае это экспрессивный экфрасис, поскольку словесное воспроизведение фрески осуществляется с позиции ребёнка, поражённого увиденным и погружённого в текст новгородской былины. От дворца настоящего мальчик сделал мостик к дворцу хрустальному у морского царя, в гостях у которого *«сидел настоящий Садко, богатый купец новгородский. Гусяр и певец, он сидел перед гуслями и перебирал струны»: «красный охабень, жёлтые сафьянные сапоги, русые волосы в кружок, молодая русая борода, и задор в серых глазах...»* Обратим внимание на одну деталь в словесном переложении портрета гусяра – серые глаза. Такого же цвета глаза и у маленького Садко.

Описание фрески прерывается возгласами мальчика: *«Садко!.. Настоящий!..»*, и обзор представшей на потолке картины глазами ребёнка продолжается: *«И седой, кудлатый, с длинными усами, весь зеленоватый и с рыбьей чешуёй на ногах, напряжись и руки в боки, сбывчив голову, стоит перед ним морской царь... А кругом него – красавицы-дочери с рыбьими хвостами... И разноцветные раковины сверкают за хрустальными стенами дворца, и морские коньки прильнули к ним, любопытствуя, и огромная белуга, подплывши, воззрилась на гусяра с земли».*

Знакомый отца председатель горхоза Карасев считает, что эта фреска – «плохая копия с Репина». Известно, что у художника есть картина «Садко», написанная в 1876 году в Париже по заказу великого князя Александра (будущего императора Александра III). И. Е. Репин написал картину на сюжет новгородской былины о Садко. Художник изобразил момент, когда Садко по приказу морского царя выбирает себе в жёны одну из морских девиц, представших в виде заморских красавиц. Таким образом, фрагмент подводного царства, представленный на фреске, не является копией картины И. Е. Репина, поскольку на ней нет изображения морского царя.

А вот надпись внизу славянской вязью (*«Ударил Садко по струнам трепака, а царь, ухмыляясь, унёсся в бока, готовится, дрыгая, в пляску...»*) является не полностью приведённой 33 строфой из баллады А. К. Толстого «Садко», которую знает наизусть маленький Садко. Следовательно, фреска воспроизводит фрагмент сюжета из баллады А. К. Толстого.

Встречающиеся в рассказе топонимы Симферополь и Севастополь выполняют информативную функцию, а оронимы

Чатыр-Даг (синяя «твердыня Чатыр-Дага») и Демерджи не только номинируют крымские реалии, но и выполняют эстетическую функцию. Мальчика поражает увиденное своим размером, красками и тонами: «–Гора! Ого! Гора!» Чатыр-Даг становится «*всё громадней, всё лесистей*». Имена прилагательные в сравнительной степени употребляются по отношению к одному денотату, но сравнивается его восприятие в отдалении и в приближении к нему с точки зрения путешественников, находящихся в легковой машине. Чатыр-Даг всё время менял «*рисунок своих красноватых, голубых и лиловых скал*», а Демерджи «*фантастикой самых нежных, но в то же время и плотных, непередаваемых тонов ушла в небо с левой стороны дороги*». Садко ощущал и воспринимал это новое и чудесное «*как музыку в опере*».

А внизу шоссе показалось море, в дымке, «*как молоко*». Мальчик впервые увидел море, с которым его так много связывали представления о сказочных картинах подводного царства. Всё существо маленького Садко (автор использует гиперболу и фразеологизм: «*весь Садко, сколько его было, впился глазами*») обозревало представшее перед ним морское пространство с изменяющимися оттенками от синего до голубого: «*...впился глазами в это огромное внизу, сначала **молочно-синеватое, потом темнее, синее, голубее**, потом уже блеснувшее на солнце вдруг полосой там и вон там и ещё далеко где-то...*». Находясь с рядоположенной гиперболой, фразеологизм «впиться глазами» семантически обогащается: актуализирует не только словарное значение ‘пристально взглядеться, усиленно смотреть’ [19], но и наведённое контекстом значение сильного эмоционального состояния действующего лица при виде моря. Садко наблюдает переходы в цветовой гамме моря, которые переданы при помощи сложного слова с метафорическим первым компонентом и повтором имён прилагательных в сравнительной степени со значением цвета.

С. Н. Сергеев-Ценский не использует в рассказе номинацию *Чёрное море*; как и во многих других своих произведениях, довольствуется апеллятивом «море». Ю. А. Карпенко отмечал, что названия морей в языке остались «на прилагательном этапе до сих пор... Топонимы типа *Чёрное море* не употребляются без номенклатурных названий, а топонимы типа *Волга, Москва* могут сколько угодно употребляться без них, будучи сами по себе достаточными для обозначения географических объектов» [8, с. 11].

Ни одно описание Чёрного моря у С. Н. Сергеева-Ценского не повторяется. Известно высказывание П. А. Павленко о том, что писатель «открыл нам крымскую природу так же, как русскую открыл художник Левитан. Я не знаю никого другого, кто бы писал о море и горах с такою расточительностью, как Ценский. По-моему,

у него больше ста описаний моря – и ни одного повторяющегося» [22].

И это связано не только с тем, что С. Н. Сергеев-Ценский наблюдал его ежедневно на протяжении более полувека. У писателя изменяющаяся цветовая палитра Чёрного моря гармонирует с природой побережья – пейзажем гор, горных цепей, скал, имеющих своё название и соответственно могущих выступать в качестве топоса – «пространственного континуума текста, в котором отображается мир объекта» [14, с. 280], «места разворачивания смыслов», которое может коррелировать с каким-либо фрагментом реального пространства, как правило, открытым [29, с. 89].

При актуализации топоса, связанного с крымским топонимом, лексема «море» является синекдохой (переход от целого к части), так как обозначает ограниченную часть водного пространства Чёрного моря, прилегающего к той или иной территории суши: например, *полоса Чёрного моря у берегов Партенита или Гурзуфа – море у берегов Партенита или Гурзуфа; полоса Чёрного моря у горы Аю-Даг – море у горы Аю-Даг*. Отсюда следует, что лексема «море» в таких контекстах, в которых обозначен топос, уже не может выступать апеллятивом в чистом виде, а является результатом стяжения синтагмы, включающей крымские топонимы.

В рассказе море является не только одним из описаний места действия, ему придаётся особое смысловое, мифопоэтическое и эстетическое значение. «Свободная стихия» передаёт общую атмосферу происходящего, обуславливающего душевное состояние, настроение главного действующего лица произведения, для которого море становится «родным». Автор создаёт «вторую реальность» как единство объективного и субъективного восприятия действительности персонажем.

Топос в произведении обозначен не один раз. Пространство текста, по замыслу автора, очерчено курортом Суук-Су, расположенным между Гурзуфом и Аю-Дагом: «Аю-Даг в переводе с крымско-татарского языка означает ‘Медведь-гора’, она расположена на южном побережье Крымского полуострова между Алуштой и Ялтой, точнее, между двумя посёлками – Партенит и Гурзуф. По своим очертаниям гора напоминает огромного медведя, склонившегося на берегу, у моря, и пьющего воду»: <https://online-crimea.ru>.

В произведении встретилась ономастическая перифраза горы Аю-Даг; перифраза предикатного типа представлена сравнительной конструкцией ступенчатого типа – «*гора, похожая на чудовище, которое пьёт*»: гора какая? (похожая на чудовище), чудовище какое? (которое пьёт). В качестве показателя сравнения выступает адъектив «похожий», а в состав сравнения входит и придаточное определительное.

С точки зрения классификации ономастических перифраз, предложенной В. М. Калинкиным, описательное выражение относится к третьей разновидности: «перифразы, не имеющие в своём составе собственного имени, но отсылающие к собственному имени, точнее, замещающие в данный момент, в данном отрезке текста собственное имя персонажа, действующего или упоминаемого лица, топографического объекта, единичного предмета и т.д.» [6, с. 110].

Зрительное восприятие горы, по своим контурам напоминающей чудовище, которое, склонившись у моря, пьёт воду; голубого, плещущегося у ног моря, не имеющего границы; слегка розового оттенка гор; каёмочки по всему берегу передаются глазами изумлённого ребёнка: *«А дальше было одно только голубое и без конца... Дальше было только оно всё, – море. Налево – в него уходили чуть розовые горы, и даже не поймёшь, горы это или так, облака; направо – одна близкая гора, похожая на чудовище, которое пьёт; а около ног плещется чуть-чуть и шепчет: шу-шу-шу, и белая зыбкая каёмочка по всему пляжу»*.

«Наконец-то!..». Вот оно, море: *«Маленький Садко стоит по колени в море!..»*. Однако *«он и не стоял даже... А Садко не стоял совсем, – он летал над морем...»*. В конце предложения автор поставил многоточие. Антитеза «не стоял (по колени в море)» – «летал над морем» максимально ёмко передаёт состояние Садко в эту минуту «встречи» «со своим» морем. Этим образным противопоставлением всё передано, и высказывание является законченным. Пунктуационный знак здесь необходим для обозначения паузы, чтобы читатель остановился на этом месте и прочувствовал внутреннее состояние героя в момент исполнения необычайно сильного желания «встретиться» «со своим» морем.

А для маленького Садко сказка продолжается: в его сознании всплывает *хрустальный дворец морского царя*: *«На море же смотрел он [Садко] так пристально, с такою любовью... Он даже руки раснял так широко, как только мог... Он прошептал почти беззвучно: “Море!.. Море!..” Внизу, там, в нём, в этом голубом, – хрустальный дворец морского царя...»*. Прочитированный отрывок насыщен многоточиями, которые отражают эмоциональное состояние мальчика, его взволнованность. Прокомментируем синтагму *«руки раснял так широко, как только мог...»*, в которой предикат «раснял» употреблён не в узальном значении ‘пригвоздить кого-н. руками и ногами к кресту (древний способ казни)’ [34], а в окказиональном – ‘раздвинуть, увеличив расстояние между чем-нибудь’, что соответствует второму значению глагола «расставить» [34]. Ср.: Садко *«даже руки»* расставил *«так широко, как только мог»*, и они стали сродни крыльям, ведь мысленно *«он летал над морем...»*.

Тональность настроения мальчика меняется при виде пляжа, переполненного отдыхающими. Поэтическое видение голубого моря сталкивается с однообразной картиной коричневых спин и плотных жозотов, с множеством тел, лежащих вповалку на пляже. Автор создаёт антитезу для восприятия пространства Садко – «краешком глаза» и «всей круглотой глаз»: *в краешек глаза «...попадают все эти голые ляжки, жёлтые, как репы, пятки... однообразные – чёрные или красные – купальные костюмы, эти чрезмерно толстые в икрах ноги без щиколоток, вонзившихся в разноцветную гальку...», в то время как «вся круглота их, вся трепетность, весь жадный охват – туда, на голубое, на огромное, на такое ни с чем не сравнимое, на первое в жизни и уже родное море...»* Примечательно, что в краешек глаза мальчика попадают не сами люди, которых в дальнейшем он назовёт «малайцами», а части тела этих людей или их однообразные купальные костюмы.

Садко не понятно, как можно здесь, на дивном голубом берегу, где и воздух «неистово-голубой», лежать, спать, рядом с такой красотой. Мальчик испытывает очарование от родного моря и в то же время отчуждённость от всех и, потрясённый однообразием бессчётных фигур, дремавших на пляже, совершает смелый поступок-протест: *«Садко снял с шеи свою балалайку, вытянул её вперёд в обеих руках, глотнул глазами в последний раз этого неистово-голубого, крикнул: “Морской ца-арь!” – и сорвался со скалы в воду»*. Необычность ситуации сопровождается и языковыми находками: писатель использует синестезию *«глотнул глазами в последний раз этого неистово-голубого»* (глагол физиологического действия переходит в лексико-семантическую группу глаголов зрительного восприятия). «Неистово-голубое» в контексте – это пронзительный цвет и моря, и воздуха.

Невероятный поступок сына не может объяснить отец, как, впрочем, и весь просыпавшийся *«пляж, дремавший под щедрым солнцем и делавший это как обязательную работу»*. А ведь «он, **Садко**, со своими гуслями пришёл к своему морю, совсем не желая, чтобы какие-то бессчётные фигуры, малайцы, усеяли весь берег».

Заканчивается рассказ чётким звучанием *allegro apassionato* (то есть ‘быстро и страстно’ [20]) – лейтмотивом сонаты Лангера, – знакомым даже маленькому Садко, поскольку мать неоднократно исполняла сонаты Лангера. Однако автор сонаты назван только по фамилии, хотя эту фамилию имеет «семья русских музыкантов – *Леопольд Фёдорович Лангер* и его сын *Эдуард Леопольдович (Леонтьевич) Лангер*» [20].

Можно предположить, что в рассказе упоминаются сонаты Эдуарда Лангера, а не его отца, создавшего, как отмечается в «Музыкальной энциклопедии», фп. сонату c-moll [20]. В этом нас

убеждает использование принципа от обратного. Тональность *c-moll* относится к минорной тональности, передающей грустную музыкальную тему. В концовке же рассказа «из открытых окон зала звучало чёткое... *allegro appassionato*».

Музыкальные предпочтения писателя вероятно могли быть навеяны общением с женой Христиной Михайловной, владевшей глубокими познаниями в словесности и музыке.

Итак, маленький Садко постоянно «сталкивается» с большим, настоящим Садко – былинным гусяром и певцом новгородским. Мальчик многое знает о своём тезоименитом мифологическом герое: читая по памяти балладу А. К. Толстого «Садко», слушал одноимённую оперу. Маленький Садко наделён атрибутами героя новгородской былины: любит музыку, играет на балалайке, погружён в мир звуков и сказочный мир подводного царства. Судьба свела маленького Садко с родным морем, где находится, согласно внутреннему миру мальчика, «хрустальный дворец морского царя».

Завязка и кульминация рассказа происходят в Крыму, в Гурзуфе, у горы Аю-Даг, на пляже санатория Суук-Су. Используя топонимы как местнографический материал, писатель очерчивает хронологические рамки произведения и добивается художественной выразительности собственных имён. Топонимы Чатыр-Даг, Демерджи, Аю-Даг, Чёрное море воспринимаются глазами ребёнка, поэтому так естественны в тексте поэтическая этимологизация оронима Аю-Даг и восторженное отношение маленького героя к морскому пространству между Гурзуфом и Аю-Дагом с его фантастической по разнообразию палитрой.

Известный краеведам и описанный в крымских путеводителях дворец-санаторий Суук-Су предстал в новом ракурсе. Один из артефактов дворца – фреска, изображающая новгородского Садко в подводном царстве, – был узан и прочувствован маленьким героем с новой силой.

С. Н. Сергеев-Ценский – мастер детали, в чём неоднократно убеждался читатель по мере знакомства с рассказом. Писатель является талантливым художником слова (Н.М. Любимов), в арсенале которого неисчерпаемы сравнение, гипербола, синекдоха, метафора, семантические неологизмы и цветопись.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берестовская, Д. С. Символический мир ранней прозы С. Н. Сергеева-Ценского / Д. С. Берестовская. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2012. – 116 с.
2. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – 2-е изд. – М.: Большая российская энциклопедия, 2000. – 1434, [21] с.
3. Гончаров, П. А. Филологическая регионалистика как наука. В порядке обсуждения проблемы / П. А. Гончаров // Вестник

- Тамбовского университета. Серия: Филологические науки и культурология. – 2015. – Выпуск 1 (1). – С. 91–95.
4. Гончарова, Н. А. Ономастическое пространство как проявление языковой личности автора (на материале произведений С. Н. Сергеева-Ценского): автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.01 – «Русский язык». – Тамбов, 2007. – 22 с.
 5. Григорьев, В. П. Собственное имя в русской поэзии XX века: Словарь личных имён / В. П. Григорьев, Л. И. Колодяжная, Л. Л. Шестакова. – М.: ООО «Издательский центр «Азбуковник», 2005. – 448 с.
 6. Калинин, В. М. Ономастическая перифраза как проблема поэтики имён собственных (на материале творчества А. С. Пушкина) / В. М. Калинин // Восточноукраинский лингвистический сборник / ред. Е. С. Отин. – Донецк, 1998. – Вып. 4. – С. 107–129.
 7. Калуцков, В. Н. Литературная география как научный предмет и как учебная дисциплина / В. Н. Калуцков // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 4. – С. 67–79.
 8. Карпенко, Ю. А. Становление восточнославянской топонимии (Закономерности словообразования) / Ю. А. Карпенко // Вопросы географии, № 70. Изучение географических названий / отв. ред. Э. М. Мурзаев и В. А. Никонов. – М.: Мысль, 1966. – С. 7–18.
 9. Касьянова, Е. Ю. Частеречная принадлежность цветовой лексики в творчестве С. Н. Сергеева-Ценского // Вестник ТГУ. Серия: Гуманитарные науки. Филология и искусствоведение. – Выпуск 11 (103). – 2011. – С. 248–251.
 10. Касьянова, Е. Ю. Цветовой эпитет в творчестве С. Н. Сергеева-Ценского // Вестник ТГУ. Серия: Гуманитарные науки. Филология и искусствоведение. – Выпуск 12 (104). – 2011. – С. 236–238.
 11. Козлов, В. Творческий путь Сергеева-Ценского / В. Козлов, Ф. Путнин // С. Н. Сергеев-Ценский. Собр. соч. в 12-ти томах. – Том 1. – М.: Издательство «Правда», Библиотека «Огонёк», 1967.
 12. Козлова, Р. П. Словарь сравнений С. Н. Сергеева-Ценского: учеб. пособие по лексикографии / Р. П. Козлова, Н. В. Чеснокова. – Тамбов: Изд-во Першина Р. В., 2008. – 174 с.
 13. Козлова, Р. П. Системный словарь языка прозаических произведений С. Н. Сергеева-Ценского / Р. П. Козлова // Вестник ТГУ. Серия: Гуманитарные науки. Филология и искусствоведение. – Выпуск 4 (32). – 2003. – С. 78–84.
 14. Лихачёв, Д. С. Краеведение как наука и деятельность / Д. С. Лихачёв // Русская культура. Москва: Искусство, 2000. С. 160.
 15. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман. – М.: Искусство, 1970. – 384 с.

16. Любимов, Н. М. Сергеев-Ценский – художник слова / Н. М. Любимов // С.Н. Сергеев-Ценский. Собр. соч. в 12-ти томах. – Том 12. – М.: Издательство «Правда», Библиотека «Огонёк», 1967. – С. 428–438.
17. Макаренко, Г. С. Н. Сергеев-Ценский. Критико-биографический очерк / Г. Макаренко. – Симферополь: Крымиздат, 1957. – 218 с.
18. Максимовский, А. Н. Гурзуф: Путеводитель / А. Н. Максимовский. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2002. – 63 с.
19. Михельсон, М. И. Русская мысль и речь: Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний: в 2-х т. – Т. 1 / М. И. Михельсон. – М.: Русские словари, 1994. – 819 с.
20. Музыкальная энциклопедия онлайн: <https://www.musenc.ru>
21. Новикова, М. А. Регионалистика: вызовы и перспективы / М. А. Новикова // Культура народов Причерноморья. – 2004. – № 49, Т. 1. – С. 105–108.
22. Павленко, П. А. Крымская палитра / П. А. Павленко // «Красный Крым», 28 октября 1945 года.
23. Петров, А. В. Астионим Евпатория в романе И. Сельвинского «О, юность моя!» сквозь призму крымской филологической регионалистики / А. В. Петров // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. – 2022. – Том 8 (74). – № 2. – С. 164–182.
24. Пирожков, Г. П. Формирование родино- и краеведческого дискурса на основе локальных исследовательских практик (вторая половина XIX – начало XX века) / Г. П. Пирожков // Вестник Перм. гос. ун-та. – 2012. – Вып. 1 (18). – С. 165–172.
25. Плукш, П. И. Сергеев-Ценский – писатель, человек / П. И. Плукш. – М.: Современник, 1975. – 237 с.
26. Полякова, Л. В. Филологическая регионалистика как наука: к постановке проблемы / Л. В. Полякова // Филологическая регионалистика. – 2015. – № 3–4. – С. 7–16.
27. Полякова, Л. В. Филологическая регионалистика как наука / Л. В. Полякова // Вопросы литературы. – 2015. – май-июнь. – С. 186–201.
28. Прозоров А. «Новый мир» // Литературная энциклопедия: в 11 т. – [М.], 1929–1939. – Т. 8. – М., 1934. – Стб. 142–144. – Текст : электронный. – URL: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclop/le8/le8-1422.htm> (дата обращения: 15.05.2024 г.).
29. Прокофьева, В. Ю. Категория пространства в художественном преломлении: локусы и топосы / В. Ю. Прокофьева // Вестник ОГУ. – 2004. – № 11. – С. 87–91.
30. Сафаралиева, Э. Я. Как тебя зовут? / ред. Н. В. Мухаметова. –

- Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1994. – 344 с.
31. Сергеев-Ценский, С. Н. Сказочное имя / С. Н. Сергеев-Ценский // Собр. соч. в 12-ти томах. – Том 3. – М.: Издательство «Правда», Библиотека «Огонёк», 1967.
 32. Соловьёва, Е. Е. Литературное краеведение как наука. Часть 1. Границы понятия / Е. Е. Соловьёва // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2022. – № 5 (110). – С. 175–183.
 33. Степанов, Г. А. С. Новиков-Прибой, С. Н. Сергеев-Ценский (письма и встречи) / Г. Степанов. – Краснодар: Краснодарское книжное издательство, 1963. – 224 с.
 34. Толковый словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1935. – Т. 1. – 1562 стб.; – Т. 2. – 1938. – 1040 стб.; – Т. 3. – 1939. – 1434 стб.; – Т. 4. – 1940. – 1502 стб.
 35. Хворова, Л. Е. Проза С. Н. Сергеева-Ценского 20-х – начала 30-х гг. (мир художника, реальность бытия): дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.01.01 – «Русская литература» / Л. Е. Хворова. – Тамбов, 1995. – 197 с.
 36. Чеснокова, Н.В. Лексические средства изображения пейзажа в художественном творчестве С. Н. Сергеева-Ценского // Вестник ТГУ. Серия: Гуманитарные науки. Филология и искусствоведение. – Выпуск 10 (90). – 2010. – С. 111–118.
 37. Чуксина, С. И. Функционирование глаголов обонятельного восприятия в творчестве С. Н. Сергеева-Ценского / С. И. Чуксина // Вестник ТГУ. Серия: Гуманитарные науки. Филология и искусствоведение. – Выпуск 4 (132). – 2014. – Текст : электронный. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionirovanie-glagolov-obonyatel'nogo-vospriyatiya-v-tvorchestve-s-n-sergeeva-tsenskogo?ysclid=Iz294dh216629935658> (дата обращения: 15.05.2024 г.).
 38. Экфрасис в русской литературе: труды Лозанского симпозиума. – М., 2002. – 216 с.
 39. Энциклопедия «География». Ч. 1 / гл. ред. А. П. Горкина. – М.: Росмэн, 2006.
 40. Яковлева, Е. Е. Выражение категории пространства в современном русском языке (на примере художественных произведений С. Н. Сергеева-Ценского): автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.01 – «Русский язык» / Е. Е. Яковлева. – Тамбов, 2003. – 24 с.
 41. Яценко, Т. А. Хроноцентризм как ядерный признак крымского краеведческого дискурса / Т.А. Яценко // Современная картина мира: крымский контекст: коллект. моногр. Кн. 2 / Л. Ю. Андреева, В. П. Ачилова, Е. Л. Ачилова, Г. Ю. Богданович и др.; [под ред. Г. Ю. Богданович]. – Симферополь: ИТ «АРЕАЛ», 2018. – С. 98–122.

АННОТАЦИЯ

Петров А.В., Петрова Л.А. Рассказ С. Н. Сергеева-Ценского «Сказочное имя» в аспекте крымской филологической регионалистики

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-24-39

В статье с учётом крымских реалий проанализирован рассказ С. Н. Сергеева-Ценского «Сказочное имя», написанный в 1930 году. Действие рассказа разворачивается в курортном месте Суук-Су, расположенном в Крыму, между Гурзуфом и Аю-Дагом. Писателю важно определить топос текста и представить местнографические реалии, непосредственно связанные с развитием сюжета и пропущенные сквозь внутренний мир маленького мальчика – главного действующего лица произведения. Поиски личного имени для сына в результате фонетических ассоциаций привели родителей к тезоименитому мифологическому герою – гуслиару и певцу новгородскому, по имени Садко. Мальчик знает об истории жизни своего былинного тёзки и очарован им. В исследовании акцентируется внимание на психологии ребёнка, его восприятии природы южного Крыма, особенно гор, и ставшего ему родным моря, на отношении маленького Садко к одноимённому былинному персонажу и ко всему, что с тем прямо или косвенно связано.

Ключевые слова: филологическая региональная, крымские топонимы, былинный новгородский гуслиар Садко, идиостиль писателя, С. Н. Сергеев-Ценский, рассказ «Сказочное имя».

SUMMARY

Petrov A.V., Petrova L.A. Story of S. N. Sergeev-Tsensky “Fairytale Name” in the Aspect of Crimea Philological Regionalistics

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-24-39

The article, taking into account Crimean realities, analyzes the story of S. N. Sergeev-Tsensky “Fairytale Name”, written in 1930. The story takes place in the resort town of Suuk-Su, located in Crimea, between Gurzuf and Ayu-Dag. It is important for the writer to determine the topos of the text and present localographic realities directly related to the development of the plot and passed through the inner world of a little boy – the main character of the work. The search for a personal name for their son as a result of phonetic associations led the parents to the namesake mythological hero – a guslar and Novgorod singer named Sadko. The boy knows about the life story of his epic namesake and is fascinated by him. The study focuses on the psychology of the child, his perception of the nature of the southern Crimea, especially the mountains, and the sea that has become his home, on the attitude of little Sadko to the epic character of the same name and to everything that is directly or indirectly connected with it.

Key words: regional philological, Crimean toponyms, epic Novgorod guslar Sadko, writer's idiosyncrasy, S. N. Sergeev-Tsensky, story "Fairytale Name".

**Я. Ю. Арустамян,
О. М. Каримова
(г. Ташкент, Узбекистан)**

УДК 81'255.4

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-40-44

ПЕРЕВОД СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ РАССКАЗА «ЛОТЕРЕЯ» Ш. ДЖЕКСОН

The translation of expressive stylistic devices is a complex and nuanced endeavor that requires a deep understanding of both the source and target languages, as well as the cultural contexts in which they are used. Expressive stylistic devices, such as metaphors, similes, hyperbole, and personification, play a crucial role in language and literature by adding depth, imagery, and emotional resonance to written and spoken communication. The translation of these stylistic devices is one of the most challenging tasks for a translator. Differences in worldviews, traditions, and beliefs of different cultures are also taken into account during translation. More often than not, translating stylistic elements into another language poses difficulties for the translator, as finding an exact equivalent is practically impossible, and in each language, stylistic devices acquire new nuances. For an adequate and high-quality representation of expressive means, the translator needs to immerse them in another culture, and, above all, strive to convey meaning rather than structure [5; p. 23].

Basically, any of stylistic units can be deeply related with cultural phenomenon of original language that occurred in a culture of certain nations. Such kind of stylistic units may be evaluated in an effect of cultural words, phraseological and socio-cultural patterns [2; p.75] The importance of culture in the translation of expressive syntactic devices cannot be overstated. Cultural nuances significantly impact the interpretation and effectiveness of these devices, making it crucial for translators to consider cultural context. [3; p.492] According to translation theorists such as Eugene Nida and Peter Newmark, a successful translation involves not only transferring words but also conveying cultural connotations and implications. E. Nida emphasizes the need for translators to understand both the linguistic and cultural aspects of a text to accurately convey its meaning. P. Newmark, on the other hand, highlights the importance of cultural equivalence, suggesting that translators should strive to find culturally appropriate equivalents for syntactic devices. This approach ensures that the translated text not only conveys the same message but

also resonates with the target audience in a culturally meaningful way. In essence, the translation of expressive syntactic devices requires a deep understanding of both the source and target cultures to preserve the intended meaning and impact of the original text.

Expressive means introduce connotational (stylistic, non-denotative) meanings into utterances. Phonetic expressive means include pitch, melody, stresses, pauses, whispering, singing, and other ways of using human voice. Morphological expressive means are emotionally coloured suffixes of diminutive nature: -y (-ie), (sonny auntie, girlies). To lexical expressive means belong words, possessing connotations, such as epithets, poetic and archaic words, slangy words, vulgarisms, and interjections. A chain of expressive synonymic words always contains at least one neutral synonym [1; p. 954].

Translating expressive stylistic devices poses several challenges, including linguistic, cultural, and contextual differences between languages. A literal translation may fail to capture the intended meaning or emotional impact of the original text, requiring translators to find creative solutions that preserve the essence of the device while making it accessible to readers in the target language. Translating stylistic devices requires not only language skills but also a subtle sense of style and cultural nuances. The choice of strategy and approach to translation depends on the specific context and requires a deep analysis of the text and its stylistic features. Therefore, it is important to constantly improve one's skills and explore new approaches to conveying stylistic devices in translation. For example, L. V. Solonovich identifies three types of stylistic transformations in translation: 1. Substitution. In the process of translation, grammatical units such as word forms, parts of speech, sentence elements, types of syntactic connections, and so on, may undergo substitution. 2. Omission. Words that are semantically redundant are often omitted in translation to streamline the meaning. 3. Addition. Both lexical and grammatical transformations often require the addition of extra words. Introducing additional words is influenced by several factors, including differences in sentence structure and the need for more elaborate expression in Russian to convey the more concise English sentences [6, p. 24].

When translating the stylistic features of English texts into Russian, it is important to consider that not every feature can be fully or partially matched. There is always a risk of not conveying the proper degree of emotional effect of the original text or, conversely, over embellishing it. To ensure a higher degree of adequacy of the translated text to the original text, the translator should take into account the context, the author's style, and the specifics of the target language. The use of transformations helps to avoid mistakes in translation [4; p. 286]. Another problem is maintaining the stylistic coloration of the text. Each author has their own unique style, which can be difficult to convey in another language due to

the lack of exact equivalents. It requires translators to balance fidelity to the original text with readability and naturalness in the target language.

With a foundational understanding of expressive stylistic devices, we delve into Shirley Jackson's "The Lottery", a seminal work in American literature. Jackson, known for her psychological horror and suspenseful storytelling, crafted "The Lottery" in 1948, initially shocking readers with its portrayal of senseless violence in a seemingly idyllic village setting. In "The Lottery", Sh. Jackson utilizes a variety of expressive stylistic devices to create a sense of unease and foreboding. Irony, symbolism, suspense, and foreshadowing all play crucial roles in building tension and conveying deeper themes. By analyzing Sh. Jackson's use of these devices, we gain insight into her mastery of storytelling and her ability to provoke thought and discussion on complex societal issues.

In general "The Lottery" remains a timeless work that continues to captivate and unsettle readers, solidifying Shirley Jackson's legacy as a master of the macabre.

Irony:

"The morning of June 27th was clear and sunny, with the fresh warmth of a full-summer day; the flowers were blossoming profusely and the grass was richly green." – Утро 27 июня было ясным и солнечным, с свежим теплом полноценного летнего дня; цветы широко расцветали, а трава была богато зеленой.

This sentence uses irony to contrast the peaceful, idyllic setting with the violent and shocking events that occur later in the story. The description of the beautiful day creates a sense of normalcy and tranquility that is juxtaposed with the brutality of the lottery.

Symbolism

"The black box grew shabbier each year: by now it was no longer completely black but splintered badly along one side to show the original wood color, and in some places faded or stained." – Черный ящик становился все более потрепанным с каждым годом: к настоящему времени он уже не был полностью черным, но сильно треснул с одной стороны, показывая исходный цвет дерева, и в некоторых местах выцветал или пачкался.

This sentence uses symbolism to represent the decay and corruption at the heart of the lottery. The deteriorating condition of the black box symbolizes the erosion of morals and values within the community.

Suspense

The villagers kept their distance, leaving a space between themselves and the stool." – Деревенские жители держали дистанцию, оставляя место между собой и табуреткой.

This sentence creates suspense by suggesting that something significant and possibly unsettling is about to happen. The villagers' distance from

the stool creates a sense of anticipation and tension as the reader wonders what will happen next.

In conclusion, expressive stylistic devices are fundamental elements in literature, enriching narratives and deepening their impact on readers. These devices encompass a wide range of linguistic tools, including irony, symbolism, suspense, and foreshadowing, among others. They serve to enhance the emotional and intellectual depth of a text, engaging readers on multiple levels and inviting them to explore complex themes and ideas. Translating expressive stylistic devices poses a unique challenge for translators, as they must not only convey the literal meaning of the text but also capture its emotional and stylistic nuances. This requires a deep understanding of both the source and target languages, as well as the cultural contexts in which they are used. Despite these challenges, translation offers an opportunity to bridge cultural divides and foster a greater appreciation for the richness and diversity of language.

The analysis of expressive stylistic devices in Shirley Jackson's "The Lottery" exemplifies their impact on narrative depth and reader engagement. Through the use of irony, symbolism, and suspense, Sh. Jackson creates a compelling story that challenges societal norms and prompts reflection on human nature. This analysis highlights the effectiveness of these devices in creating a narrative that resonates with readers and underscores their importance in literary expression. By recognizing the significance of expressive stylistic devices in literature and translation, writers and translators can enhance their ability to communicate effectively and engage readers across cultural and linguistic boundaries. Expressive stylistic devices are not just literary tools; they are essential components of the human experience, reflecting the complexity and depth of human thought and emotion.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kayumova, G. Expressive means and stylistic devices of jargonisms metaphor, metonymy // O'zbekistonda fanlararo innovatsiyalar va ilmiy tadqiqotlar jurnali – 2023 – 954 p.
2. Shamuradova, N. Stylistic approaches of literary translation // Emergent: Journal of educational discoveries and lifelong learning – May, 2021 – 75 p.
3. Арустамян, Я.Ю. Роль контекста в достижении прагматической адекватности перевода // Бюллетень науки и практики, 2021, №4. – С. 485–492.
4. Дырикова, Е. С. Стилистические особенности перевода общественно-политических текстов / Е. С. Дырикова // 78-я научная конференция студентов и аспирантов Белорусского государственного университета : материалы конф. В 3 ч.

- Ч. 3, Минск, 10–21 мая 2021 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В.Г. Сафонов (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2021. – С. 286–289.
5. Шаймарданова, А.Х. Особенности перевода стилистических приемов художественного текста с английского и немецкого на русский язык (на примере новеллы Ф. Кафки «Превращение»). – Казанский (Приволжский) Федеральный Университет.– 2020. – 23 с.
6. Солонович, Л.В. Семантико-стилистические трансформации в художественном тексте: сопоставительно-типологический аспект (на материале немецких и русских переводов) : 10.02.20 Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Солонович Людмила Владимировна. – Москва, 2016. – 25 с.

АННОТАЦИЯ

Арустамян Я.Ю., Каримова О. М. Перевод стилистических приемов рассказа «Лотерея» Ш. Джексона

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-40-44

Анализ теоретических основ и практического применения выразительных стилистических приемов в литературе, на примере рассказа Ширли Джексон «Лотерея», является центральной темой данной статьи. Особенно примечательно использование Ш. Джексона иронии, с которой она ставит в противоречие видимую нормальность лотереи с ее шокирующим и насильственным результатом. Символика черного ящика, использованного в лотерее, добавляет еще один слой смысла, представляя как традицию, так и более темные аспекты человеческой природы. Кроме того, напряжение мастерски создается Ш. Джексоном, нарастая на протяжении рассказа, пока истинная суть лотереи постепенно не раскрывается. Анализ использования выразительных стилистических приемов в «Лотерее» Ширли Джексон позволяет глубже понять ее мастерство в создании напряженного и многозначного повествования.

Ключевые слова: изобразительно-выразительные средства языка, ирония, символизм, проблемы перевода, культурные контексты.

SUMMARY

Arustamyan Ya.Yu., Karimova O. M. Translation of Stylistic Devices in “The Lottery” by SH. Jackson

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-40-44

This article explores the theoretical foundations and practical application of expressive stylistic devices in literature, focusing on their use in Shirley Jackson’s renowned short story “The Lottery”. Sh. Jackson’s “The Lottery” serves as a compelling example of how these stylistic devices can be effectively employed in storytelling. Set in a

small American village, the story initially presents a seemingly innocuous annual lottery. However, through the use of irony, Sh. Jackson subverts the reader's expectations, leading to a shocking and thought-provoking conclusion. The symbolism of the black box used in the lottery adds layers of meaning, while suspense keeps the reader engaged as the true nature of the lottery is gradually revealed. By analyzing Sh. Jackson's use of these expressive stylistic devices in "The Lottery" this article aims to provide a deeper understanding of their significance in literature.

Key words: expressive stylistic devices, irony, symbolism, translation challenges, cultural contexts.

*В.А. Вострецова,
(г. Горловка, РФ)
А.М. Мельникова
(г. Горловка, РФ)*

УДК 81'255.4

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-45-58

**РОЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ДЕТАЛИ
В РАСКРЫТИИ ОБРАЗА ПЕРСОНАЖА
В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ФЭНТЕЗИЙНОЙ ПОВЕСТИ
К.С. ЛЬЮИСА «ЛЕВ, КОЛДУНЬЯ И ПЛАТЯНОЙ ШКАФ»)**

В центре любого произведения находится персонаж – реальный или вымышленный, привычный или фантастический. Авторы создают образ персонажа с помощью определенных инструментов. «В центре внимания литературоведов находится, прежде всего, содержательная сторона художественного произведения, в то время как для лингвистов при рассмотрении этой категории наиболее важной оказывается система языковых средств, служащая не только способом отображения внеязыковой действительности, но и формой языковых образов» [3]. Целью данной статьи является рассмотрение языковых средств и способов репрезентации художественной детали как инструмента раскрытия образов персонажей в фэнтезийной повести К.С. Льюиса «Лев, колдунья и платяной шкаф».

Понятие художественной детали является объектом интереса современных исследователей. Как в литературоведении, так и в лингвистике до сих пор не разработано единого определения художественной детали. Специфика ее использования и функциональная нагрузка также не имеют универсальной формулировки.

Активное изучение художественной детали происходит преимущественно в рамках литературоведения. Актуальными считаются работы таких литературоведов как Л.В. Алексеева,

Е.В. Гусева, Н.В. Лукьянчук, Ю.В. Манн, А.Ю. Садофьева. С точки зрения лингвистики тема художественной детали практически не исследована. Среди немногочисленных исследований выделим работы И.А. Жаворонок, О.И. Просянной, Е.Д. Шмидт, Ю.И. Алексеевой.

Исследователи указывают, что художественная деталь, как правило, «отмечает только незначительный признак явления или ситуации, поэтому она дает возможность читателю самостоятельно осмыслить происходящее. Популярность художественной детали у авторов проистекает из ее потенциальной силы, способной активизировать восприятие читателя, побудить его к сотворчеству, дать простор его ассоциативному воображению» [6].

Деталь является интерпретационной основой художественного текста. Трубкина А.И. определяет художественную деталь в качестве «единицы смыслового пространства художественного текста и считает её эффективным способом воздействия на адресата» [7].

Важно отметить, что «при изучении того или иного образа большинство ученых принимают за единицу анализа художественную деталь, которая представляет собой макрокомпонент структуры художественного образа, тогда как разноуровневые языковые репрезентанты являются микрокомпонентами этой структуры. Деталь играет главенствующую роль при передаче общего через единичное, что позволяет обобщить элементы реальности, созданные по законам вида и жанра конкретного произведения» [8].

Традиционно языковое наполнение образа описывается посредством определенного типа художественной детали, выбор которой зависит не только от авторской интенции, но и от жанровых характеристик текста. На современном этапе развития лингвистики существуют различные классификации художественной детали, что соответствует её многогранной и сложной природе.

Щирова И.А., например, предлагает делить детали художественного текста на констатирующие и имплицитные. В основе данной классификации лежит способность художественной детали стимулировать порождение дополнительных смыслов.

По мнению Цветковой А.Н., «констатирующие детали могут быть эмоционально окрашенными и эмоционально нейтральными. Эмоционально окрашенные детали отражают отношение автора к описываемым событиям, воплощаясь в тексте. <...> Эмоционально нейтральные детали отражают те черты образа, которые придают ему достоверность и мотивированность, в тексте их отражают лексемы, реализующие свои основные узуальные значения» [9].

Рассмотрим языковые средства и способы репрезентации разных типов художественной детали при создании образов персонажей на

примере англоязычного текста фэнтезийной повести К.С. Льюиса «Лев, колдунья и платяной шкаф».

Пример, отражающий функционирование констатирующей детали в создании образа персонажа Деда Мороза:

*“And on the sledge sat a person whom **everyone knew** the moment they set eyes on him. He was **a huge man in a bright red robe (bright as hollyberries)** with a hood that had fur inside it and **a great white beard that fell like a foamy waterfall** over his chest. **Everyone knew** him because, though you see people of his sort only in Narnia, **you see** pictures of them and hear them talked about even in our **world** – the **world** on this side of the wardrobe door. But when **you** really **see** them in Narnia it is rather different. Some of the pictures of Father Christmas in our world make him **look only funny and jolly**. But now that the children actually stood looking at him, they didn't find it **quite like that**. He was **so big, and so glad, and so real**, that they all became **quite still**. They felt **very glad, but also solemn**”* [10, с. 116-117].

Эмоционально нейтральная деталь отражена в описании внешности и характера персонажа. А именно представлена лексическими единицами в их основном, узуальном значении, которые несут общую информацию о персонаже и оценочную характеристику, заложенную в денотативном значении лексических единиц. С этой целью используются такие стилистические языковые средства как эпитеты (*a huge man, a bright red robe, a great white beard, look funny and jolly; quite still; big, glad, real*), сравнения (*bright as hollyberries, fell like a foamy waterfall*), антитеза (*very glad, but also solemn*), полисиндетон (*so big, and so glad, and so real*).

Эмоционально окрашенная деталь, в этом же примере, выражена в рассуждениях автора о значении и восприятии образа Деда Мороза в разных мирах – в реальном и сказочном. В качестве языковых средств для оценки образа автор применил лексические повторы (*everyone knew; you see; even in our **world** – the **world** on this side of the wardrobe door*), сравнение (*quite like that*). В данном отрывке отмечается частотное использование наречий в качестве выразительных лексических средств с целью подчеркнуть различие двух миров и образа персонажа, реально существующего в каждом из них, но имеющего отличительные характеристики: ***only** in Narnia, **even** in our world, **rather** different, **actually** stood, became **quite** still*.

Эмоционально окрашенная деталь может также отражать эволюцию образа в сюжете, прибавляя персонажу определенные характеристики и воплощая динамику повествования. Рассмотрим примеры эволюции образов разных персонажей с применением эмоционально окрашенной детали.

Пример, отражающий функционирование эмоционально окрашенной детали в отображении эволюции образа персонажа Сьюзен Певенси в развивающемся сюжете:

*“And Susan grew into **a tall and gracious woman with black hair that fell almost to her feet and the kings of the countries beyond the sea began to send ambassadors asking for her hand in marriage. And she was called Susan the Gentle**”* [10, с. 201].

Примеры, отражающие функционирование эмоционально окрашенной детали в отображении эволюции образа персонажа Эдмунда Певенси в развивающемся сюжете:

*“When at last she was free to come back to Edmund, she found him standing on his feet and **not only** healed of his wounds **but looking better than she had seen him look** – oh, for ages; in fact ever since his first term at that **horrid school** which was where he had begun to go wrong. He had **become his real old self** again and could **look you in the face**. And there on the field of battle Aslan made him a knight”* [10, с. 197].

*“Edmund was **a graver and quieter man than Peter**, and great in council and judgement. He was called **King Edmund the Just**”* [10, с. 201].

Пример, отражающий функционирование эмоционально окрашенной детали в отображении эволюции образа персонажа Питера Певенси в развивающемся сюжете:

*“And Peter became **a tall and deep-chested man and a great warrior**, and he was called **King Peter the Magnificent**”* [10, с. 201].

Пример, отражающий функционирование эмоционально окрашенной детали в отображении эволюции образа персонажа Люси Певенси в развивающемся сюжете:

*“But as for Lucy, she was always **gay and golden-haired**, and all princes in those parts desired her to be their Queen, and her own people called her **Queen Lucy the Valiant**”* [10, с. 201].

Автор использует эмоционально окрашенную художественную деталь как отражение трансформации личностей героев через описание внешних данных при помощи таких языковых средств, как эпитеты (*a gracious woman, a graver and quieter man, a tall and deep-chested man, a great warrior, gay, golden-haired, horrid school, real old self*); фразеологизмы (*to go wrong, look in the face, become his real old self, for ages*); сравнения (*looking better than she had seen him, a graver and quieter man than Peter*); антитеза (*not only healed of his wounds but looking better*), также через присвоение новых имен: антономазия (*King Peter the Magnificent, Susan the Gentle, King Edmund the Just, Queen Lucy the Valiant*).

Пример, отражающий функционирование эмоционально окрашенной детали в отображении эволюции образов персонажей всех детей Певенси в развивающемся сюжете через образ льва Аслана:

*“At the name of Aslan each one of the children felt something jump in its inside. Edmund felt a sensation of **mysterious horror**. Peter felt suddenly **brave and adventurous**. Susan felt as if **some delicious smell or some delightful strain of music** had just floated by her. And Lucy **got the feeling you have when you wake up in the morning and realize that it is the beginning of the holidays or the beginning of summer**”* [10, с.74-75].

Упоминание имени Аслана, еще до знакомства с ним производит переворот в сознании главных героев повествования. Мы можем судить о силе и мощи образа льва Аслана по степени воздействия на других персонажей. Автор посредством данной детали указывает читателю на полную трансформацию образов детей Певенси во время путешествия по Нарнии (как внешнюю, так и внутреннюю). Однако не для всех персонажей преобразования пройдут безболезненно, что также находит отражение в противоречивости чувств героев при первом упоминании об Аслане.

Автор прибегает к стандартному набору языковых средств и приемов для выражения художественной детали: эпитеты (*mysterious horror, brave and adventurous, some delicious smell, some delightful strain of music*), сравнение (*the feeling you have when you wake up in the morning and realize that it is the beginning of the holidays*).

Внутренняя трансформация образов детей Певенси ярко выражена посредством художественной детали через речевую партию и авторскую ремарку: *“...they talked in quite a different style now, having been Kings and Queens for so long”* [10, с. 202].

“Fair Consorts, let us now alight from our horses and follow this beast into the thicket; for in all my days I never hunted a nobler quarry; “Madam,” said King Peter, “therein I pray thee to have me excused” [10, с. 202].

Так, речь царствующих особ Питера, Сьюзен, Эдмунда и Люси существенно отличается от их речи до знакомства с волшебной страной Нарнией.

“Fair friends, here is a great marvel, for I seem to see a tree of iron; “Then in the name of Aslan,” said Queen Susan, “if ye will all have it so, let us go on and take the adventure that shall fall to us” [10, с. 203].

*“And so say I,” said King Edmund. And I have such desire to find the signification of this thing that I would not **by my good will** turn back for the richest jewel in all Narnia and all the islands”* [10, с. 204].

*“Sister,” said Queen Lucy, “**my royal brother** speaks rightly. And it seems to me we should be shamed if for any fearing or foreboding we turned back from following so noble a beast as now we have in chase”* [10, с. 204].

В статусе правителей волшебного государства герои Певенси используют в монологах архаизмы (*consort, thee, ye, therein*), а также высокопарный, торжественный, временами помпезный слог (*fair*

friends, fair consorts, my royal brother, in the name of Aslan, I pray thee to have me excused, by my good will), что раскрывает образы героев в микроконтексте. В качестве языковых средств, отображающих эмоционально окрашенную деталь, автор обозначил эпитеты (*a nobler quarry, a great marvel, the richest jewel, speak rightly*), инверсию (*And so say I; so noble a beast*), гиперболу (*I would not by my good will turn back for the richest jewel in all Narnia and all the islands*).

Анализ примеров позволил нам установить, что художественная деталь является связующим элементом между разными структурно-содержательными компонентами создания образа персонажа, а именно между речевой характеристикой и авторским отношением.

Функция эмоционально нейтральной детали отражается в реалистичном отображении образов нереальных персонажей: животных, мифических существ и сказочных созданий. Эмоционально нейтральная деталь закрепляет такой признак, который сближает реализм и фантастичность художественного контекста. Приведем пример:

*“The first thing Lucy noticed as she went in was a **burring sound**, and the first thing she saw was a **kind-looking old she-beaver sitting in the corner with a thread in her mouth working busily at her sewing machine**, and it was from it that the sound came. **She stopped her work and got up as soon as the children came in**”* [10, с. 78].

В данном примере предметная художественная деталь в виде швейной машинки придает достоверность образу животного – Миссис Бобрехи посредством описания рутинной домашней работы, типичной для женщин того времени, т.е. посредством вещной детали автор очеловечивает сказочного персонажа, делает его доступным, бытовым. Также воздействие на органы чувств является характерным признаком художественной детали, в нашем примере влиянию поддаются слух и зрение, что создает впечатление о представленном персонаже, дополняет образ (*The first thing Lucy noticed as she went in was a burring sound, and the first thing she saw was a kind-looking old she-beaver sitting in the corner with a thread in her mouth...*).

Художественная деталь выражена такими стилистическими средствами как эпитеты (*a burring sound, a kind-looking old she-beaver, working busily*), сравнение (*She stopped her work and got up as soon as the children came in*).

Рассмотрим следующие примеры эмоционально нейтральной детали:

*“Then Mr. Tumnus stooped and took a flaming piece of wood out of the fire with a **neat little pair of tongs**, and lit a lamp”* [10, с. 15].

*“Then to cheer himself up he took out from its case on the dresser a **strange little flute that looked as if it were made of straw** and began*

to play. And the tune he played made Lucy want to cry and laugh and dance and go to sleep all at the same time” [10, с. 17].

В данных предложениях предметные художественные детали в виде каминных щипцов, лампы, кухонного стола с полочками для посуды и флейт придают образу Фавна реальные черты, демонстрируя наличие в доме у сказочного персонажа простых бытовых предметов. В отрывке прослеживается воздействие на органы чувств читателя – зрение и слух, что придает экспрессивную окраску образу, раскрывает качества и умения присущие образу данного мифического персонажа.

Художественные детали выражены такими стилистическими средствами как эпитеты (*a neat little pair of tongs, a strange little flute*), сравнение (*a flute that looked as if it were made of straw*) и полисиндетон (*And the tune he played made Lucy want to cry and laugh and dance and go to sleep all at the same time*).

Например, образ сказочного персонажа – Белой Колдуньи – раскрывает следующий отрывок:

“...on a much higher seat in the middle of the sledge sat a very different person a great lady, taller than any woman that Edmund had ever seen. She also was covered in white fur up to her throat and held a long straight golden wand in her right hand and wore a golden crown on her head” [10, с. 32-33].

Вещные детали в виде саней, предметов одежды и королевских атрибутов делают образ сказочной колдуньи идентичным королевской особе в реальном времени и в человеческом обличье.

Художественные детали придают образу персонажа экспрессивную окраску, делают образ Белой Колдуньи более живым и точным: *on a much higher seat in the middle of the sledge sat a very different person....* Так ненавязчиво подчеркнут статус Белой Колдуньи при помощи изобразительных деталей – она восседала гораздо выше остальных и в центре саней.

Наличие таких королевских атрибутов, как золотые скипетр и корона сигнализируют читателю о положении Белой Колдуньи в сказочной стране в качестве лидера и правителя (*a golden wand, a golden crown*).

В указанном примере художественные детали выражены такими стилистическими средствами, как эпитеты (*a much higher seat, a very different person, covered in white fur, a long straight golden wand, a golden crown*) и гипербола (*taller than any woman that Edmund had ever seen*).

Итак, анализ функционирования эмоционально нейтральной детали на примерах образов нереалистичных персонажей подтвердил факт сближения реализма и фантастичности художественного контекста.

Отрывки из произведения демонстрируют, как персонажи посредством деталей «оживают» и «очеловечиваются»: трудятся, шьют на швейной машинке, играют на флейте, испытывают чувства и эмоции, присущие человеку, что придает образам реалистичность, вызывает у читателя эмпатию и создает впечатление личного знакомства с персонажем.

Согласно А.Б. Есину, художественные детали разделяют на внешние и психологические. «Среда обитания, внешность и предметное бытие людей характеризуются посредством внешних деталей (портретные, пейзажные и вещные/предметные), внутренний мир человека – с помощью психологических деталей. Такая дифференциация условна, т.к. внешняя деталь может стать психологической, включаясь в вербализацию мыслительной деятельности или эмоциональных состояний героя» [5].

Рассмотрим, каким способом находит отражение заявленная классификация в рамках исследуемого художественного произведения.

“This was a terrible journey for Edmund, who had no coat. Before they had been going quarter of an hour all the front of him was covered with snow – he soon stopped trying to shake it off because, as quickly as he did that, a new lot gathered, and he was so tired. Soon he was wet to the skin. And oh, how miserable he was! It didn't look now as if the Witch intended to make him a King. All the things he had said to make himself believe that she was good and kind and that her side was really the right side sounded to him silly now. He would have given anything to meet the others at this moment – even Peter! The only way to comfort himself now was to try to believe that the whole thing was a dream and that he might wake up at any moment. And as they went on, hour after hour, it did come to seem like a dream” [10, с. 124-125].

Данный отрывок наглядно демонстрирует переход от внешней художественной детали к психологической. Отсутствие пальто у Эдмунда Певенси во время путешествия через горы в суровых погодных условиях ассоциируется с отсутствием поддержки и любви близких людей во время тяжелых искушений, возникших на его жизненном пути (*a terrible journey for Edmund, who had no coat*). Его психологическое напряжение напрямую отражено в авторских комментариях, демонстрирующих его отношение к герою (*And oh, how miserable he was!; He would have given anything to meet the others at this moment – even Peter!; The only way to comfort himself now was to try to believe that the whole thing was a dream and that he might wake up at any moment*). Бесконечная зима в Нарнии олицетворяет духовный кризис героя, а снег, который он не мог сбросить с себя – это явное навязчивое и тягостное чувство вины за предательство, которое он совершил, осознал, но от которого не мог избавиться до тех пор,

пока не раскаялся (*all the front of him was covered with snow – he soon stopped trying to shake it off because, as quickly as he did that, a new lot gathered, and he was so tired. Soon he was wet to the skin*).

Художественная деталь в данном отрывке выражена эпитетами (*a terrible journey, sounded silly, miserable*), сравнениями (*It didn't look now as if the Witch intended to make him a King; it did come to seem like a dream; as quickly as he did that, a new lot gathered*), идиомой (*Soon he was wet to the skin*).

В.А. Кухаренко предлагает на основании функционального критерия типологию деталей, которая включает изобразительную, уточняющую, характерологическую и имплицитную детали [6].

В рамках данного произведения автор прибегает преимущественно к использованию изобразительной и уточняющей деталей. Приведем пример функционирования изобразительной детали в создании образа персонажа Белой Колдуньи через описание ее жилища, которое посетил Эдмунд впервые.

“As he got into the middle of it, he saw that there were dozens of statues all about – standing here and there rather as the pieces stand on a chess-board when it is half-way through the game. There were stone satyrs, and stone wolves, and bears and foxes and mountains of stone. There were lovely stone shapes that looked like women but who were really the spirits of trees. There was the great shape of a centaur and a winged horse and a long lithe creature that Edmund took to be a dragon. They all looked so strange standing there perfectly life-like and also perfectly still, in the bright cold moonlight, that it was eerie work crossing the courtyard. Right in the very middle stood a huge shape like a man, but as tall as a tree, with a fierce face and a shaggy beard and a great club in its right hand. Even though he knew that it was only a stone giant and not a live one, Edmund did not like going past it” [10, с. 104-105].

В данном отрывке изобразительная художественная деталь выражена такими языковыми стилистическими средствами, как эпитеты (*perfectly life-like, perfectly still, a bright cold moonlight, an eerie work, a fierce face*), сравнения (*dozens of statues all about – standing here and there rather as the pieces stand on a chess-board when it is half-way through the game, stone shapes that looked like women, as tall as a tree*), метафора (*the spirits of trees*), антитеза (*a huge shape like a man, but as tall as a tree*), лексический повтор (*there were..., there were...*), полисиндетон (*There were stone satyrs, and stone wolves, and bears and foxes and mountains of stone*).

“...and there he saw a sight that nearly made his heart stop beating. Just inside the gate, with the moonlight shining on it, stood an enormous lion crouched as if it was ready to spring. And Edmund stood in the shadow of the arch, afraid to go on and afraid to go back, with his knees

knocking together. He stood there so long that his teeth would have been chattering with cold even if they had not been chattering with fear. How long this really lasted I don't know, but it seemed to Edmund to last for hours" [10, с. 101].

В данном текстовом фрагменте автор также использует такие стилистические приемы для выражения художественной детали, как эпитеты (*an enormous lion, knees knocking together*), сравнения (*as if it was ready to spring*), гиперболу (*a sight that nearly made his heart stop beating; ...it seemed to Edmund to last for hours*), антитезу (*afraid to go on and afraid to go back*).

Рассмотренные стилистические приемы помогают конкретизировать признаки определяемого объекта, а именно: дают возможность читателю представить замок, который был обиталищем Белой Колдуньи; лексические повторы и полисиндетон придают динамичности описываемым деталям окружающей обстановки. Изобразительная деталь наилучшим образом раскрывает характер и сущность данного персонажа через подробное описание владений Белой Колдуньи.

Использование изобразительной детали пейзажа при встрече двух противоборствующих сил в образах Аслана и Белой Колдуньи, наглядно демонстрирует накал конфликта между силами Добра и Зла, драматизирует развитие сюжета. Приведем несколько примеров:

"Though it was bright sunshine everyone felt suddenly cold" [10, с. 154].

*"And Aslan stood up and when he opened his mouth to roar his face became so terrible that they did not dare to look at it. And they saw **all the trees in front of him bend before the blast of his roaring as grass bends in a meadow before the wind**"* [10, с. 180].

*"Everything was **perfectly still, as if he were the only living creature in that country**. There was not even a robin or a squirrel among the trees, and the wood stretched as far as he could see in every direction"* [10, с. 31].

*"There, **shining in the sunrise, larger than they had seen him before, shaking his mane (for it had apparently grown again) stood Aslan himself**"* [10, с. 178].

Использование изобразительной детали для описания пейзажа отражает внутреннее эмоциональное состояние героев, несет дополнительную смысловую нагрузку. Автор многократно прибегает к данному стилистическому приему, который успешно оправдывает свою функцию. Данный прием выражается эпитетами, сравнениями, гиперболой, антитезой, инверсией, лексическими повторами, усилительными конструкциями, градацией и полисиндетонами.

Важно отметить, что на выбор художественной детали (а именно ее тип и языковое наполнение) в структуре образа персонажа влияют особенности жанра исследуемого художественного произведения. «Каждая деталь в своей текстовой реализации представляет собой некий комплекс языковых средств (от слова, синтагмы до фразы), репрезентирующих ее свойства и характеристики» [1, с. 49]. Данный комплекс языковых средств Н.Г. Бабенко называет «контекстом детали». Рассмотрим примеры контекста художественной детали.

*“With these words he handed to Peter a shield and a sword. The shield was the colour of silver and across it there ramped a red lion, **as bright as a ripe strawberry** at the moment when you pick it. The hilt of the sword was of gold and it had a sheath and a sword belt and everything it needed, and it was just the right size and weight for Peter to use. Peter was **silent** and **solemn** as he received these gifts, for he felt they were a very **serious kind of present**”* [10, с. 118].

Внешние (предметные) детали в качестве подарка от Деда Мороза для Питера Певенси указывают на будущее данного персонажа, выявляют его главное предназначение в произведении. Щит и меч – символы борьбы и власти, а образ льва на щите – предзнаменование того, что Питеру придется заменить самого правителя Нарнии Аслана, когда того потребуют обстоятельства. Контекст художественной детали в данном отрывке представлен сравнением (*as bright as a ripe strawberry*); эпитетами (*silent, solemn, serious*).

*“Susan, Eve’s Daughter,” said Father Christmas. “These are for you,” and he handed her a bow and a quiver **full of arrows** and a **little ivory horn**. “You must use the bow **only in great need**,” he said, “for I do not mean you to fight in the battle. It **does not easily miss**. And when you put this horn to your lips; and blow it, then, wherever you are, I think **help of some kind** will come to you”* [10, с. 118].

Внешние (предметные) детали в качестве подарка от Деда Мороза для Сьюзен Певенси предостерегают персонажа о будущей опасности, указывают на доверие автора к данному персонажу, раскрывают образ героини как нуждающийся в защите и покровительстве. Лук и стрелы – символы обороны и нападения одновременно, а маленький горн – знак надежды и напоминание о том, что подмога всегда рядом.

Контекст художественной детали выражен такими языковыми средствами, как эпитеты (*full of arrows, a little ivory horn, only in great need, does not easily miss, help of some kind*), полисиндетон (... *and he handed her a bow and a quiver full of arrows and a little ivory horn; And when you put this horn to your lips; and blow it ...*), метонимия (*help of some kind will come to you*).

При анализе функционирования художественной детали и ее роли в раскрытии образа персонажа в литературном произведении (на

материале повести «Лев, колдунья и платяной шкаф») мы пришли к следующим выводам:

1. Художественная деталь является одним из лингвистических средств создания образа всех категорий персонажей, представленных в произведении: людей, животных, мифический существ, сказочных созданий. В первую очередь деталь воплощает выделенный автором элемент художественного образа, который несет как эмоциональную, так и содержательную нагрузку в произведении.

2. Все обозначенные в статье типы детали с точки зрения разной функциональной нагрузки участвуют в создании подтекста, поскольку каждая предполагает более тщательный обзор факта или события, влияющих в свою очередь и на формирование образа персонажа.

3. Художественная деталь находит свое воплощение в контексте единиц разного языкового уровня: фонетического, морфологического, лексического, синтаксического. Языковая репрезентация выявленных в произведении типов деталей представлена в лексических и синтаксических выразительных средствах, среди которых эпитеты, сравнения, гиперболы, антитезы, параллелизмы и полисиндетоны.

4. В рамках анализируемого произведения все представленные типы художественной детали в равной степени формируют образы персонажей в художественном тексте. Более того, художественная деталь является связующим звеном между всеми структурно-содержательными параметрами, выстраивающими образ: портретной характеристикой, речевой партией, отношением между персонажами, авторским отношением к персонажу.

5. Художественная деталь реализует свой содержательно-эстетический и интерпретационный потенциал в раскрытии образов персонажей на уровне каждого структурно-содержательного параметра в отдельности, и на уровне текста произведения в целом.

6. Художественная деталь является языковым средством, формирующим контраст в исследуемом тексте. Основное свойство художественной детали – её имплицитность (способность стимулировать порождение максимума дополнительных смыслов при минимальном использовании языковых средств при создании образов персонажей) – максимально выражено в пейзажных и портретных деталях для описания героев произведения.

7. Анализ закономерностей в создании образов персонажей в художественном произведении неразрывно связан с особенностями образа самого автора, что находит отражение в авторских ремарках и комментариях, дисперсно рассредоточенных в тексте.

8. Объединение отдельных деталей описания персонажей формируют их в целостные художественные образы, которые

основываются не только на авторской идее, но и на ассоциативных связях, и личном опыте читателя.

9. Художественная деталь – это прием, инструмент, микрообраз, который требует новаторского подхода. Имеет высокую имплицитную способность и частотность в структуре образов персонажей повести. Поскольку сюжет произведения жанра «фэнтези» развивается динамично, автор прибегает к лаконичному языковому решению для характеристик образов.

10. Художественная деталь в данном произведении является отражением авторского посыла читателю, сигналом, побуждающим к коммуникативному акту, направленному на раскодирование информации, заложенной в образах персонажей на всех уровнях.

11. Задача художественной детали – проникновение в мир чувств персонажей и раскрытие их предназначения в произведении, что подтверждено анализом микроконтекстов.

Рассмотрение функциональной специфики различных типов детали в тексте произведения «Лев, колдунья и платяной шкаф» и анализ контекста детали позволили сделать вывод, что языковые средства презентовали деталь в качестве ключевого элемента создания образа персонажа в тексте. Особый интерес представляют типы детали, способы ее языковой репрезентации и функциональной нагрузки в жанрах научной фантастики и фэнтези. Данные категории достаточно мало изучены с точки зрения лингвистики и имеют потенциал к исследованию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко, Н. Г. Лингвопоэтика А.П. Чехова: ансамбль художественных деталей. Часть 1 / Н. Г. Бабенко // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. – 2023. – № 3. – С. 48-56.
2. Белокурова, С. П. Словарь литературоведческих терминов / С. П. Белокурова. – Санкт-Петербург : Паритет, 2006. – 314 с.
3. Борисова, Е. Б. Художественный образ в британской литературе XX века: типология, лингвопоэтика, перевод : 10.02.04 «Германские языки» : дисс. ... д-р филол. наук / Борисова Елена Борисовна. – Самара, 2010. – 383 с.
4. Гусева, Е. В. Особенности категории восприимчивости художественного текста с символической составляющей / Е. В. Гусева // Международный научно-исследовательский журнал. – 2014. – № 1-2(20). – С. 108-110.
5. Есин, А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения / А. Б. Есин. – М. : Флинта, 2011. – 248 с.
6. Кухаренко, В. А. Интерпретация текста / В. А. Кухаренко. – М. : Просвещение, 1988. – 192 с.

7. Трубкина, А. И. Художественная деталь: имплицитность и коммуникативно-прагматические функции / А. И. Трубкина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – № 9. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/hudozhestvennaya-detal-implitsitnost-kommunikativno-pragmaticheskie-funktsii> (дата обращения: 23.04.2024).
8. Сараева, Д. А. Языковая репрезентация художественной детали в создании образов вещного мира: на материале англоязычных текстов научно-фантастического жанра и жанра «фэнтези» : 10.02.04 «Германские языки» : автореф. дисс. ... канд. филол. наук / Сараева Дарья Александровна. – Самара, 2017. – 19 с.
9. Щирова, И. А. Психологический текст: деталь и образ / И. А. Щирова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. – 120 с.
10. Lewis, C. S. The Chronicles of Narnia: The Lion, the Witch and the Wardrobe / C. S. Lewis. – London : HarperCollins Publishers, 2002. – 206 p.

АННОТАЦИЯ

Вострецова В.А., Мельникова А.М. Роль художественной детали в раскрытии образа персонажа в литературном произведении (на материале фэнтезийной повести К.С. Льюиса «Лев, колдунья и платяной шкаф»)

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-45-58

В данной статье рассматриваются разные типы художественной детали в качестве лингвостилистического средства создания образа персонажа в художественном произведении жанра фэнтези К.С. Льюиса «Лев, колдунья и платяной шкаф». Автора останавливают на особенностях функциональной нагрузки художественной детали и ее языковом наполнении, участвующих в создании образа в данном произведении. В результате анализа художественного текста установлены закономерности использования конкретного типа детали для раскрытия образов.

Ключевые слова: художественная деталь, образ персонажа, выразительные языковые средства, литературное произведение, фэнтези.

SUMMARY

Vostretsova V.A., Melnikova A.M. The Role of the Imagery Detail in the Character Individualization in Imaginative Writing (based on the fantastic story by C.S. Lewis “The Lion, the Witch and the Wardrobe”).

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-45-58

The article deals with the different classification models of the imagery details as the linguostylistic means of creating an image of a character in

the literary text of a fantasy genre by C.S. Lewis “The Lion, the Witch and the Wardrobe”. The author focuses on the functionality of the imagery detail and its language realization in the process of character image creation. As a result of text analysis, the tendencies of imagery detail usage are detected in relation to the character image individualization.

Key words: imagery detail, character image, expressive language means and devices, literary text, fantasy.

Т. А. Дьякова
(г. Луганск, РФ)

УДК 811.112.2'37:82-1

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-59-67

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ФАУНОНИМНОЙ ЛЕКСИКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МИХАИЛА МАТУСОВСКОГО

Творчество Михаила Матусовского, одного из самых известных поэтов русской советской литературы, характеризуется богатым лексическим фондом, одним из слоев которого являются фаунонимные единицы.

Изучение фаунонимов – относительно новое направление лексикологических изысканий. В исследованиях фаунонимной лексики преобладают работы, предметом рассмотрения в которых стали фаунонимы разных языков: французского (Ж. Багана, В. Галиаскарова), китайского (П. Чжао, Не П.), немецкого (В. Фролова, Ю. Михайлова), карачаево-балкарского (М. Ахматова, М. Кетенчиев) и др. Обращаются ученые и к фразеологическим единицам с компонентами-фаунонимами (А. Василова, О. Лапунова, Д. Митусова, О. Шкуран, Е. Яско и др.); проблемам их перевода (Д. Дмитриева, А. Рашидова, А. Смирнов, Е. Фадеева и др.).

Сам термин «фауноним» является предметом обсуждения: ученые применяют понятия «зооним», «фауноним». Полагаем, что последний является более корректным, поскольку зоонимы – не только нарицательные слова, связанные с фауной, но и собственные имена (клички) домашних животных, что уже граничит с ономаσιологией. Вслед за В. Фроловой, фаунонимами будем называть «языковые единицы, лексические значения которых в функции первичной номинации обозначают объекты и явления животного мира» [18, с. 8]. В исследовании как семантические синонимы будем использовать понятия «фауноним», «фаунонимная лексема», «фаунонимная единица», «зооним», понимая под последним только имена нарицательные, связанные с фауной.

Немногочисленные работы посвящены функционированию фаунонимов в художественных текстах. Так, на материале современных произведений гендерный аспект использования зоонимов в русской прозе рассматривает Ю. Сидорова [15]. А. Домнич, анализируя зоонимы из комедии Д. Фонвизина «Недоросль», отмечает, что драматург использовал их как «средство отражения особенностей разных социальных и культурных групп, актуализации общественно-социальных проблем» [6, с. 520]. Тематические группы зоонимов в автобиографических произведениях Л. Толстого и С. Аксакова – предмет исследования В. Сальниковой [14]. Зоонимическую лексику в «Записках...» А. Болотова, созданных в XVIII в., изучают Д. Романов и В. Мосолова [12].

Как видим, исследования фаунонимной лексики в текстовом пространстве охватывают достаточно небольшое количество художественных произведений.

Цель работы – проанализировать семантику, особенности использования фаунонимной лексики и фразеологии в произведениях Михаила Матусовского, рассмотреть их стилистическую и художественную функцию. Принимая во внимание регламент статьи, остановимся на четырех группах фаунонимов.

1. Домашние животные. «Лидером» словоупотребления стал фауноним *конь/лошадь* (восемь примеров использования). Учитывая, что семантика данных лексических единиц близка (*лошадь* – это ‘крупное домашнее животное, используемое для перевозки людей, грузов и т. п.’, *конь* – ‘преимущественно о самце лошади; в речи военных, в коннозаводческой практике, а также в поэтической речи’ [16]), относим их к одной группе. Данные фаунонимы использованы для: 1) воссоздания колорита времен Гражданской войны: *Вас простреленным флагом накроют, / И полки перед вами пройдут, / И оружие с вами зароят, / И за вами коней поведут* («Братская могила»); *Сергей Черепенин сидит на своей колымаге / И крутит сигарку, и лошадь торопит к обеду, / В степи на привале походный очаг разжигает, / Толкует с ребятами, кашу солит осторожно* («Четыре песни о славном городе Луганске»); *Сняты с коней пыльные попоны. / Гул колес тревожит тишину. / В исполкоме играют телефоны. / Мы стоим в Ростове-на-Дону* («Чубчик»); *И снова схлестнулись. / И кони сползли с откоса, / И путали гриву с бесплодной степною травой. / Прорвалась тачанка. / И кто-то упал под копыта* («Четыре песни о славном городе Луганске») [9]; 2) воссоздания производственного колорита (описания кузни): *Куют коня. По четырем углам, / По балкам прокопченным и провислым / Гуляют молнии. / Визжит железный хлам. / И дым стоит над кузней коромыслом* («Старая кузня»); *Мне кажется, что я здесь был давно, / Что точно так же пел кузнец в подвале, / И ветер дул в*

разбитое окно, / И жгли железо, и **коня** ковали («Старая кузня») [9]; 3) описания скульптурных памятников героям Гражданской войны, установленных в Луганске: *Стоит, прикрыв глаза рукою, / Как будто в ней бинокль зажат, / Как будто цепи за рекою / Семнадцать лет плашмя лежат / Как будто **кони** бьют копытом* («Партизан»); *Направо, над серой холодной панелью, / Над городом, в грозной, как гром, вышине / Герой, в сапогах и железной шинели, / Верхом на тяжелом походном **коне**; Качнутся иттики молчаливые наши / И хлынут к границам. / И, свергнув покой, / Пархоменко вздыбит **коня** и помашет / Вослед уходящим железной рукой* («Памятник») [9]; 4) воссоздания исторического колорита начала XX в.: *Так приезжают луганчане / В Москву на праздничный парад. / И самый старый грозно плачет, / Когда, оправивши темляк, / По Красной площади проскачет / На белой **лошади** земляк* («Партизан») [9].

Фаунонимная лексема *собака* используется писателем для воссоздания городского бытового колорита начала XX в. (стихотворения написаны в 30-гг. прошлого столетия): *Они проезжали по узким пустынным проулкам. / **Собака** залает. Другая вдали отзовется. / В окошке мигает червячок керосиновой лампы* («Четыре песни о славном городе Луганске»); *Там, где идет он [бандит Максюты – Т. Д.], – растет бурьян, полынь, курослеп, репей. / Там, где идет он, – горят дома и рвутся **собаки** с цепей* («Пархоменко»); *Слепая от мокрой погоды, глухая от ветра. / Она постучала. И даже **собаки** смолчали* («Пархоменко») [9]. Для придания экспрессивности повествованию зооним *собака* употреблен в составе сравнительного оборота: *И взял бы сейчас он буржуя рукой за манишку, / И молча, в упор, застрелил бы его, как **собаку*** («Четыре песни о славном городе Луганске») [9]. Синонимом рассматриваемого слова является фауноним *пес* [16], в поэтическом тексте он использован для придания доверительного характера речи лирического героя в стихотворении «Я хотел, чтоб вы знали...»: *Я хотел, чтоб вы знали, что я любил, что я больше всего любил на свете <...> В затемненной комнате Млечный Путь, образуемый миллионом пылинок. / Морду **пса**, что сидит со мной у костра и смотрит на пламя спокойно и мудро* [9]. На наш взгляд, персонифицированный зооним *пес* (он *смотрит мудро* – а это проявление человеческого поведения), служит символом умиротворения, мудрого мирозерцания лирического героя.

Еще одно наименование домашних животных, употребленное писателем, – *кошка*. Фауноним использован в составе фразеологического оборота *...но с этого вечера **какая-то кошка пробегает** меж ними, и встречи их постепенно сходят на нет* («Семейный альбом») [11]. Узуальный фразеологизм *черная (серая) кошка пробежала (пробежала)*, разг. экспресс. ‘произошла

неожиданная ссора, размолвка между кем-либо; кто-либо с кем-либо поссорился' [17, с. 319] писатель подвергает структурной трансформации. Во-первых: определение *черная / серая* (прилагательное) → определение *какая-то* (неопределенное местоимение). Во-вторых, изменена форма глагольной части фразеологизма: ф. ж. р. ед. ч. прош. вр. *пробежала* → ф. ед. ч. 3 л. наст. вр. *пробегают*. Символика компонента *кошка* связана с зооморфным кодом культуры, в котором *кошка* – домашнее животное, наделяемое в народных представлениях двойственной символикой и различными демоническими функциями [4, с. 637]. Образ фразеологического оборота, по мнению М. Ковшовой, восходит к древнейшим мифологическим представлениям об оборотничестве (способности ведьм, колдунов и пр. превращаться, т. е. «оборачиваться» в чёрную кошку др. животных). В основе фразеологизма – метафора, уподобляющая ссору ситуации физического вторжения между людьми злых, колдовских сил, которые олицетворены в образе чёрной кошки. В создание образа также вкраплена пространственная метаформа разединения людей, их превращения из «своих» в «чужих», из друзей в недругов [7]. Выражение используется для создания эмоционального фона воспоминаний лирического героя.

2. Дикие животные. Эта группа представлена всего двумя фаунонимами: *лиса* и *суслик*. Лексема *лиса* использована в метафорическом обороте для характеристики качеств персонажа в стихотворении «Семейный альбом»: *...Квартирохозяин Палант Соломон. / Не брезгуя даже подвалом сырым, / Открыл он внизу заведение «Крым». / За хитрость лисы и за ум коммерсанта / Прозвали его Соломоном Вторым* [8]. В основе метафоры – и традиционное в славянских культурах восприятие *лисы* как лживого животного (обманывает и ловит птиц), и обозначение в христианских текстах лукавого человека, царя Ирода, дьявола [1, с. 164].

Прилагательное-фауноним *лисий* употребляется в составе метафорического оборота *лисья нора* 'землянка без наката (крыши), щелевидная по форме', который мы рассматриваем как фразеологизм: *И опять о войне, о войне, / О пурге, обжигающей лица, / О седой обгорелой стерне, / Где почти невозможно укрыться, / О расщелине «лисьей норы», / Там, где сырость живет постоянно* [10, с. 509]. Природное лисьё убежище – достаточно комфортное, разумеется, для животных, сооружение. Это место, в котором животное скрывается от непогоды, от холодов и дождей, место отдыха и дом [8]. В болотистой местности советские солдаты строили убежища, получившие метафорическое наименование *лисья нора*. Автор использует выражение для воссоздания фронтного колорита военного времени.

В стихотворении «Донецкая легенда», в котором изображение целостной картины строится на олицетворении минерала колчедана, суслик ‘небольшой степной грызун’ выступает как один из символов донецкой степи: *Что за свет ему [камню – Т. Д.] ночами мнится, / Что за сон его тревожит днем? / Хищный кричит на него садится, / Серый суслик зрится на нем* [10], используется для воссоздания локального пейзажного колорита.

3. Дикие птицы. Наименования птиц (орнитонимы) рассматриваем как подгруппу фаунонимной лексики, принимая во внимание градацию фаунонимы – флоронимы. Наименования птиц, прежде всего, содержат денотативный компонент: *Один орел кружит в предутреннем дыму, / То вдруг взмывая ввысь, то словно цепenea, / Как будто с давних лет принадлежит ему / И эта степь в цветах, и облака над нею* («Воспоминание о степи»); *Спят орлы на кручах старых. / Степь дымит, горяча...* («Мой земляк») [10]. В славянских этнокультурах орла расценивают как хозяина небес [1], а среда обитания определила его восприятие как птицы свободолюбивой, гордой, независимой, символизирующей степной простор. Орнитонимы используют в речи не только в прямом значении как названия птиц, но и переносом, для характеристики внешнего облика, качеств, поведения. Коннотативный компонент значения наименования *орел* ‘гордый, храбрый, сильный, мужественный человек’ [16] так реализуется в стихотворениях: *Спокойно шагали небритые крепкие люди, / Бесстрашные, черные от украинского солнца, / И рядом ребята, орлы, крикуны, малолетки. / Голодные дети военного трудного года* («Четыре песни о славном городе Луганске»); *Даже согласно закону / Ты уже выслужил срок... / Плюнул забойщик с досады: / – Эх, отлетелся орел! – / Молча простился с бригадой. / Молча до дому побрел* («Пенсионер») [9].

В современном русском языке к образу орла обращаются для характеристики мужчины, «при этом может подчеркиваться любое из его качеств, соотносимых с характеристиками орла» [13, с. 134], это и стало семантической основой компаративемы *как степной орел*: *А был он смел, как степной орел, / широк, как донецкий дуб. / На руку тверд, на глаз остер, / на легкое слово скуп, / На сердце горяч, в плечах могуч, / на правое дело скор...* («Пархоменко») [9]. Положительная коннотация орнитонима *орел* не только дает дополнительную характеристику персонажа, но и репрезентирует, на наш взгляд, отношение поэта к созданному образу.

Традиционно негативно воспринимаемые в этнокультуре как «нечистые» [5] хищные птицы в поэтических текстах Матусовского становятся олицетворением степи. К таким орнитонимам относятся: 1) *кобец* ‘мелкий острокрылый сокол’ [16]: *Трещала земля, и по швам рассыхалась дорога, / И медленный кобец бессильно кружил*

над землею. Дурманило жженой полынью и горькой травой... («Четыре песни о славном городе Луганске») [9]; 2) *кречет* ‘хищная птица, крупный сокол’ [16]: *Хищный кречет* на него [камень – Т. Д.] *садится, / Серый суслик греется на нем* («Донецкая легенда») [9]; 3) *кориун* ‘крупная хищная птица семейства ястребиных, с длинными крыльями и загнутым клювом’ [16]: *...И пред ним [камнем – Т. Д.] все та же степь без края – / Зной, курганы, кориуны, ковыль...* («Донецкая легенда») [9]; 4) *ястреб* ‘хищная птица с коротким крючковатым клювом и длинными острыми когтями’ [16]: *Когда мне станет очень плохо – / В Донбасс уеду. // Туда, где ястребы степные / Спят на кургане...* («Сверчки в тени чертополоха...») [9]. Таким образом, поэтические произведения «превратили» пейоративно оцениваемые орнитонимы в символы бескрайних донбасских степей.

Фауноним *ворон* ‘крупная всеядная птица с блестящим черным оперением, гнездящаяся обычно в уединенных местах’ [16]) относится к числу древнейших мифологических образов. В народных представлениях эта зловеющая птица, связанная с миром мертвых, выступает вестником смерти [3, с. 434]. Использование орнитонима *ворон* (*воронье*) в стихотворениях М. Матусовского как раз и отражает негативную коннотацию лексемы: *И потом катились [немцы – Т. Д.] вспать на запад / В логово звериное свое, / А над ними, чужа смертный запах, / День и ночь кричало воронье* («Разговор с земляком»); *Завод молчит, завод объят / Особенным покоем. / Так только крепости молчат / Завтра перед боем. // В скелетах ржавых эстакад / Он молчалив и страшен. / И только вороны кричат / С водонапорных башен* («Рассказ о старом наследстве») [9].

В народных представлениях *соловей* относится к «чистым», «святым», «божьим» птицам [5; 13]. Орнитоним *соловей* в русской культуре имеет ярко выраженный позитивный характер. В «Романсе» Матусовского читаем: *Целую ночь соловей нам насвистывал. / Город молчал, и молчали дома. / Белой акации гроздя душистые / Ночь напролет нас сводили с ума* [9] – поэтические строки передают представление о гармонии, пение соловья символизирует «начало активного, буйного расцвета в природе» [13, с. 134].

Восприятие *скворца* ‘перелетной певчей птицы отряда воробьиных’ [16]) в этнокультуре неоднозначно (что связано, скорее всего, с родством с воробьем, традиционно негативно оцениваемым), но преобладает положительная оценка, недаром для этой птицы строят жилище, а прилет *скворцов* знаменует наступление весны. В стихотворении «С чего начинается Родина» наименование *скворец* входит в число символов Родины, наряду с березкой, песней матери, юношеской клятвой: *А может, она начинается / С весенней запевки скворца / И с этой дороги проселочной, / Которой не видно конца* [9].

4. Домашние птицы. Эта группа представлена двумя орнитонимами: *петух* и *индюк*. Фауноним *петух* ('самец курицы' [16]) употреблен в стихотворении «Я хотел, чтоб вы знали...»: *Я хотел, чтоб вы знали, что я любил, что я больше всего любил на свете <...> В затемненной комнате Млечный Путь, образуемый миллионом пылинок. / Морду пса, что сидит со мной у костра и смотрит на пламя спокойно и мудро. / Свежие голоса петухов, / без которых не наступило бы утро* [9]. Птица традиционно воспринимается как близкая к дому, дружелюбная человеку. Нечистая сила не способна принимать образ петуха, поскольку на нем «ангельский чин», а гребень на голове – корона [1, с. 207]. Орнитоним использован для придания доверительного характера речи лирического героя, приближения рассуждения к широкому кругу читателей.

Фаунонимная лексема *индюк* использована в составе фразеологического оборота: «*Что же ты не упредил меня, я же думал, что оно солью заряжено*». – «*Думал, индюк тоже думал, – отвечал старший Сухой, – будто ты не видал, как я его зарядил. А теперь со страху в штаны наклал*» («Семейный альбом») [11]. В тексте писатель использует редуцированную форму русской пословицы *индюк тоже думал, да в суп попал* 'неприятие оправдания, начинающегося со слов «Я думал (а)»' [2, с. 67], основу которой составляет внешний облик *индюка*, выглядящего очень внушительно. Скорее всего, умный вид *индюку* придает способность этой птицы надуваться, важно нахохливаться (отсюда и выражения *важный как индюк, надулся как индюк*). В художественном тексте просторечное выражение (в пользу его просторечности говорит сопутствующее сочетание *в штаны наклал*) употребляется для речевой характеристики персонажа, приближения его к широкому кругу читателей.

Таким образом, использование фаунонимов в произведениях Михаила Матусовского свидетельствует о глубоким знании писателем этнокультурной символики животных и птиц, умении мастерски применять лексические единицы этой группы для воссоздания исторического, локального колорита. Фаунонимные лексемы в составе метафорических и сравнительных оборотов, фразеологизмов служат средством создания образности, придания выразительности речи лирического героя и персонажей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белова, О. В. Славянский бестиарий. Словарь названий и символики / О. В. Белова. – М. : Индрик, 2001. – 320 с.
2. Белянин, В. П. Живая речь. Словарь разговорных выражений / В. П. Белянин, И. А. Бутенко. – М. : ПАИМС, 1994. – 192 с.

3. Гура, А. В. Ворон / А. В. Гура // Славянские древности : этнолингвист. словарь: в 5 т. / под. ред. Н. И. Толстого. – Т. I. – М. : Междунар. отношения, 1995. – С. 434–438.
4. Гура, А. В. Кошка / А. В. Гура // Славянские древности : этнолингвист. словарь: в 5 т. / под. ред. Н. И. Толстого. – Т. II. – М. : Междунар. отношения, 1999. – С. 637–640.
5. Гура, А. В. Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. – М. : Индрик, 1997. – 912 с.
6. Домнич, А. А. Изобразительно-выразительные функции зоонимов в комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль» / А. А. Домнич // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 19–20 марта 2020 г. / отв. ред. О. Г. Прохоренко. – Минск : БГУ, 2020. – С. 515–520.
7. Ковшова, М. Л. Кошка пробежала / М. Л. Ковшова // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. – 4-е изд. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-dictionary/index.htm> (дата обращения: 10.04.2024).
8. Лисы в дикой природе. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://vulpes.ucoz.ru/publ/1> (дата обращения: 10.04.2024).
9. Матусовский, М. Земля моих отцов – Донбасс. Стихи и песни о Луганщине и Донбассе / М. Матусовский. – М. : Република, 2011. – 304 с.
10. Матусовский, М. Избранные произведения в двух томах. – Т. 1. Стихотворения, поэмы, песни / М. Матусовский. – М. : Худ. лит. – 1982. – 639 с.
11. Матусовский, М. Семейный альбом // Матусовский Михаил. Проза (С. Литературная гордость Луганщины) / М. Матусовский. – Луганск : ООО «Виртуальная реальность», 2011. – С. 7–550.
12. Романов, Д. А. Зоонимическая лексика в «Записках...» А. Болотова / Д. А. Романов, В. С. Мосолова // Тул. науч. вест. Сер. : История. Языкознание. – 2021. – № 2 (6). – С. 119–126.
13. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь : Вып. первый / И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2004. – 318 с.
14. Сальникова, В. В. Тематические группы зоонимов в автобиографических произведениях о детстве (на материале повестей С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука» и А. Н. Толстого «Детство Никиты») / В. В. Сальникова // Вест. Башкир. ун-та. – 2014. – Т. 19. – № 2. – С. 566–572.

15. Сидорова, Ю. И. Зоонимы в русской прозе: гендерный аспект (на материале современных произведений) / Ю. И. Сидорова // Общество. Гендер. История : сб. статей и докладов VIII Междунар. науч. конф., Липецк, декабрь 2015 г. / науч. ред. : Будюкин Д. А., Овчинникова Э. В. – Липецк : Гравис, 2015. – 96 с.
16. Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 12.04.2024).
17. Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц / А. И. Фёдоров. – 3-е изд., испр. – М. : Астрель : АСТ, 2008. – 878 с.
18. Фролова, В. А. Фаунонимические глаголы современного немецкого языка : автореферат дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / В. А. Фролова; Нижегород. гос. лингвист. ун-т им. Н.А. Добролюбова. – Н. Новгород, 2003. – 16 с.

АННОТАЦИЯ

**Дьякова Т. А. Изобразительно-выразительные функции фаунонимной лексики в произведениях Михаила Матусовского
DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-59-67**

В статье рассматривается группа фаунонимов, использованных Михаилом Матусовским в поэтических и прозаических произведениях разных лет. Анализируются исследования фаунонимической лексики и фразеологии. Фаунонимы, выбранные из произведений писателя, разделены на четыре группы: домашние животные, дикие звери, домашние птицы, дикие птицы. Раскрывается этнокультурная символика фаунонимов. Рассмотрены изобразительно-выразительные функции лексических единиц как в номинативной функции, так и в составе тропов и фразеологических выражений. Для анализа фаунонимной лексики и фразеологии использовались лексикографические и фразеографические источники, этнографические справочники.

Ключевые слова: фауноним, зооним, орнитоним, лексема, фразеологизм, образ, метафора.

SUMMARY

**Diakova T. A. Literary Expressive Functions of Faunonymous Vocabulary in the Works of Mikhail Matusovsky
DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-59-67**

The article considers a group of faunonyms used by Mikhail Matusovsky in poetic and prose works of different years. The studies

of faunonymous vocabulary and phraseology are analyzed. Faunonyms selected from the writer's works are divided into four groups: domestic animals, wild animals, domestic birds, wild birds. The ethnocultural symbolism of faunonyms is revealed. Visual and expressive functions of the use of lexical units both in the nominative function and as part of tropes and phraseological expressions are considered. For the analysis of faunonymous vocabulary and phraseology, lexicographic and phraseographic sources, ethnographic reference books were used.

Key words: faunonym, zoonym, ornithonym, lexeme, phraseological unit, image, metaphor.

*Е.В. Бастун,
(г. Краснодар, РФ)
Д.А. Китаева
(г. Краснодар, РФ)*

УДК 811.161.1

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-68-76

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА КИТАЯ

С каждым годом в современной геополитике все чётче определяется возрастающая роль Китайской Народной Республики (КНР). Многолетняя тенденция экономического развития, а также накопление политического капитала позволили Китаю определять сферу своих интересов не только в пределах Азиатско-Тихоокеанского региона. Язык китайской политики имеет непосредственную связь с прошлым страны, сложившись под воздействием многовековых традиций восточной дипломатии. Богатое историко-культурное наследие определяет сложность понимания тонкости лексики, употребляемой китайскими лидерами. Профессор Дипломатической академии Сунь Цзи-Шэн считает, что социальную лингвистику стоит рассматривать в двух основных направлениях: изучение языка в контексте политического взаимодействия и как инструмент познания «языка власти» [1]. Между тем распространение китайского политического дискурса в международном информационном пространстве требует осторожного и осмотрового подхода, ввиду возможных особенностей манипулятивных тактик, свойственных политической жизни потенциальной сверхдержавы.

Анализ сложившегося современного политического языка Китая не представляется возможным без полного понимания самого понятия «дискурс». Обращаясь к этимологии слова «дискурс» можно проследить его многократную модификацию. Термин берёт своё начало в классической латыни в виде слова

discursus, что означает «речь, беседа, использование языка». Большой вклад в развитие этого понятия внес нидерландский лингвист Т.А. ван Дейк, предложивший дифференцировать определение дискурса в зависимости от его широкого и узкого смыслов. В широком смысле дискурс в его интерпретации есть коммуникативное событие, происходящее между говорящим, слушающим и наблюдателем в процессе коммуникативного действия в определённом временном, пространственном и прочем контексте. Это коммуникативное действие может быть речевым, письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие. В узком же смысле, как правило, выделяют только вербальную составляющую коммуникативного действия и говорят о ней, как о «тексте» или «разговоре». В этом смысле термин Т.А. ван Дейка обозначает завершённый или продолжающийся «продукт» коммуникативного действия, его письменный или речевой результат, который интерпретируется реципиентами, т. е. в самом общем понимании – это письменный или речевой вербальный продукт коммуникативного действия [2].

Дискурс является необходимым условием социальных отношений. Частным примером может послужить политический дискурс (ПД) [3], участниками которого могут становиться не только профессиональные политики и ораторы, но и опосредованно реципиенты из различных слоёв гражданской общественности несмотря на то, что возможность общения и построения диалога между рядовым политиком и гражданином закрыта. К таковым слоям относятся демонстранты, митингующие, активисты, СМИ и избиратели. Стоит учитывать, что с развитием политической культуры, происходило и увеличение форменного разнообразия средств дискурса: сегодня представляется возможным наблюдать как классические примеры (публичное выступление, предвыборная кампания, политическая агитация), так и свойственные современной эпохе (интервью, конференции, саммиты, комментарии в газетах и интернет-изданиях) [4, 5]. При этом часто политически активное лицо и непосредственная публика ограничены в возможности прямого контакта, который в большинстве случаев осуществляется типичной моделью «политик - журналист - общество». Выражаемые политические идеи и убеждения общественность получает уже в полноценном, осмысленном конкретным журналистом виде [6]. Политический дискурс китайских СМИ сохраняет свойственные ему интертекстуальность (обилие взаимных ссылок) и интрэдискурсивность (взаимодействие отдельных видов дискурса между собой с сохранением особенностей жанра, стиля или структуры) [7].

Наблюдая за общественной жизнью современных стран, можно выделить ряд ключевых черт актуального политического дискурса: использование простого, смешанного с разговорным, а потому доступного для избирателей языка; предумышленное сочетание эмоционально простого риторического стиля и стиля, наполненного специальной терминологией с жёсткой структурой; агрессивность подачи информации; наличие оценочных суждений; агонистическая способность; тематическая определённости речи; идеологический характер; театральность. В зависимости от типа политического режима государства наблюдается трансформация основных характеристик ПД, так в демократических странах наблюдается тенденция к распространению научно-доказательной коммуникации, в то время как в тоталитарно-авторитарных режимах преобладает консервативно-религиозная и ритуально-побуждающая направленность [8].

Сам по себе политический дискурс не может обойтись без речевого действия, при этом ввиду развития средств массовой информации возникает тенденция увеличения значимости политической коммуникации. Цель политика не изложить свои мысли перед аудиторией, а убедить в правильности своих идей, тем самым сформировать нужное «правильное» представление в общественном сознании, побудив к определенному действию. Так как политическая сфера характеризуется большой конкурентоспособностью, цель политического дискурса сводится к отстаиванию своих позиций, перед лицом других политиков, и к завоеванию заслуженного права на власть. Отсюда так важна система правильной аргументации, которая заставляет реципиента, неожиданно для себя, пересматривать свою точку зрения, в связи с услышанными доводами, в пользу той или иной ситуации. Часто для достижения этих целей, политический деятель использует целую систему языковых средств и приемов. Лингвистическая теория аргументации занимается рассмотрением речевого влияния на реципиента в момент формирования у него мнения на конкретную ситуацию. Очень важным тут является подбор слов и грамматических конструкций, которые в состоянии вызвать переосмысления ситуации, тем самым структурировав для получателя совсем иную «реальность» [13]. Подача информации в нужной форме, помогает оставить незамеченным нежелательные факты, акцентировав при этом внимание на благоприятных сюжетах. Увеличение или уменьшение степени рационального и эмоционального окрасов помогают скорректировать социальные поступки в рамках нужной реакции. Пользуясь различными коммуникативными стратегиями, политик старается, как можно полно, реализоваться в своей деятельности, заслужив признание общественности, и нанести имиджевый вред своему оппоненту [19].

Эффективность ПД повышается путем использования не только сильной доказательной основы и убедительных аргументов, но и оперированием методами речевой демагогии и манипулирования. Демагогия – это набор ораторских и полемических приёмов и средств, позволяющих ввести аудиторию в заблуждение и склонить её на свою сторону с помощью заведомо неверных теоретических рассуждений, основанных на логических ошибках. При этом демагогия существенно отличается от намеренной лжи или клеветы, так как предполагается, что неподготовленная публика самостоятельно сделает ложные выводы. Особенностью политической демагогии является активная апелляция к широким социальным слоям населения, которая сопровождается громкими обещаниями, эмоциональными выражениями или лозунгами, при этом не имеющими под собой реальной основы [10]. Стоит отметить, что в зависимости от политического течения или идеологии, демагогия приобретает свойственный ей характер лексического наполнения, так, выступление Председателя КНР Си Цзиньпина в Назарбаев университете (2013 год) содержала следующие обороты речи: «народное благополучие», «построение гармоничного региона», «летопись вечной дружбы», «совместная борьба с тремя видами зла», «история связей» [11]. Также наглядным примером может послужить официальная речь Си Цзиньпина в 2021 году, где видна наполненность текста запоминающимися и вызывающими к чувствам вербальными оборотами :

«Чтобы осуществить национальное возрождение, партия объединила китайский народ и повела его за собой в великой борьбе, великом проекте, великом деле и великой мечте, руководствуясь духом уверенности в себе, самостоятельности и новаторства, добиваясь больших успехов социализма с помощью исключительности Китая в новую эпоху» [12].

Необходимость представить действительность в выгодном свете, вынуждает к более настоятельным способам искажения информации, а именно, политической манипуляции.

Политическое манипулирование - особый вид речевого воздействия, направленный на скрытое склонение манипулируемых лиц к принятию за истину определенных высказываний без учета достоверности их аргументации в форме скрытого воздействия. Г. Шиллер считает, что «успех манипуляции гарантирован, когда манипулируемый верит, что всё происходящее естественно и неизбежно; для манипуляции требуется фальшивая действительность, в которой её присутствие не будет ощущаться». Создание такой фальшивой действительности достигается путем применения различных средств и методов [13]. Глобализация информационных технологий, позволяет получать различные сведения почти

мгновенно. Благодаря этому, обработанный и высказанный в нужной форме манипулятивный материал, для распространения которого можно так же приобщить различные источники, а именно: различные интернет-издания, эфирное время на различных федеральных каналах, позволяя оказывать глубокое воздействие на получателя [14]. Информация, повторенная многократно заставляет общественность думать в рамках заданной линии, выстраивая тем самым нужную и уже готовую политическую позицию, в которой нет места критическому мышлению. Понимание сложившейся политической обстановки в сознании народа становится неминуемо невозможным. Примером подобного явления может стать использование «Красных песен» («Наш флаг развевается повсюду», «Десять поездов красноармейцев»). Эти написанные в поддержку КПК песни, продвигаемые правительством в школах и на рабочих местах, укрепляют поддержку населения [15].

Построение ложных выводов на основе предоставляемой информации в политическом дискурсе заключено не только в возмозных средствах распространения данных, но и в «правильном» искажении информации. Манипулятор во власти, достигая свои или партийные цели, придерживается определенных манипулятивных стратегий, методов, которые помогают упростить процедуру внедрения искаженного факта [16].

Особенность манипуляции заключается в отсутствии полноценного осознания реципиентом самого факта происходящего воздействия, его содержания, цели и характера. Во многом, механизмы языковой манипуляции опираются на разнообразные имплицитные приемы подачи выгодной политику информации, к которым относят референциальное и аргументативное манипулирование. Референциальное манипулирование сопровождается искажением образа детоната/референта в процессе обозначения действительности. Данный тип манипулирования может быть фактологическим – подтасовка, преувеличение или преуменьшение значимости фактов, недоговаривание невыгодных аспектов, создание неоднозначности и неопределенности или полноценная ложь и фокусировочным – предумышленное изменение характера рассмотрения предоставляемой информации в более выгодную сторону. Аргументативное манипулирование предусматривает нарушение общих правил аргументации, таких как уход от ответа, изменение тематической направленности, нарушение логики и цельности текста; формулирование точки зрения в не требующих доказательств формах, прямое уклонение от полноценного представления информации, предумышленное пренебрежение точностью сказанного; возражение под видом согласия и ложные аргументы (маскировка логических ходов) [17].

В зависимости от предполагаемой цели, а также рассматриваемого события, его временного интервала (само событие, отдельно выбранная часть) или элементов (участвующие субъекты, причинно-следственные связи, имеющие обстоятельства и мотивы) может меняться выбранный вид манипулятивной тактики. При изучении факта манипуляции может обнаруживаться как искажение полного текста, так и отдельных выражений говорящего, постепенно размывающих границы правдивой и недостоверной информации.

Для углубленного изучения проблематики манипуляции в политическом дискурсе Китая стоит ознакомиться с отдельными примерами публичных речей представителей власти КНР. Анализируя выступления Си Цзиньпина по случаю 100-летия основания КПК в 2021 году можно выделить стремление политика вовлечь публику в повествование, содержащее яркие суждения, которые смогут привести к эмоциональным реакциям слушателя и возбуждению чувства национального патриотизма:

«Мы, китайцы, – народ, который отстаивает справедливость и не пугается угроз применения силы. Как нация, мы испытываем сильное чувство гордости и уверенности в себе. Мы никогда не запугивали, не угнетали и не поработали народ какой-либо другой страны, и мы никогда этого не сделаем» [18].

На очередной пресс-конференции 17 октября 2022 года у официального представителя МИД КНР Ван Вэньбина в ответе на вопрос журналистов CCTV (Центральное телевидение Китая) об оценке 20-го съезда КПК и практики полноценного развития китайской демократии был использован приём фокусировочной манипуляции:

«Эксперты и ученые из Танзании, Иордании, Казахстана, Пакистана и других стран считают, что Коммунистическая партия Китая хорошо осознает важность служения народу, основывает свои решения на понимании общественных чувств и мнения, используя интересы народа в качестве критерия, а развитие и прогресс страны в качестве шкалы измерения. Опираясь на систему государственного управления, которая развивается на основе демократического централизма, Китай добился беспрецедентных успехов» [19].

Данное высказывание не отображает действительности и является примером намеренного изменения оценочного вектора в более благоприятное направление. При этом происходит целенаправленное сужение вопроса до уровня рассмотрения внешнего восприятия без четкой характеристики демократических процессов китайской политической системы через попытку апелляции к чужой комплиментарной оценке с претензией на подчеркнутую статусность и солидность.

Яркий пример ухода от ответа возможно проследить в риторике представителя МИД КНР на вопрос журналиста об отклонении Совета по правам человека ООН предложения западных держав о проведении дебатов по Синьцзяну (6 октября 2022 г. на 51-й сессии СПЧ):

«На что СПЧ действительно должен обратить внимание и обсудить, так это на серьезные нарушения прав человека в США, Великобритании и других западных странах. К ним относятся систематический расизм и расовая дискриминация, нарушение прав мигрантов, распространение насилия с применением огнестрельного оружия, неизбирательное применение односторонних принудительных мер, военные операции за рубежом, которые привели к гибели и ранениям большого числа ни в чем не повинных людей. А также обеспечить справедливость в отношении многих жертв и отчитаться перед международным сообществом. Мы советуем США и другим западным странам отказаться от политических манипуляций, фальсификаций, дискредитации и необоснованного подавления, вернуться на путь диалога и сотрудничества, чтобы действительно сделать что-то реальное для развития международного в области прав человека» [20].

Данный ответ, является прямой попыткой игнорирования основной темы вопроса и опосредованным переключением внимания на обвиняющую сторону, так как используется намеренно нарушающая логику стратегия, сопровождающаяся сменой инкриминирующей позиции.

Важным аспектом манипуляции в современной китайской политике является использование определенных терминов и устоявшихся выражений, которые формируют стереотипы и установки, внушающие населению желаемую идеологию и убеждения, например, в поддержку политического лидера или определенных политических решений. Подобные манёвры также помогают избегать неудобных вопросов в ходе публичных выступлений и брифингов, поддерживать имидж и создавать благоприятный образ внешне- и внутреннеполитических инцидентов, что позволяет украсить реальность или изменить понимание происходящего.

Таким образом, манипуляции в ПД Китая играют достаточно важную и заметную роль в формировании общественного мнения и контроле над информацией, служат инструментом достижения политических целей, сохранения стабильности и укрепления власти Коммунистической партии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сунь, Цзи-шэн [и др.] Лингвистика международных политических отношений: теория и практика. – Пекин: World Affairs Press, 2017. – 584 с.

2. Тён, А. ван Дейк Дискурс и власть. – пер. с англ. – Е. А. Кожемякина изд. – Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.
3. Равочкин, Н. Н. Особенности политического дискурса // Вестник КГУ. – 2018. – №3. – С. 244–250.
4. Ефимова, И. Н., Маковейчук А.В. Социальные сети как новый механизм формирования имиджа субъектов политической деятельности // Известия АГУ. – 2012. – №41. – С. 248–248.
5. Хецелиус, В.Е. Социальные сети как инструмент политической коммуникации // Наука без границ. – 2019. – №5. – С. 93–103.
6. Космодемьянская, К. В. Власть и СМИ: взаимодействие или противостояние? // Теория и практика общественного развития. – 2014. – №4. – С. 176–179.
7. Бекуров, Р. В. Особенности подачи международных новостей в СМИ КНР: дис. канд. полит. наук: 42.03.02. – СПб., 2016. – 84 с.
8. Синеокая, Н.А. Характеристики политического дискурса // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – №6. – С. 478–486.
9. Володенков, С. В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. – М.: Издательство Московского университета, 2015. – 272 с.
10. Тартыгашева, Г. В. Демагогия – форма деформации общественно-политической жизни // М.С.Ф. Прикладные исследования. – 2010. – С. 144–160.
11. Выступление Председателя КНР Си Цзиньпина в Назарбаев университете (полный текст) // Посольство Китайской Народной Республике в Республике Казахстан URL: http://kz.china-embassy.gov.cn/rus/zhgx/201309/t20130916_1045309.htm (дата обращения: 08.05.2024).
12. Полный текст речи Си Цзиньпина по случаю 100-летия КПК // Nikkei Asia URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/Full-text-of-Xi-Jinping-s-speech-on-the-CCP-s-100th-anniversary> (дата обращения: 13.11.2023).
13. Володенков, С. В. Современная политическая коммуникация как инструмент манипулирования общественным сознанием // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2012. – №5. – С. 89–103.
14. Информационно-коммуникационные измерения политических процессов: Учебное пособие. – Н. Новгород: ННГУ, 2006. – 107 с.
15. Сенюткина, О. Н., Жань Лин. Распространение советских революционных песен в Китае в 1920–е гг. // Россия и АТР. – 2021. – №3. – С. 70–81.
16. Исаев, А. С. Институты формирования общественного сознания КНР и вопросы сотрудничества СМИ России и Китая // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2016. – С. 218–223.

17. Тибинько, Н. Д. Манипуляция в политическом дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – №3. – С. 134–137.
18. Полный текст речи Си Цзиньпина по случаю 100-летия КПК // Nikkei Asia URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/Full-text-of-Xi-Jinping-s-speech-on-the-CCP-s-100th-anniversary> (дата обращения: 13.06.2023).
19. Очередная пресс-конференция 17 октября 2022 г. у официального представителя МИД КНР Ван Вэньбиня // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/mtfw/ce_cegw_chn/202210/t20221019_10785821.html (дата обращения: 24.04.2024).
20. Официальный представитель МИД ответил на вопрос журналиста об отклонении СПЧ ООН предложения стран Запада о проведении дебатов по Синьцзяну // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/mtfw/ce_cegw_chn/fyrbthdhdw/202210/t20221008_10779455.html (дата обращения: 24.04.2024).

АННОТАЦИЯ

Бастун Е.В., Китаева Д.А. Анализ современного политического языка Китая

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-68-76

Статья посвящена рассмотрению особенностей китайского политического дискурса. В работе изучены и проанализированы различные приемы речевого воздействия, особенности их выбора, применения и сочетания в контексте ситуации и типа аудитории в целях достижения манипулятивной коммуникативной интенции. Материалом для исследования послужили тексты выступлений китайских политических деятелей.

Ключевые слова: политическая коммуникация, дискурс, речевое манипулирование, манипулятивные тактики, имплицитные приемы.

SUMMARY

Bastun E.V., Kitaeva D.A. Analysis of the Modern Political Language of China

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-68-76

The article is devoted to the consideration of the peculiarities of Chinese political discourse. The paper studies and analyzes various techniques of speech influence, peculiarities of their choice, application and combination in the context of the situation and type of audience in order to achieve manipulative communicative intention. The material for the study was the texts of speeches of Chinese political figures.

Key words: political communication, discourse, speech manipulation, manipulative tactics, implicit techniques.

*Е.А. Долгая
(г. Горловка, РФ)*

УДК 811.161.1'243:81'38

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-77-84

ПРОБЛЕМА СЕМАНТИЗАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА В МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Каждый преподаватель русского языка как иностранного должен разработать систему навыков и умений, среди которых значительное и особое место занимает объяснение нового материала. «Объяснение нового материала – второй элемент структуры традиционного урока. Объяснение – важнейшая логическая операция, состоящая из приемов сравнения, сопоставления, анализа, синтеза, обобщения. Без объяснения нет обучения» [2, с. 90]. Столь высокая оценка понятия «объяснения» обусловлена тем, насколько велико значение «объяснения» как в обеспечении взаимодействия между преподавателем и студентом, так и в достижении конечных результатов образовательной деятельности.

Изучение сущности «объяснения» представляется актуальным в силу того, что «объяснение» является стержнем образовательного процесса. Такого рода изучение направлено на практическое применение его результатов в методике преподавания русского языка как иностранного. Применение умения «объяснения» стоит в ряду важных общедидактических умений. Это умение используется с тем, чтобы передавать новые знания иностранным студентам. Наряду с этим умение «объяснения» можно причислить к умениям коммуникативным, поскольку осуществляется в ходе речевого общения преподавателя и студента.

Умение объяснять принято рассматривать и как речевое действие, и как конечный результат этого речевого действия – связное высказывание, касающееся заданной темы. Именно поэтому умение объяснять может быть интерпретировано и как метод преподавания, и как структура практического занятия, и как логическая структура, имеющая объяснительную функцию. Их планомерное изучение является целью этого исследования.

Результатом осуществления на практическом занятии по русскому языку умения «объяснения» являются разработанные преподавателем пояснительные тексты, в частности, такие, которые

были бы ориентированы на объяснение значений слов современного русского литературного языка. М. П. Чеснокова отмечает: «Когда речь идет об объяснении значения слов, методисты используют термин семантизация» [6, с. 72]. Это важнейший аспект в учебном процессе, поскольку предусматривает умение преподавателя целесообразно выбирать и применять наиболее приемлемый способ «объяснения». Пояснительные тексты, применяемые преподавателем на практических занятиях по русскому языку как иностранному, являются конечным продуктом речевой деятельности и осуществляются посредством использования отдельных лексико-семантических конструкций.

Несомненным представляется тот факт, что лексика – это самый значимый и первостепенный аспект в изучении русского языка как иностранного. Освоение и применение в речевой деятельности основных лексических единиц является одной из важнейших конечных целей учебного процесса в учреждениях высшего образования. Очевидно, что без овладения лексическим минимумом не представляется возможным освоение иностранного языка.

В ходе образовательного процесса преподаватель на каждом практическом занятии по русскому языку дает иностранным студентам предусмотренное учебной программой количество новых слов, словосочетаний и других лексических единиц. В процессе занятия преподаватель может сочетать объяснение значений новых слов с объяснением грамматической темы урока, а также задействовать отдельные лексико-семантические конструкции с тем, чтобы иностранные студенты смогли впоследствии самостоятельно применять их в речевой коммуникации.

В процессе практического занятия по русскому языку как иностранному умение объяснять осуществляется посредством метода преподавание-обучение, которое, в противоположность методу преподавания-демонстрации, задействует, по большей части, языковые средства. Конечным результатом процесса «объяснения» выступает словесное высказывание преподавателя русского языка как иностранного на заданную тему. Подобно иным методам обучения, метод «объяснения» представляет собой систему приемов. Ввиду этого конечный результат осуществления метода «объяснения» является в то же время результатом применения одного из этих приемов или их совокупности. Сами приемы «объяснения» отличны друг от друга способом изложения определенного сообщения, то есть способом передачи знаний. Таким же образом отличаются друг от друга и конечные результаты их реализации: высказывание преподавателя русского языка как иностранного можно также рассматривать как текст. Такие тексты можно соотнести с типами текста по содержанию: текст-указание, текст-описание, текст-характеристика,

текст-пояснение, текст-сравнение [1]. В силу вышесказанного можно отметить, что прием возможно идентифицировать как сумму отдельных действий, ориентированных на воспроизведение определенного типа текста. Определенный прием «объяснения» можно обозначить в соответствии с тем типом текста, который выступает конечным результатом его реализации, то есть мы можем выделить прием-указание, прием-описание, прием-характеристику, прием-пояснение, прием-сравнение. Так как осуществление приема «объяснения» связано с воспроизведением определенного типа текста, можно сказать, что, обучая иностранного студента принципам построения пояснительного текста, преподаватель стимулирует формирование и развитие у него определенных умений и навыков, способствующих оптимизации процесса овладения русским языком.

На практическом занятии по русскому языку как иностранному преподаватель применяет умение «объяснения» как для передачи новых знаний обучающимся, так и с целью осуществления закрепления этих знаний, а также для проверки и оценивания их усвоения обучающимися. В связи с этим объяснение может рассматриваться уже не как метод, а как составляющая часть иных методов обучения русскому языку, что выявляет первостепенную важность умения объяснять. Исходя из этого объяснение, ориентированное на передачу новых знаний обучающимся, можно отнести к методам актуализации знаний в противоположность корректирующему методу, применяемому для организации выполнения тренировочных упражнений и закрепления новых знаний.

Объяснение может быть:

- 1) подготовленным (в случае, если преподаватель предварительно спланировал и надлежащим образом в соответствии с учебным планом сформулировал его);
- 2) не подготовленным (в случае, если оно было вызвано спонтанным вопросом иностранного студента).

Следует также отметить, что объяснение быть истолковано как логическая структура, элементы которой имеют логико-методические и логико-содержательные связи. Связи логико-методические предполагают, что с целью актуализации новых знаний на практических занятиях по русскому языку преподаватель учитывает всевозможные учебно-методические факторы. Связи логико-содержательные устанавливают:

- 1) положение определенной темы объяснения в системе тем одного порядка;
- 2) взаимосвязь определенной темы объяснения с большей по объему темой, рассматривающей объект объяснения в целом;
- 3) логико-содержательное единство определенной темы объяснения с включенными в нее подтемами;

4) выявление взаимосвязи между определенной темой объяснения и теми понятиями, посредством которых раскрывается ее содержание; эти взаимосвязи можно назвать отношениями между языком-объектом и метаязыком.

С позиции перспективы обучения иностранных студентов принципам построения текста первостепенную роль играют логико-содержательные связи пояснительного текста и, прежде всего, те связи, которые способствуют сохранению внутреннего единства подобного текста. К такого рода связям принадлежат связи между темой пояснительного текста и вербальными способами семантизации. Несомненным является тот факт, что обучение иностранных студентов на практических занятиях по русскому языку основным принципам построения текста будет плодотворным только в том случае, если оно будет базироваться на языковом материале учебников и учебных пособий, применяемым преподавателем на каждом занятии. Единицы языка-объекта и метаязыка пояснительных текстов, как правило, имеются в учебниках и учебных пособиях в количестве, приемлемом для достижения формирования и развития у иностранных студентов умений и навыков воспроизведения разнообразных типов текста.

Процесс освоения русской лексики иностранными студентами сопряжен с предварительным введением преподавателем нового лексического материала на практическом занятии. Введение новых слов, устойчивых словосочетаний или других лексических единиц языка сочетается с такой информацией об этих лексических единицах языка, которая предоставляет иностранному студенту возможность применять их в речевой деятельности. Как уже было сказано выше, процесс и результат передачи такой информации о слове называют семантизацией, которая «представляет собой процесс, частные приемы семантизации являются первым знакомством со словом, первым этапом семантизации» [3, с. 141].

Традиционная методика обучения русской лексике иностранных студентов «предполагает два основных этапа: семантизация лексических единиц и автоматизация лексических единиц. Семантизация рассматривается как процесс раскрытия значения иноязычных ... слов и их запоминание...» [5, с. 270].

Семантизация слова осуществляется:

- 1) посредством использования преимущественно способов наглядности;
- 2) посредством использования преимущественно вербальных способов.

Первый тип семантизации лексики некоторые методисты определяют как наглядную семантизацию, а второй тип – как объяснительную семантизацию [5]. Наглядная семантизация – это

способ объяснения значения новых слов посредством наглядности. Выделяют три вида наглядности: предметную (показывают предмет и называют его), изобразительную (показывают рисунок, схему и т.п.) и моторную (показывают действия и называют их) [6].

Объяснительная семантизация – это способ объяснения значения новых слов посредством устного толкования, пояснения. Объяснительную семантизацию можно отнести к разновидности дидактического объяснения. Способами объяснительной семантизации являются:

- 1) объяснение лексического значения слова с помощью перевода;
- 2) объяснение лексического значения слова с помощью синонимов;
- 3) объяснение лексического значения слова с помощью антонимов;
- 4) объяснение лексического значения слова с помощью словообразовательного анализа;
- 5) объяснение лексического значения слова с помощью контекста;
- 6) объяснение лексического значения слова с помощью толкования.

Все перечисленные способы объяснительной семантизации задействуют свой набор вербальных способов семантизации. Конечным результатом осуществления способов объяснительной семантизации выступает пояснительный текст. Пояснительный текст, как правило, является небольшим по объему и может состоять из одного-двух предложений. Тема пояснительного текста – слово, сематическое значение которого нужно актуализировать. Пояснительный текст в определенной ситуации может быть оценен с точки зрения способа передачи новых знаний и соотнесен с одним из типов текстов, описанных в методике преподавания русского языка как иностранного и рассмотренных выше. Исходя из этого можно сказать, что преподаватель, осуществляющий один из способов объяснительной семантизации на практическом занятии по русскому языку, вместе с тем применяет один их тех приемов, которые относятся к одним из методов объяснения невзирая на то, что понятия «способ объяснительной семантизации» и «метод объяснения» не являются эквивалентными.

Полнота и адекватность представляют собой первостепенные требования, предъявляемые к семантизации лексики. Ввиду этого в методике преподавания русского языка как иностранного рассматривают семантизацию полную и неполную, адекватную и неадекватную. Полная семантизация принимает во внимание все описания лексического значения слова, тогда как неполная семантизация принимает во внимание только одно или некоторые

из этих описаний. Адекватная семантизация устраняет лексические ошибки иностранного студента и предотвращает повторение этих ошибок в процессе последующего использования изученных слов в речевой деятельности. Неадекватная семантизация не имеет такого результата. В процессе первого знакомства с новыми словами не всегда имеется возможность добиться безусловной полной и адекватной семантизации. По этой причине представляется важным и необходимым выработать для применения на практических занятиях по русскому языку как иностранному критерии оценивания полноты и адекватности семантизации. Подобные критерии полноты / адекватности в равной степени с типом лексического значения слова оказываются одним из элементов, воздействующих на выбор вербальных способов семантизации в ходе воспроизведения пояснительного текста.

Обратим особое внимание на такой способ объяснительной семантизации, как объяснение лексического значения слова с помощью толкования в силу того, что этот способ является универсальным с точки зрения использования вербальных способов семантизации. Данный способ представляется целесообразным использовать как фундаментальный способ обучения иностранных студентов семантизации нового лексического материала на практических занятиях по русскому языку. Добиться плодотворности применения объяснительной семантизации возможно при условии, когда она выполняется на базе как продуктивных видов речевой деятельности (говорение и письмо), так и репродуктивных (чтение и аудирование). При этом иностранный студент должен опираться на тексты, разработанные и предоставленные ему преподавателем в качестве образца, и с помощью них самостоятельно конструировать подобные тексты, но с иным лексическим наполнением.

Для того, чтобы активизировать работу иностранного студента на практических занятиях по русскому языку, преподаватель может предложить ему осуществить актуальные для него задачи: овладеть навыками ведения спонтанного диалогического общения на заданную тему, например: культура, история, экономика, политика, быт как родной страны, так и страны изучаемого языка, то есть России. При этом иностранный студент должен использовать в качестве лексического материала слова, устойчивые словосочетания или другие лексические единицы, которые отражали бы культурные особенности родной страны и / или страны изучаемого языка. Такую задачу рекомендуется осуществлять постепенно.

Первоначально преподаватель дает иностранным студентам лексические единицы, отражающие культурные особенности страны изучаемого языка, объясняет их значение, организует выполнение тренировочных упражнений с целью актуализации приобретенных

вербальных способов семантизации в таком продуктивном виде речевой деятельности, как говорение. Впоследствии иностранные студенты получают задание на базе этих же вербальных способов самостоятельно, без помощи преподавателя, объяснить лексическое значение безэквивалентных слов иноязычного происхождения, отражающих культурные особенности их родной страны и имеющих лексическое значение, общее с ранее изученными словами, устойчивыми словосочетаниями и другими лексическими единицами, относящимися к стране изучаемого языка. Для дополнительной активизации продуктивной работы иностранного студента преподаватель может предложить ему присоединиться к различным внеаудиторным мероприятиям (например, посещение краеведческих музеев).

Учитывая все вышесказанное, представляется актуальным вопрос создания страноведческого словаря для преподавателя: учебного пособия, имеющего справочный характер и содержащего актуальные для настоящего времени слова, устойчивые словосочетания и другие лексические единицы, называющие реалии культурной, экономической, политической, общественной жизни тех стран, откуда прибывают студенты в Россию для получения образования.

Наряду с этим актуальными являются также такие общие вопросы методики преподавания русского языка как иностранного, как разработка специализированных учебных пособий с образцами пояснительных текстов; разработка учебных пособий, содержащих рекомендации по отбору и применению безэквивалентных слов иноязычного происхождения при изучении определенных тем; разработка учебных пособий, включающих в себя лексические материалы, необходимые для составления словаря безэквивалентных слов иноязычного происхождения; разработка дополнительных материалов для уже существующих учебных пособий: тренировочных упражнений, направленных на актуализацию как слов, отражающих культурные особенности страны изучаемого языка, так и безэквивалентных слов иноязычного происхождения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Евтушенко, С. Я. Текст как объект изучения (в аспекте русского языка как иностранного) / С. Я. Евтушенко. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2015. – № 16 (96). – С. 478-481. – URL: <https://moluch.ru/archive/96/21588/> (дата обращения: 09.05.2024).
2. Махмутов, М. И. Избранные труды: В 7 т. Т.4: Современный урок и педагогические технологии развития мышления / М. И. Махмутов. Сост. Д. М. Шакирова. – Казань : Магариф – Вакыт, 2016. – 375 с.

3. Слесарева, И. П. Проблемы описания и преподавания русской лексики: Учебное пособие. / И. П. Слесарева. – 3-е изд., испр. – М. : Книжный дом «Либроком», 2010. – 176 с.
4. Сохор, А. М. Логическая структура учебного материала [Текст] : Вопросы дидакт. анализа / Под ред. д-ра пед. наук, проф. М. А. Данилова. – Москва : Педагогика, 1974. – 192 с.
5. Пассов, Е. И. Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования: методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного / Е. И. Пассов, Н. Е. Кузовлева. – М. : Русский язык. Курсы, 2010. – 568 с.
6. Чеснокова, М. П. Методика преподавания русского языка как иностранного: учеб. пособие / М. П. Чеснокова. – 2 изд., перераб. – М. : МАДИ, 2015. – 132 с.

АННОТАЦИЯ

Долгая Е. А. Проблема семантизации лексического материала в методике преподавания русского языка как иностранного

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-77-84

В статье рассматриваются проблемы обоснования лингвометодических основ применения приемов семантизации лексического материала с целью оптимизации процесса обучения русскому языку иностранных студентов. Умение объяснять новый лексический материал интерпретируется и как метод преподавания, и как структура практического занятия, и как логическая структура, имеющая объяснительную функцию. Применение приемов семантизации активизирует у иностранных студентов развитие умений и навыков самостоятельно использовать лексико-семантические конструкции в речевой коммуникации.

Ключевые слова: методика преподавания, умение, объяснение, семантизация, лексический материал.

SUMMARY

Dolgaya E. A. The problem of Semanticizing Lexical Material in the Methodology of Teaching Russian as a Foreign Language

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-77-84

The article discusses the problems of substantiating the linguistic and methodological foundations of the use of methods of semanticizing lexical material in order to optimize the process of teaching Russian to foreign students. The ability to explain new lexical material is interpreted both as a teaching method, as a structure of practical training, and as a logical structure with an explanatory function. The use of semanticization techniques activates the development of foreign students' skills and abilities to independently use lexical and semantic constructions in speech communication.

Key words: teaching methods, skills, explanation, semantics, lexical material.

*Е. Н. Санченко,
(г. Луганск, РФ)*

*Е. В. Слюсарь
(г. Луганск, РФ)*

УДК 81'255.4'42:82-93

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-92-101

СМЫСЛОВОЕ РАЗВИТИЕ КАК ПРИЕМ ДОСТИЖЕНИЯ АДЕКВАТНОСТИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ДЕТСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Одной из основных задач переводчика на пути достижения адекватности перевода становится эффективное использование переводческих трансформаций, с помощью которых достигается точность передачи всей информации, содержащейся в тексте оригинала. Это является особенно актуальным в контексте перевода детской художественной литературы, так как она отличается от остальной художественной литературы не только огромным значением в плане образования, воспитания, формирования ребенка как личности и в целом совершенно другим адресатом, но также в первую очередь своим языком. Следовательно, перевод детской художественной литературы является очень трудозатратным процессом, не только в плане творческого подхода и необходимой языковой точности, но и в плане множества ограничений, установленных норм, предугадывания или же сложного осмысленного процесса подбора лексики для воспроизведения как прагматического потенциала, так и реализации всех функций (познавательной, воспитательной, коммуникативной, эстетической, гедонистической, риторической) присущих детской литературе. Поэтому все сложности, возникающие при переводе детской художественной литературы, приводят к отсутствию возможности перевода посредством прямых соответствий и вынуждают к постоянному использованию различных переводческих трансформаций, в особенности лексических.

Одной из важнейших лексических трансформаций является прием смыслового развития. Он изучался многими учеными такими как В.Н. Комиссаров, Л.С. Бархударов, А.Д. Швейцер и т.д. Несмотря на то, что обсуждения, касательно данного переводческого приема, ведутся уже давно, единого мнения даже касательно наименования все еще нет. В.Н. Комиссаров называет данный прием «модуляцией», Л.С. Бархударов же обозначает

его как «замена следствия причиной и наоборот», А.Д. Швейцер прибегает к названию «метонимическая трансформация». С.П. Романовой и А.П. Кораловой также рассматривали данную трансформацию в своих работах, под наименованием «логическое развитие». Мы же будем рассматривать данный переводческий прием на материале работ И.Я. Рецкера. Его вариантом обозначения стало «смысловое развитие». По нашему мнению, данное название является более уместным среди остальных, так как оно отображает собой не только свою суть, но и от части свою цель, самую главную причину использования данного переводческого приема – передача смысла.

Вне зависимости от того какие ученые какое наименование приема смыслового развития используют, суть этой переводческой трансформации остается прежней, что мы можем проследивать на основе того, что пишут сами ученые. Например, В.Н. Комиссаров дает следующее объяснение данному приему: «Модуляцией называется замена слова или словосочетания ИЯ единицей ПЯ, значение которой логически выводится из значения исходной единицы» [3, с. 177]. По его мнению, при использовании метода модуляции причинно-следственные отношения часто имеют более широкий характер, но логическая связь между двумя наименованиями всегда сохраняется.

А.Д. Швейцер же опирается на троп под названием «метонимия», состоящий в том, что вместо названия одного предмета дается название другого, находящегося с первым в отношении «ассоциации по смежности». Он также пишет следующее: «Именно эта ассоциация (т.е. отношения процесса и результата, материала и изделия, предметов, объединенных пространственными связями, – одно в другом, одно на другом и др.) наблюдается при метонимических трансформациях между исходной и конечной единицами» [7, с. 133]. Так же, как и у В.Н. Комиссарова у него можно проследить следующее утверждение, что одной из наиболее часто встречающихся является ассоциация, построенная на причинно-следственных отношениях. Среди множества метонимических трансформаций, выражающих причинно-следственные отношения, значительное место занимают те, в которых исходная и конечная формы объединены отношением «процесс – результат». При этом процесс и результат часто соотносятся друг с другом как действие и состояние. Признак же, выражаемый в английском языке связочным предикатом состояния нередко передается в переводе на русский язык с помощью глагольного предиката, означающего проявление этого признака. Метонимический сдвиг, лежащий в основе семантической трансформации, иногда строится на связи временных и пространственных отношений. Другой тип метонимической

трансформации основан на связи таких категорий, как место (пространство) и лицо, связанное с этим местом. В некоторых переводческих трансформациях прослеживается тот случай метонимии, в основе которого лежат отношения между предметом и веществом, из которого он состоит.

Л.С. Бархударов объясняет данный переводческий прием следующим образом: «В процессе перевода нередко имеют место лексические замены, основанные на причинно-следственных связях между понятиями. Так, слово или словосочетание ИЯ может заменяться при переводе словом или словосочетанием ПЯ, которое по логическим связям обозначает причину действия или состояния, обозначенного переводимой единицей ИЯ. Наблюдаются также случаи обратной замены – причины следствием» [1, с. 214].

С.П. Романовой и А.П. Кораловой, говоря о логическом развитии, дают следующее определение: «Логическое развитие – это такой вид переводческих трансформаций, при которых происходит замена одного понятия другим на основе их смежности или логической близости. При этом главная идея высказывания остается неизменной, т. к. понятия тесно связаны друг с другом» [6, с. 56]. Следует упомянуть, что, по их мнению, такого рода замены возможны и в рамках одного языка. Логическое развитие – это установление связей, перебрасывание своеобразного «смыслового мостика» между логически близкими понятиями. Связи эти могут быть самыми разными, но все их разнообразие можно свести к трем видам: 1) причинно-следственные; 2) метонимические (т.е. основанные на смежности понятий); 3) перефразистические (строющиеся на приеме перифразы). Использование такого рода замены нам объясняется тем, что если внутри одного языка мы пользуемся ими, чтобы с абсолютной точностью передать нужный смысловой нюанс или избежать повтора, то при межъязыковом перефразировании этот прием нередко является единственным возможным средством, позволяющим сохранить исходный смысл. Ведь нормы языка перевода, требования контекста, стилистические и социально-культурные факторы почти всегда препятствуют перенесению исходной формы выражения мысли в другой язык. Также акцентируется внимание на том, что, используя логическое развитие при переводе между оригиналом и переводом должна быть явная логическая связь, но не созданная в процессе перевода, а как бы подсказываемая самим языком.

Возвращаясь к обсуждению переводческого приема смыслового развития на основе работ И.Я. Рецкера мы можем заметить, что его концепция взаимосвязана абсолютно со всеми вышеперечисленными. Например, И.Я. Рецкер пишет следующее: «Прием смыслового развития заключается в замене словарного соответствия при

переводе контекстуальным, логически связанным с ним. Сюда относятся различные метафорические и метонимические замены, производимые на основе категории перекрещивания» [5, с. 51]. То есть как и все предыдущие приемы он основан на формально-логической категории, что в любом случае будет иметь контекстуальную подоплеку. При использовании такого вида трансформаций следует одновременно смотреть шире и учитывать все, что было упомянуто в исходящем тексте до нужного момента и подразумевать взаимосвязь с последующим материалом, при этом создавать логические связи, которые не нарушат норм и узуса переводящего языка, сохраняя прозрачность как смысла, так и переводчика, не препятствуя восприятию, что от части и подразумевает концепция адекватности перевода. Касательно категории перекрещивания следует привести в пример слова Горского: «Отношения перекрещивания имеют место, когда лишь часть объема одного понятия входит в объем другого понятия и, в свою очередь, часть объема второго понятия входит в объем первого понятия» [2, с. 50]. Данная информация не только дополняет понимание сути данной переводческой трансформации, но и конкретизирует ее неотъемлемые элементы, например, метонимию. А.Д. Швейцер уделил много внимания именно проявлению метонимического тропа в языке, на чем и основывал теорию метонимической трансформации при переводе. Согласно его работам существует огромное множество вариаций метонимических трансформаций, однако некоторые из них не следовало бы относить к сугубо лексическим, например, преобразование, основанное на переходе от признака к действию, где признак может являться предикатом состояния, переходящим при переводе в глагольный предикат, где понятия из исходящего и переводящего текстов, будучи сопоставленными между собой на одном языке имели бы общие основы, либо же корни, что приводит к абсолютной близости понятий. Это исключает элемент перекрещивания и логической подоплеку преобразования, которое основывается на различных суждениях, касательно одного и того же смыслового отрезка при переводе.

Несмотря на распространенное мнение, что данный переводческий прием можно встретить довольно редко, практический анализ переводов художественных произведений, в особенности детской литературы, говорит об обратном. Переводчикам также часто рекомендуют не отступать от оригинала и не злоупотреблять использованием переводческих трансформаций, чтобы вместо перевода не создать новое отдельное произведение. Это приводит к проблеме «притяжения конкретного слова» [4, с. 10], когда под влиянием семантической или синтаксической структуры оригинала переводчик, стремясь

достичь максимальной эквивалентности, не может «вырваться» из-под влияния иноязычного текста и создать узуальный эквивалент на переводящем языке. В этом случае эффективным методом решения проблемы оказывается рассмотрение ситуации с другого ракурса, что и позволяет нам сделать прием смыслового развития. Потребностью к прибеганию к данной переводческой трансформации могут стать совершенно различные переводческие нюансы. Это может быть уточнение смысла (особенно говоря о юном читателе с недостаточным кругозором), создание необходимой атмосферы, которая бы правильно передавала жанр и стилистику произведения или же обеспечивало привлечение внимания (что тоже важно для детей), передача культурной специфики и преодоление лексического барьера, а также элементарное соблюдение узуса переводящего языка. Все это непосредственно отражается на адекватности перевода. Изучая же выбранный нами материал исследования – англоязычное художественное произведение английского писателя Льюиса Кэрролла «Through the Looking-Glass, and What Alice Found There» («Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье») (1871) и его перевод на русский язык, выполненный Ниной Михайловной Демуровой, по совместительству с Самуилом Яковлевичем Маршаком, Диной Григорьевной Орловской и Ольгой Александровной Седаковой (1967), можно сделать вывод, что использование приема смыслового развития встречается довольно часто. Не смотря на витиеватость повествования, обязывающая к частому применению смежных к смысловому развитию по своей основе переводческих приемов, таких как целостное преобразование и компенсация, смысловое развитие встречалось не только часто, но и было разнообразным по своей структуре, говоря об элементах перекрещивания, что при этом помогло не только избежать смысловых потерь, но и сохранить адекватность перевода. Больше всего, как и ожидалось, было применено смысловых развитий в контексте перекрещивания между собой причины, процесса и следствия, при переводе глагольных сочетаний. Для общей картины можно обратиться к следующим примерам:

1) перекрещивание категорий причина – процесс – следствие при переводе глагольных сочетаний:

а) причина à процесс

'We gave you the opportunity of doing it,' the Red Queen remarked. – Мы долго ждали, пока ты догадаешься нас пригласить, – заметила Черная Королева.

По причине того, что королевами была дана возможность («*the opportunity*») этому следовал процесс их ожидания («*Мы долго ждали*»).

b) следствие à процесс

Alice wound two or three turns of the worsted round the kitten's neck, just to see how it would look: this led to a scramble, in which the ball rolled down upon the floor, and yards and yards of it got unwound again. – Тут Алиса намотала немножко шерсти Китти на шею – просто так, чтобы посмотреть, пойдет ли ей это; Китти стала вырываться – клубок скатился на пол и опять разматался.

В оригинале представлено следствие («this led to a scramble») процесса, которым мы можем наблюдать в переводе («Китти стала вырываться»). Вариантное соответствие «это привело к потасовке с котенком» звучит несуразно и тем самым не соответствует контексту.

c) процесс à следствие

'Why, it's a Looking-glass book, of course! And if I hold it up to a glass, the words will all go the right way again.' – Ну конечно, – воскликнула она, – это же Зазеркальная Книга! Если я поднесу ее к Зеркалу, я смогу ее прочитать.

В следствии того, что «Зазеркальная Книга» будет отражена в зеркале все слова будут иметь привычный для Алисы вид, что даст возможность с легкостью прочитать написанный текст.

d) процесс à причина

She turned over the leaves, to find some part that she could read. – Она надеялась, что сумеет прочитать в книге хоть одну страничку.

e) следствие à причина

'Oh, you wicked little thing!' cried Alice, catching up the kitten, and giving it a little kiss to make it understand that it was in disgrace. – Ах, Китти, до чего же ты противная! – сказала Алиса, поймав ее и легонько целуя в мордочку, для того, видно, чтобы она получше поняла, что хозяйка на нее сердится.

Вариантное соответствие «впасть в немилость» слишком громоздкое и не подходит контексту.

f) причина à следствие

Well, that square belongs to Tweedledum and Tweedledee. – Там ты повстречаешь Трудяля и Траляля...

2) перекрещивание категорий предмет – процесс (действие/состояние) – признак:

a) предмет à процесс

Hatta looked round and nodded, and went on with his bread and butter. – Болванс Чик оглянулся, кивнул и снова принялся жевать.

Вариантное соответствие «продолжил заниматься своим хлебом и маслом» не соответствует узусу переводящего языка.

b) признак à предмет

She was getting a little giddy with so much floating in the air, and was rather glad to find herself walking again in the natural way. – От полета у нее закружилась голова, и она рада была снова ступить на землю.

Вариантное соответствие «снова шла естественным способом» не соответствует узусу переводящего языка и нарушает восприятие.

с) процесс à предмет

'It's something very like learning geography,' thought Alice, as she stood on tiptoe in hopes of being able to see a little further. – Совсем как на уроке географии, – подумала Алиса, поднимаясь на цыпочки, чтобы заглянуть подальше.

d) предмет à признак

But that may be only pretence, just to make it look as if they had a fire. – Только это, верно, они нарочно – чтобы мы подумали, будто и у них в камине огонь.

е) процесс à признак

Sheep went on with her knitting all the while, just as if nothing had happened. – Овца же все это время стучала спицами как ни в чем не бывало.

f) признак à процесс

The Lion had joined them while this was going on: he looked very tired and sleepy, and his eyes were half shut. – В это время к ним подошел Лев – вид у него был усталый и сонный, глаза то и дело закрывались.

3) метафорические замены

Even real scented rushes, you know, last only a very little while – and these, being dream-rushes, melted away almost like snow. – Даже настоящие кувиинки держатся очень недолго, ну, а эти таяли как во сне.

Перевод «таяли как снег» был бы менее уместен, так как погода не сочеталась с подобным описанием, что могло исказить смысл. К тому же климат Великобритании отличается, там снег более редкое явление и лежит он в среднем не более семи дней, как из-за температуры, так и из-за влажности и дождей.

4) метонимия:

a) признак – действие

In another moment Alice was through the glass, and had jumped lightly down into the Looking-glass room. – Через миг Алиса прошла сквозь зеркало и легко прыгнула в Зазеркалье.

В оригинале в качестве признака выступает предикат состояния («*Alice was through the glass*»), который был заменен на действие – глагольный предикат («*Алиса прошла сквозь зеркало*»).

b) пространственная связь (одно в другом/на другом и т.д.)

Also they make their nests under sun-dials. – А гнезда они вьют в тени солнечных часов.

Вариантное соответствие слову «*under*» – «под». Данный предлог в русском языке имеет значение ниже чего-либо, снизу от чего-либо и в окрестностях, недалеко от какого-либо географического объекта. Его использование в переводе противоречило бы самой структуре солнечных часов и ввело юного читателя в заблуждение.

с) временная связь

But the beard seemed to melt away as she touched it, and she found herself sitting quietly under a tree – while the Gnat (for that was the insect she had been talking to) was balancing itself on a twig just over her head, and fanning her with its wings. – Не успела Алиса схватиться за нее, как борода словно растаяла в воздухе. Алиса оказалась под деревом, а над головой у нее на сучке устроился Комар (так вот кто был ее невидимым собеседником!) и обмахивал Алису крылышками.

Процесс («as she touched it») был заменен на процесс, который бы следовал предыдущему в вероятном будущем («Не успела Алиса схватиться за нее»).

d) время – пространство

‘Never mind what they all say, my dear, but take a return-ticket every time the train stops.’ – Не слушай их, детка! Просто на каждой остановке покупай по обратному билету!

e) место (пространство) – лицо

And as he generally did this on the side on which Alice was walking, she soon found that it was the best plan not to walk quite close to the horse. – Падал он, как правило, прямо на Алису – поэтому она вскоре решила не держаться слишком близко к Коню.

f) предмет (изделие) – вещество (материал)

‘If you think we’re wax-works,’ he said, ‘you ought to pay, you know. – Если ты думаешь, что мы из воска, выкладывай тогда денежки!

g) признак – пространство

Alice had no more breath for talking, so she trotted on in silence, till they came in sight of a great crowd, in the middle of which the Lion and Unicorn were fighting. They were in such a cloud of dust, that at first Alice could not make out which was which: but she soon managed to distinguish the Unicorn by his horn. – У Алисы от бега перехватило дыхание – она не могла в ответ сказать ни слова. Молча они побежали дальше, пока не увидели, наконец, огромную толпу, окружившую Льва и Единорога, которые бились так, что пыль стояла столбом... Поначалу Алиса никак не могла разобрать, где Лев, а где Единорог, но, наконец, узнала Единорога по торчащему вперед рогу.

Дословный перевод «в центре толпы» был бы некорректен в связи с тем, что Лев и Единорог дрались, что подразумевает, что между ними и толпой было некое пространство, а, следовательно, для правильной передачи смысла то, что толпа их окружила является более подходящим вариантом.

Данные примеры демонстрируют не только разнообразие применения приема смыслового развития, но и его распространенность. Таким образом, смысловое развитие вносит огромный вклад ив переводоведение, как прием достижения

адекватности при переводе художественной литературы, в том числе детской, и в сфере международной коммуникации в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бархударов, Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. – М. : Международные отношения, 1975. – 240 с.
2. Горский, Д. П. Логика : учеб. пособ. для пед. институтов / Д. П. Горский. – М. : Институт философии Академии наук СССР. Учпедгиз, 1958. – 280 с.
3. Комиссаров, В.Н. Современное переводоведение : учеб. пособ. / В.Н. Комиссаров. – М. : ЭТС, 2001. – 408 с.
4. Палажченко, П. Р. Мой несистематический словарь. Из записной книжки переводчика: русско-английский, англо-русский : в 2-х т. Т. 2. / П. Р. Палажченко. – М. : Р. Валент, 2017. – 248 с.
5. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Я. И. Рецкер. – доп. и коммент. Д. И. Ермоловича. – 3-е изд., стереотип. – М. : Р. Валент, 2007. – 244 с.
6. Романова, С. П. Пособие по переводу с английского на русский / С. П. Романова, А. Л. Коралова. – 3-е изд. – М. : КДУ, 2007. – 176 с.
7. Швейцер, А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А. Д. Швейцер – отв. ред. В. Н. Ярцева, АН СССР, Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1988. – 214 с.

АННОТАЦИЯ

Санченко Е. Н., Слюсарь Е. В. Смысловое развитие как прием достижения адекватности при переводе детской художественной литературы

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-92-101

В статье авторы дают обобщенную характеристику понятию смыслового развития. Рассмотрено одно из главных условий достижения адекватности при переводе детской художественной литературы – использование переводческого приема смыслового развития посредством трансформации элементов исходящего текста в элементы, воспроизводящие равноценную сему в переводящем и имеющие логические обоснования.

Ключевые слова: смысловое развитие, перевод, трансформации, художественная литература, детская литература.

SUMMARY

Sanchenko E. N., Slyusar E. V. Modulation as a Technique for Achieving Adequacy in the Translation of Children's Literature

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-92-101

In the article the authors give a generalised characteristic of the concept of modulation. The article considers one of the main conditions for achieving adequacy in the translation of children's literature – the use of the translation transformation of modulation through the transformation of elements of the source text into elements that reproduce the equivalent sense in the target text and have logical justifications.

Key words: modulation, translation, transformations, fiction, children's literature.

*T. B. Саных,
(г. Оренбург, РФ)
В.А. Семенихин
(г. Оренбург, РФ)*

УДК 81.25

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-101-107

ОСОБЕННОСТИ СУБТИТРИРОВАННОГО ПЕРЕВОДА НА ПРИМЕРЕ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ФИЛЬМА «SOCIAL ANXIETY DOCUMENTARY: AFRAID OF PEOPLE»

Одной из особенностей аудиовизуального перевода является способ получения информации реципиентом, а именно через акустический и визуальные каналы, что часто осложняет задачу переводчику, поскольку данного рода деятельность требует определенный набор качеств и навыков, необходимых для достижения результата. Главной особенностью аудиовизуального перевода является учет культурных аспектов как текстов, так и аудиозаписей при переводе, поскольку они переводятся точно для интерпретации и сохраняют тон оригинала, а также адаптируются к культуре языка перевода.

Хорхе Диас-Синтас определяет аудиовизуальный перевод как «перевод материалов, в которых вербальная сфера дополняется элементами из других каналов коммуникации» [4, с.197]. А.В. Козуляев понимает аудиовизуальный перевод как «создание нового полисемантического единства на языке реципиента на основе единства, существовавшего на исходном языке, причем таким образом, чтобы новое полисемантическое единство стало элементом культуры языка реципиента и не было ему чуждо» [2, с.374]. Кинематограф представляет собой особый коммуникативный

процесс, который подвергается только кодом, из чего, впоследствии, сформировалось уже новое понятие, а именно – поликодовый текст, который Е. Е. Анисимова определяет как «текст, в котором сообщение закодировано семиотически разнородными средствами – вербальным и невербальным компонентами, объединение которых представляет собой определенную структуру, характеризующуюся проявлением взаимозависимости составляющих как в содержательном, так и в формальном аспектах» [1, с.128].

Субтитрование, как один из видов АВП – это, в первую очередь, наиболее популярный из способов аудиовизуального перевода, поскольку требует меньших затрат в экономическом и временном аспекте. Субтитрование связано с зарождением киноиндустрии: на тот момент, когда стали появляться первые кинофильмы, перевод осуществлялся на межсемиотическом уровне, а именно путем интерпретации вербальных знаков посредством знаков других знаковых систем. Перевод того времени кардинально отличался технически от того, какие способы и методы для перевода мы используем на сегодняшний день: переводу поддавались лишь определенные моменты, которые влияли на сюжетную линию фильма, некоторые пояснения и конкретизация жестов, мимики и т.д.

Перевод методом субтитрования является одним из видов аудиовизуального перевода, выделенных А.В. Козуляевым, наряду с переводом для закадрового озвучивания (voice-over), переводом сериалов, детских, анимационных произведений и игр, переводом под полный дубляж (lip-synq) и переводом для трехмерного субтитрования. Говоря о месте перевода методом субтитрования, немецкий исследователь Х. Готтлиб определяет данный вид перевода как диагональный, при котором устная речь превращается в письменную. Другие виды перевода, по его мнению, являются горизонтальными: семиотика при переводе остается прежней.

При осуществлении субтитрования переводчик должен учитывать следующие правила:

- чаще всего субтитры находятся внизу кадра; исключением служат японские, китайские и корейские субтитры, наличие которых обычно сбоку экрана;
- стандартный набор символов в одной строке не может превышать 40, но, чаще всего, это зависит от программы, которая используется при создании субтитров;
- наиболее распространенный двухстрочный субтитр из 14-16 слов может находиться на экране не более 6 секунд, чтобы избежать ситуаций, когда приходится в ожидании последующего перечитывать несколько раз.

– эмоционально окрашенная лексика должна быть отображена на экране графически (например, курсивом); также не стоит забывать об использовании пунктуационных знаков.

Как мы знаем, соблюдения ограничений знаков не всегда возможно; по этой причине наличие письменного текста на фоне аудиовизуального ряда способно обозначить некоторые трудности интерференции, так как во время просмотра фильма восприятие звуков опережает способность прочтения. Чаще всего с такой проблемой сталкиваются при просмотре материалов (фильмов), которые несут большую информационную нагрузку, к примеру, фильмы документальные, научные, полноформатные лекции и т.д.

Документальный фильм «Social Anxiety Documentary: Afraid of People» рассказывает историю жизни Пэм, Джеймса и Криса, которые страдают от социального тревожного расстройства, третьего по распространенности психического расстройства в Соединенных Штатах. Социальная тревожность – это тип тревожности (эмоциональный дискомфорт, страх, дурные предчувствия или беспокойство) по поводу социальных ситуаций, взаимодействия с другими людьми и того, как внешние факторы способны повлиять на восприятие мира. Разница между социальной тревожностью и нормальным восприятием социальных ситуаций заключается в том, что социальная тревожность включает в себя сильное чувство страха взаимодействия с людьми. Чувство страха настолько сковывает личность, что в подобных ситуациях волнение переходит в тревогу при одной мысли о взаимодействии с кем-либо извне. Герои этого фильма делятся своим личным опытом и своими попытками преодолеть это изнурительное заболевание. Их борьба и победы показывают, что при наличии решимости, мужества, терпения и надлежащего лечения социальное тревожное расстройство можно преодолеть. Цель этого документального фильма – объяснить социальное тревожное расстройство как тяжелое заболевание, дать представление о подходящих вариантах лечения, а также дестигматизировать психические заболевания и способствовать осознанию того, что те, кто страдает от психических заболеваний, не одиноки. Фильм был спродюсирован и снят Терри Рэндаллом и выпущен впервые в 2002 году в США, но интерес публики к работе Рэндалла случился лишь после того, как фильм был опубликован на видеохостинге YouTube в 2011 году. Субтитрированный перевод был осуществлен в программе для субтитрирования Subtitle Edit.

Помимо своей жанровой особенности перевод фильма также осложнен тем фактом, что в нем рассказывают о людях с таким психическим расстройством как социофобия, что относит его также и к медицинскому переводу. Как мы знаем, одной из главных особенностей перевода в сфере медицины являются всякого рода

обозначения, сокращения и различные варианты аббревиатур. Понимание и распознавание той или иной аббревиатуры часто становится затруднительным, поскольку специфика медицинского перевода заключается в точной передаче заложенной в термин или аббревиатуру информации, которая не допускает привычных для переводчика трансформаций по типу синонимичного перевода, либо лексических замен. При переводе медицинских терминов переводчик чаще всего использует такие трансформации как транслитерация, транскрибирование, либо замена на имеющийся в языке эквивалент. Переводчику требуется немалый пласт собственных эмпирических знаний, полученных ранее, обращение к многочисленным словарям не только отечественным, но и зарубежным (поскольку толкование того или иного понятия может разниться в зависимости от словаря), чтобы в результате получить качественный адекватный перевод.

Учитывая эти факторы, при работе над переводом и созданием субтитров для данного фильма мы определили для себя четкие критерии, при которых мы сможем достичь успешного перевода. Вот некоторые примеры трансформаций, использованных нами при переводе:

1) *“Barb knows social anxiety as a psychologist and as a patient” - Барбара знакома с данным заболеванием не только как психолог, но и как пациент.*

В данном случае при переводе мы использовали прием генерализации, так как термин социофобия употребляется довольно часто на протяжении всего фильма и с целью избежать постоянных повторов, мы перевели его общим словом – заболевание.

“She lectures on the importance of self-acceptance in overcoming anxiety as she struggles to find that acceptance within herself” - В борьбе принятия себя, Барбара читает лекции на данную тему.

При переводе данного предложения мы использовали изменение порядка слов; это было использовано с целью подчеркнуть, в первую очередь, тот факт, что сама героиня фильма столкнулась с данным заболеванием. Так же была использована конкретизация, а именно, мы заменили личное местоимение на имя героини. В данном предложении мы так же использовали прием опущения - *overcoming anxiety*; это было сделано с целью разнообразить текст, избегая бесконечных повторов, так как в фильме название заболевания используется довольно часто, но зритель уже понимает и знает, о чем идет речь, поскольку мы назвали данное заболевание в начале фильма и часто повторяем его в дальнейшем.

2) *“I’m a psychologist. I should be able to have myself more together just feeling like that somehow that’s not cool, you know that but you know I’m sure doctors get sick and have to go to doctors and get antibiotics so why wouldn’t psychologists have mental health problems*

too” - Как психолог, я должна уметь вовремя взять себя в руки; врачи обращаются к другим врачам и принимают лекарства, так почему же психолог не может обратиться к другому психологу?

В данном случае, в первую очередь, мы использовали прием объединения предложений. Так же мы прибегнули к приему опущения, а именно убрали при переводе такие словосочетания как “just feeling like that somehow that’s not cool”, “you know”, которые не несут особой смысловой нагрузки. Путем генерализации, мы заменили лексему “антибиотики” на “лекарства”. Из контекста мы знаем, что сама героиня страдает от данного заболевания, поэтому при переводе мы использовали прием добавления, а именно слово “вовремя”; это было сделано с целью показать профессионализм героини, несмотря на личные трудности в борьбе с социофобией. Чтобы избежать повторов, путем переосмысления и лексических замен мы трансформировали фразу “psychologists have mental health problems too” в “психолог к другому психологу”.

3) “One of the hardest things for someone with social anxiety to do is get up in front of an audience” – Выступление перед аудиторией - самый большой страх для людей с социофобией.

В данном случае, мы в очередной раз прибегнули к изменению порядка слов в предложении; путем конкретизации мы перевели “one of the hardest things” как “самый большой страх”. Используя конверсию при переводе, мы заменили глагол “get up” на существительное “выступление”.

4) “We certainly know that it runs in families. So that people who have first-degree relatives, parents for example who have the illness are more likely to get it than other people. But that only explains a part of the reason people get it.” - Как мы знаем, заболевание передается по наследству; у вас больше шансов заболеть социофобией, если ваши близкие родственники, к примеру, родители, имеют данное заболевание, но это лишь одна из причин.

С помощью приема объединения предложений, мы создали целостное предложение, сохранив при этом причинно-следственную связь. Так же мы применили прием опущения, а именно словосочетание “people get it”, так как из контекста ты понимаем, что речь идет о конкретном заболевании и нет необходимости упоминать это при переводе вновь.

5) “Of all the adults for adolescents that a psychiatrist would say have social anxiety or social phobia some acquired it they didn’t have any special temperamental or genetic bias but some did.” – По мнению психиатра, среди тех, кто страдает социофобией, есть доля тех, у кого заболевание приобретенное и те, кто генетически был к этому предрасположен. В – данном примере мы использовали изменение порядка слов в предложении с целью упрощения. Также применили

прием генерализации, а именно заменили выражение “подростки и взрослые” на “тех”.

Таким образом мы выяснили, что аудиовизуальный перевод представляет собой совершенно особый вид перевода, при осуществлении которого от переводчика требуется комплекс знаний и умений, необходимых для создания адекватного перевода. При создании субтитрованного перевода мы использовали большое количество трансформаций; это объясняется, в первую очередь, спецификой выбранного жанра фильма, а именно документальное кино, а также особенностями требований к субтитрам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова, Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): учеб. пособие. – М. : Академия, 2003. – 128 с.
2. Козуляев, А.В. Аудиовизуальный полисемантический перевод как особая форма переводческой деятельности // XVII Царскосельские чтения : материалы междунар. науч. конф. : в 4 т. – Т. I. – СПб., 2013. – С. 374–381.
3. Gambier, Y., Gottlieb, H. (2001). Multimedia, Multilingua: Multiple Challenges. Y. Gambier & H. Gottlieb (eds.) (Multi)media translation: concepts, practices, and research (pp. vii–xx). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. – 298 p.
4. Diaz Cintas, J. (2009). Audiovisual Translation: language transfer on screen. – Basingstoke [England] ; New York : Palgrave Macmillan, 2009. – 256 p.

АННОТАЦИЯ

Сапух Т.В., Семенихин В.А. Особенности субтитрованного перевода на примере документального фильма «Social anxiety documentary: afraid of people»

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-101-107

В данной статье рассматриваются особенности субтитрованного перевода, требования, которые следует соблюдать переводчику при выполнении данного вида перевода. Были выявлены стратегии перевода, необходимые для осуществления аудиовизуального перевода. На примере документального фильма «Social Anxiety Documentary: Afraid of People» были рассмотрены и проанализированы переводческие трансформации, которые использовались в процессе субтитрованного перевода.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод, субтитрованный перевод, документальный фильм, субтитрование, переводческие трансформации.

SUMMARY

Sapukh T. V., Semenikhin V.A. Features of the Subtitled Translation Based on the Example of the Documentary “Social Anxiety Documentary: Afraid of People”

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-101-107

This article discusses the features of subtitled translation, the requirements that a translator should follow when performing this type of translation. The translation strategies necessary for the implementation of audiovisual translation have been identified. Using the example of the documentary “Social Anxiety Documentary: Afraid of People”, the translation transformations that were used in the process of subtitled translation were considered and analyzed.

Key words: audio-visual translation, subtitled translation, documentary, subtitling, translation transformations.

*И. С. Святобаченко
(г. Горловка, РФ)*

УДК 81'42

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-107-114

ОТОБРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ СУБЪЕКТА В НОВОСТНЫХ ЗАГОЛОВКАХ «ЯНДЕКС.ДЗЕН»

Роль средств массовой информации в современном мире сложно переоценить: именно они часто определяют то, о чём и в каком свете будет узнавать общество. Особенно оперативны в плане подачи и обновления информации электронные СМИ, ведь процесс создания, утверждения и публикации материала происходит гораздо быстрее, причём с возможностью последующего её обновления и дополнения. Кроме того, публикация новости в электронном ресурсе позволяет создать сеть подзаголовков, связанных с основной новостью, дающих возможность мгновенно перейти на сторонние ресурсы, и таким образом получить значительный массив информации за короткий промежуток времени. В то же время возможность отсылки ко сторонним источникам позволяет легко регулировать круг «необходимых» ресурсов для формирования нужной автору или издательству точки зрения. Заголовки в интернет-изданиях – первое, что привлекает и увлекает читателя.

Для исследования нами была выбрана новостная лента «Яндекс. Дзен» (вкладка «Главное»): общее количество исследованных единиц – 163 новостных заголовка, полученных методом сплошной выборки в период с января 2024 г. по май 2024 г. Такой выбор объясняется тем, что эта контентная платформа является

встроенной в браузер «Яндекс», мобильное приложение и главную страницу «Яндекс». Названная поисковая система является одной из самых популярных, соответственно охват аудитории платформы «Яндекс.Дзен» достаточно обширный. Кроме того, структурные и технические особенности исследуемой платформы таковы, что читатель может судить о новости только по заголовку (подзаголовки и сопровождающие медиаматериалы на стартовой странице во вкладке «Главное» не предусмотрены, единственные графические объекты – логотипы источников-ресурсов и (в некоторых случаях) пометка «молния» – для обозначения свежей новости, обновляющейся и дополняющейся онлайн), вследствие чего новостные заголовки становятся максимально функционально нагруженными. В частности, такие функции заголовка, как аттрактивная и суггестивная в этом случае реализуются исключительно посредством планов содержания и выражения заголовка, в том числе и через специфическое отображение категории субъекта.

Следует отметить, что категория субъекта в современном языкознании трактуется по-разному, в зависимости от отрасли лингвистики, в которой применяется это понятие и, следовательно, аспектов, определяемых этими отраслями как доминирующих при рассмотрении различных языковых и речевых явлений. Так, на сегодняшний день языковедами используются такие термины, как логический субъект, семантический субъект, грамматический субъект, коммуникативный субъект, психологический субъект и т.д. Несмотря на наличие общего компонента «субъект», во всех этих концепциях заложены несколько разные смыслы, опирающиеся на лингвистические и экстралингвистические факторы, а все эти виды субъектов в предложении /высказывании / суждении могут как совпадать в одном слове, демонстрировать определённые тенденции в планах содержания и выражения, так и быть репрезентированы различными единицами и их формами.

Так, в «Большом энциклопедическом словаре» понятие «субъект» соотносится, в первую очередь, с логическими категориями и определяется как «...предмет, о котором выносятся суждения» [1, с. 497 – 498]. В этом понимании субъектом может быть как собственно объект действительности, так и суждение о нём. В таком случае размывается граница между объектом и субъектом как таковыми, а деятельностный компонент, который определяет различие между этими двумя категориями при рассмотрении их функционального аспекта, нивелируется.

В грамматической традиции под субъектом понимают один из компонентов основы предложения – подлежащее (Т. Жеребило, Д. Розенталь, М. Теленкова и др.): «Субъект [лат. *subjectum* подлежащее]. 1) Логическое подлежащее; 2) подлежащее как

один из главных членов предложения» [3, с. 380]. Однако и в этом случае значение категории субъекта предложения может несколько отличаться от традиционной трактовки этого понятия в общенаучной парадигме (например, в предложениях, в которых подлежащее не выполняет активных действий, поддаётся воздействию, в конструкциях типа: *Задание выполнено вовремя*). Грамматическая категория субъекта, таким образом, пересекается с логической её трактовкой в том, что субъектом является некий отрезок действительности, но тогда суждение о нём уже будет относиться не к субъекту, а к предикату предложения (в его широком понимании).

Под смысловым субъектом понимается тот объект действительности, который производит действие либо пребывает в определённом состоянии. В этом случае грамматический признак подлежащего как одного из главных компонентов предложения (именительный падеж) не обязателен, однако смысловой субъект коррелирует с понятиями логического субъекта и темы высказывания как компонента коммуникативной структуры предложения.

М. Бородина, говоря о категории субъекта в языкознании, упоминает такое понятие, как «субъектно-предикатная структура», называя её строением предложения на концептуальном уровне. Согласно этой теории, субъект – это некий элемент, «несущий идею речи» [2, с. 6]; следовательно, это то, о чём сообщается некая информация в предложении.

Кроме того, категория субъекта упоминается и в теории речевого акта, однако в этом случае говорим о субъекте речи, т.е. о том, кто продуцирует высказывание. Здесь важно отметить наличие таких понятий, как субъект речевого действия и субъект речевого воздействия (Г. Солганик называет эту категорию «производитель речи»), поскольку, учитывая специфику исследуемого нами материала (источник – средства массовой информации, новостная лента «Яндекс.Дзен», единицы – новостные заголовки) эти компоненты могут быть взаимообусловлены, однако не всегда идентичны.

При анализе отобранного материала определяющим явился момент разграничения субъектов в соответствии с аспектом их рассмотрения, а также роли как непосредственно в коммуникативном акте (в нашем случае – в формировании и прочтении новостного заголовка), так и в объективной действительности. Так, различаем языковой и речевой субъекты. Языковой субъект соотносится с грамматикой предложения. Этот тип субъекта может быть представлен субстанциальной словоформой в именительном падеже, агенсом залоговой конструкции, проявляться в одушевлённости субстантива и т.д. [4, с. 22]. Субъект речи – адресант речи, тот, кто сообщает информацию. Таким образом, языковой субъект и субъект речи могут как совпадать (в единицах типа *Я сегодня*

наслаждаюсь природой), так и быть представлены различными единицами (например, в предложениях с прямой речью типа: *Николай сказал: «Пётр больше так опрометчиво не поступает»*, где *Николай* – субъект речи, а *Пётр* – языковой субъект), при этом языковой субъект может быть имплицитным (например, в неполных или односоставных предложениях типа: *Уже погасили все огни*), встречаются также случаи имплицитных и речевого, и языкового субъектов (в предложениях типа: *Говорят: сказано – сделано*).

Отображение субъекта речи в новостном заголовке – один из способов речевого воздействия на реципиента информации. Чем более известным и авторитетным является адресант сообщения, тем больше вероятность доверия к нему аудитории. Следовательно, то, будет ли указан субъект речи в новостном заголовке и как он будет представлен, определяется субъектом речевого воздействия (составителями новостных заголовков и редакцией новостной платформы). Как видим, в случае с исследованием новостных заголовков следует различать 3 категории субъектов: субъект речевого воздействия (в новостных заголовках он не отображается, однако является определяющим фактором плана выражения информации), субъект речи (в новостных заголовках – источник информации, причём это может быть как физическое лицо, так и коллегиальный орган) и языковой субъект (то, о чём сообщается в заголовке, исполнитель того, о чём говорится, пребывающий в оппозиции к объекту действия). Можем говорить о том, что субъект воздействия также является субъектом речи, поскольку продуцирует заголовок, однако субъект речи непосредственно в заголовке (источник информации) и субъект речи как автор новостного заголовка – всё же явления разного порядка: перед автором заголовка, в первую очередь, стоит задача привлечения внимания и формирования мнения (поэтому и говорим о субъекте речевого воздействия), в то время как речевой и языковой субъекты непосредственно в заголовке являются фрагментом отображаемой картины мира, представляющим другой отрезок пространства и времени.

Построение формальной стороны заголовка детерминировано субъектами в такой их иерархической последовательности: субъект речевого воздействия, определяющий то, о чём будет сказано, будет ли указан субъект речи – субъект речи, сообщающий некую информацию – субъект, связанный с определёнными событиями, описываемыми в заголовке (языковой субъект). Отметим, что содержательная сторона заголовка формируется в обратном порядке: субъект и действия объективной реальности (в заголовке это языковой субъект) – субъект речи, сообщающий о событии – субъект речевого воздействия, адаптирующий предыдущие две

составляющие в соответствии с намеченными коммуникативными задачами и целью речевого воздействия.

Вследствие видовой и жанровой особенностей новостных заголовков в них нет формальных показателей субъективности, как то: экспрессивные слова, оценка действий и лиц. В то же время субъективность может быть связана с экстралингвистическими факторами (отбором информации, её источников), а также с тем, как будет представлен источник информации и непосредственно информация с точки зрения концептуальных и смысловых доминант. Кроме того, субъект речи в новостных заголовках является носителем определённых социальных, этических и идеологических смыслов.

В то же время, если в других типах публицистических текстов субъект речевого воздействия и субъект речи нередко являются одним и тем же лицом, в новостных заголовках это категории, связанные с различными исполнителями. Во-первых, это обусловлено направленностью исследуемого нами текстового массива, во-вторых – особенностями заголовка как специфической по своей структуре и задачам единицы.

Весь исследованный нами материал можно разделить на 2 группы:

1) новостные заголовки, не содержащие указание на субъект речи, однако содержащие эксплицитный языковой субъект – 119 единиц (73 % от общего количества исследованного материала): *Даванков внёс в Госдуму законопроект о продлении майских праздников в регионах* (26.02.2024) – Даванков – языковой субъект;

2) новостные заголовки, содержащие указание на субъект речи – 44 единицы (27 %): *Минобороны: началась подготовка к учениям с соединениями ЮФО, а также сил ВМФ* (06.05.2024) – Минобороны – субъект речи, источник информации; *подготовка к учениям* – языковой субъект. Обращает на себя внимание тот факт, что в такого типа заголовках нивелированы правила оформления цитирования. По нашему мнению, такой приём даёт возможность обратить внимание читателя более на содержание, нежели на формальную сторону такой единицы. Кроме того, компрессируется информация, за счёт чего повышается её экспрессивность.

Исследованные нами единицы в полной мере соответствуют высказыванию М. Шостак о формировании современных заголовков: «...вообще наступило время «авторской свободы»: в заголовки пошли цифры, аббревиатуры, имена собственные, разговорные слова и сленг, фрагменты на английском» [9, с. 10]. Действительно, в новостных заголовках часто встречаются аббревиатуры, сложносокращённые слова, слова, написанные латиницей, причём прослеживается такая тенденция: наиболее известные и общепринятые аббревиатуры и сокращения, типа *РФ, СССР, РБ, СИЗО, НАТО, СВО, Минфин* и т.п.

могут быть отображениями не только субъекта, но и объекта, пациенса, и даже инструмента и т.д.: *Кабмин поддержал законопроект о запрете увольнения вдов участников СВО* (29.01.2024). В то же время, малоизвестные либо известные ограниченному кругу аббревиатуры и сложносокращённые слова чаще всего называют субъект речи: *МИМ: Россия захватила наиболее мощный танк Leopard 2 из переданных ВСУ* (22.04.2024) (*МММ* – Military Watch Magazine – прим.). Считаем, что это обусловлено спецификой отбора и декодирования информации реципиентом: читатели, интересующиеся определённой темой или сферой, знакомы со значением таких сокращений – соответственно, могут быстро распознать интересующую их информацию. Употребление же общеизвестных аббревиатур и сокращений позволяет, с одной стороны, сделать заголовок лаконичным, с другой – требует наличия определённых общих социальных и культурных фоновых знаний, что на уровне подсознания задействует механизм разграничения «свой – чужой» и, таким образом, в определённой степени способствует установлению контакта субъекта воздействия с читателем.

Во всех единицах 2 типа заголовков категория субъекта речи содержит имена собственные: *Песков: Киев не просил передать тела погибших при крушении Ил-76* (02.02.2024). Отметим тот факт, что в заголовках такого типа новостной ленты «Яндекс.Дзен» в случае упоминания известных лиц не указываются имена, должности, а в случае названий изданий, организаций и т.д. – родо-видовые и номенклатурные характеристики: *«Ведомости»: ФНС штрафует за получение арендных платежей на иностранные счета* (29.01.24). В то же время персоналии, не столь широко известные, называются с данными, необходимыми для адекватного декодирования заголовка: *Конгрессмен Джеффрис: США вмешиваются в конфликт при поражении Украины* (06.05.2024).

Денотативно ориентированные слова (в частности, собственные имена) в позиции субъекта речи имплицитно передают гораздо более широкую информацию, поскольку предполагают определённые ассоциации и фоновые знания, которые, при успешной коммуникации, дополняют данные, сообщаемые в заголовке. Таким образом, информация поддаётся двойной компрессии: как таковая, которая репрезентирована заголовком и представляет свёрнутое содержание новости, и как таковая, которая содержит импликацию информации, владение которой предполагается у носителя определённой языковой картины мира. Отметим, что данные, необходимые для дешифровки, входят именно в языковую картину мира, поскольку эффективность получения такой информации напрямую связана с её системностью.

В отличие от субъекта речи, представленного в исследованных новостных заголовках только в части случаев, языковой субъект

в отобранных единицах эксплицирован практически всегда и выполняет роль подлежащего: *Суд в Китае вынес австралийскому писателю смертный приговор условно за шпионаж* (05.02.2024). Такое распределение функционально-грамматической нагрузки является наиболее привычным и легким для восприятия, что, в свою очередь, с одной стороны, упрощает процесс отбора информации, с другой – обеспечивает высокий уровень её понимания.

Однако выявлены и единичные случаи отсутствия формально выраженного языкового субъекта: *В суд Крыма передали дело о гибели журналистки Светланы Бабаевой* (17.04.2024). По нашему мнению, такие заголовки отображают новости о событиях или действиях, связанных либо с широкой группой лиц-субъектов, либо с деятелями, не известными общественности, из-за чего их непосредственное упоминание может лишь усложнить процесс восприятия и актуализации заголовка.

Кроме того, в числе исследованного нами материала есть единицы, в которых субъект речи и языковой субъект совпадают. Это прослеживается в заголовках, содержащих глаголы семантики говорения: *Путин призвал наказать всех причастных к теракту в «Крокус»* (24.04.2024) – субъект речи и языковой субъект совпадают (*Путин*).

Таким образом, категория субъекта реализуется в новостных заголовках «Яндекс.Дзен» в двух ипостасях и может быть отображена несколькими способами:

- разделением категорий субъекта речи и языкового субъекта (в том числе, графическим – двоеточием) в пределах новостного заголовка;
- совпадением субъекта речи и языкового субъекта и помещением его в позицию подлежащего;
- в редких случаях – импликацией субъекта, что обусловлено спецификой внеязыковой ситуации и особенностями её отображения в новостном заголовке.

Кроме того, возможно проследить морфолого-синтаксические и семантические тенденции отображения категории субъекта в новостных заголовках, что и представляет перспективы нашего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н. Д. Субъект / Н. Д. Арутюнова // Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл.ред. В. Н. Ярцева. – М. : Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 1998. – С. 497 – 498.
2. Бородина, М. А. Категории субъекта и объекта в романских языках / М. А. Бородина, Л. М. Скрелина // Категория субъекта

- и объекта в языках различных типов : сб. статей. – Л. : Наука, 1982. – С. 4 – 23.
3. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань : ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
 4. Иосилевич, Н. В. Языковой субъект, речевой субъект и эго-категория / Н. В. Иосилевич // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – 2011. – № 6. – С. 21 – 24.
 5. Матвеева, Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов н /Д : Феникс, 2010. – С. 468.
 6. Розенталь, Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов : Пособие для учителя / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Просвещение, 1985. – 399 с.
 7. Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая Российская энциклопедия ; Дрофа, 1997. – 721 с.
 8. Солганик, Г. Я. О структуре речи (категории производителя и субъекта речи) / Г. Я. Солганик // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 2014. – № 4. – С. 90 – 100.
 9. Шостак, М. А. Сочиняем заголовки / М. А. Шостак // Журналист. – 1998. – № 3. – С. 9 – 14.

АННОТАЦИЯ

Святобаченко И. С. Отображение категории субъекта в новостных заголовках «Яндекс.Дзен»

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-107-114

Статья посвящена исследованию особенностей отображения категории субъекта, её типам и способам реализации в новостных заголовках платформы «Яндекс.Дзен». В частности, разграничиваются понятия субъекта речи и языкового субъекта, прослеживается их корреляция, а также рассматривается специфика плана выражения этих категорий в анализируемых единицах.

Ключевые слова: субъект речи, языковой субъект, новостной заголовок.

SUMMARY

Svyatobachenko I. S. Subject Presentation in the News Titles on “Yandex.Dzen”

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-107-114

The article deals with the peculiarities of the presentation of subject-category, its types and ways of realization in the news titles on platform “Yandex.Dzen”. Particularly, the notions of speech subject and language subject are determined, researched their correlation and also the specificity of these categories plan of expression in the analyzed units.

Key words: speech subject, language subject, news title.

К. Д. Табатчикова
(г. Екатеринбург, РФ)

УДК 37.378

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-115-121

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ

Актуальность исследования заключается в выявлении коммуникативных стратегий и тактик в научном тексте. Предлагается алгоритм-структура для выявления этих процессов через языковые единицы научного текста, также акцентируется внимание на реализации авторской позиции в научном тексте, проявляющуюся через презентацию и конвенцию. Такой алгоритм может стать основой для создания собственного научного текста.

Выявленная актуальность исследования позволяет сформулировать проблему: каковы возможности алгоритма-структуры по выявлению коммуникативных стратегий и тактик в процессе представления авторской позиции в научном тексте? Может ли стать такой алгоритм основой для создания собственного научного текста?

Цель исследования заключается в представлении оптимального алгоритма-структуры по выявлению коммуникативных стратегий и тактик как эффективного инструмента в процессе установления коммуникативного взаимодействия между автором научного текста и его читателем.

Значимость пошагового выявления коммуникативных стратегий и тактик в научном тексте заключается в выявлении языковых единиц-маркеров научного текста, позволяющих объективно воспринимать, интерпретировать и создавать суждение по исследуемой научной проблеме. Выявление таких маркеров способно определить аксиологичность (новизну, аспектность, актуальность, ценность, полезность) и методологичность (способ мышления, научную картину мира исследователя) авторского решения заявленной в исследовании проблемы.

Научной новизной нашего исследования считаем взаимообусловленность между смысловой содержательностью единиц-маркеров (включающих предпочтения, обоснование, доказательность, отношение), выбранных автором, и прагматическим использованием (применением в тексте) с точки зрения мотивации и объяснения собственной позиции.

Представленный алгоритм-структура выявляет особенности выбора необходимых языковых единиц в научном тексте как значимой основе академической коммуникации; помогает с

учётom прагматичности представления языковых единиц точнее воспринимать научные исследования.

Практическая значимость исследования заключается в разработке алгоритма-структуры по определению коммуникативных стратегий и тактик в научном тексте, а также его создание и применение в процессе работы над собственным исследованием.

Теоретической основой исследования являются: основные положения теории текста (М.Н. Кожина, Н.А. Купина, Т.В. Матвеева, Л.В. Щерба), теории научного текста (Е.А. Баженова, Н.В. Данилевская, М.Н. Кожина, М.П. Котюрова), теории восприятия текста (И.Р. Гальперин, О.И. Москальская, И.А. Зимняя), теории интерпретации текста (И.В. Арнольд, М.М. Бахтин, Г.И. Богин), теории природы коммуникативных стратегий и тактик (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Т.А. Ван Дейк, А.А. Ивин, Е.В. Клюев, О.С. Иссерс, Н.Б. Руженцева, И.А. Стернин), теории языковой личности (Г.И. Богин, В. Гумбольдт, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов).

Научный текст представляет собой конкретное авторское сообщение, включающее исследование определённого процесса или явления и передаваемое посредством языковых единиц. Именно благодаря этим языковым единицам происходит коммуникативное воздействие автора текста на сознание тех, кто знакомится с данным текстом. Выявление этих языковых единиц возможно через алгоритм-структуру, которая представляет собой возможность воспринимать, интерпретировать и создавать собственное суждение, а также возможность определить последовательность формулирования выводов.

Возникает интересная закономерность, которая представляет собой систему предварительного наблюдения за процессом или явлением, затем его фиксация, включающая представление исследователя (его смыслов), его картину мира (обмен смыслами, поиск истины), предварительные выводы по изучаемому вопросу. В связи с этим появляются такие коммуникативные условия, которые способствуют определённому поиску векторов и ходов [1, с. 7], позволяющих достигнуть цели. Такие ходы называют стратегиями.

Под коммуникативными стратегиями, вслед за Е.В. Клевым [8, с. 59], Г.П. Щедровицким [10, с. 305], О.С. Иссерс [5, с. 54] мы понимаем определённую концепцию воздействия на адресата научного текста посредством языковых единиц через презентацию содержательных и смысловых характеристик и их объективного выражения и конвенцию, направленную на достижение (или разногласие) в понимании научной проблемы.

Реализация коммуникативной стратегии в научном тексте тесно связана с коммуникативной тактикой, которая представляет собой

последовательные шаги и способы авторского замысла [9, с. 10]. Другими словами, коммуникативная тактика формулируется в форме суждения и отражает актуальность, проблему, цель, новизну, практическую значимость и теоретическую основу научного исследования и связана с его онтологической, аксиологической и методологической основой.

В связи с этим необходимо отметить, что в реализации стратегий и тактик огромную роль играет автор, его языковая личность (вербально-семантический, когнитивный, мотивационный уровни) [6, с. 48], которая при представлении своей позиции в научном тексте прибегает к отбору языковых ресурсов, становящихся основой создания научного текста. Автор в этом случае оформляется в скрытую субъектность, которая воспринимает и осмысляет окружающую действительность через специальные научные лингвистические единицы, оказывающие влияние на исследователей.

Коммуникативная стратегия «Презентация» реализуется во всех научных текстах и оказывает воздействие на процесс восприятия текста. Целью данной стратегии является восприятие узкоспециальной лексики, терминологических единиц и ключевых слов научного исследования, направленных на преодоление коммуникативно-смысловых барьеров при дальнейшем понимании эпистемической ситуации (теории познания). В связи с этим можно говорить о тактике побуждения читателя к глубокому и объективному изучению представленного вопроса или проблемы.

Коммуникативная стратегия «Конвенция» также представляется в научных текстах и связана с процессами интерпретации и порождения (создания) научного текста. Эту концепцию можно назвать тактикой совместного рассуждения и осмысления исследуемого научного материала, заключающуюся в преодолении понимания исследуемого вопроса и его дальнейшего перспективного развития. Достижение согласия в таком случае возможно через анализ языковых средств, используемых при формулировании актуальности, новизны, приведённых доказательств и примеров.

Описанные коммуникативные стратегии и коммуникативные тактики создают условия для активной деятельности исследователя, помогают расширять границы предварительных выводов, представленных в научных текстах, моделируют структуру и осмысление собственных суждений [3, с. 12]. Отметим, что данные стратегии и тактики можно выявить через последовательный анализ научного текста, который представляет собой алгоритм-структуру.

Для формулирования шагов в таком алгоритме-структуре нами был проведён опрос среди студентов-магистрантов, изучающих научную коммуникацию в рамках дисциплины «Коммуникации в

деловой и академической сферах». Участниками опроса стали 20 студентов, ответивших на следующие вопросы анкеты.

Анкета для студентов.

1. Какие признаки помогают вам понимать научный текст?

2. Что такое коммуникативные стратегии?

2.1. Какие коммуникативные стратегии вы можете выделить в научном тексте?

2.2. Какие языковые единицы в научном тексте указывают на коммуникативные стратегии?

2.3. Как в научном тексте реализуется авторское начало с учётом коммуникативной стратегии?

3. Что такое коммуникативные тактики?

3.1. Какие коммуникативные тактики вы можете выделить в научном тексте?

3.2. Какие языковые единицы в научном тексте указывают на коммуникативные тактики?

3.3. Как в научном тексте реализуется авторское начало с учётом коммуникативной тактики?

Представим обобщённые результаты ответов студентов.

1. Признаками понимания научного текста 90% опрошенных студентов называют (логичность, структуру предложения, использование специальных слов, приведение доказательств).

2. Участвующие в опросе коммуникативную стратегию определили как:

а) комплекс речевых действий, направленных на достижение цели – 35%;

б) структуру, позволяющую обмениваться информацией через манипулирование – 30%;

в) планирование коммуникации с учётом обстоятельств и цели; план, воздействующий на рациональную и эмоциональную сторону адресата – 35%.

2.1. Студенты при ответе на вопрос о выделении коммуникативных стратегий в научном тексте обозначили следующее:

а) стратегия «Проталкивание», презентационные PR-стратегии – 65%;

б) не дали никакого ответа – 35%.

2.2. На вопрос о том, какие языковые единицы в научном тексте указывают на коммуникативные стратегии, были получены следующие результаты:

а) термины – 15%;

б) бесличные высказывания – 15%;

в) синтаксические конструкции – 15%.

2.3. По мнению опрошенных, авторское начало в научном тексте реализуется с учётом коммуникативной стратегии через:

- а) актуальность – 30%;
- б) тезис-доказательство-вывод – 30%.

3. Участвующие в опросе коммуникативную тактику определили как:

- а) действия, способствующие реализации стратегии – 35%;
- б) последовательность действий, направленных на реализацию стратегии – 35%;
- в) одно или несколько связанных между собой действий, способствующих реализации стратегии – 30%.

3.1. Студенты при ответе на вопрос о выделении коммуникативных тактик в научном тексте обозначили следующее:

- а) тактики заинтересованности, необходимости, побуждения, от общего к частному – 65%;
- б) обращение к профессиональному сообществу – 35%.

3.2. На вопрос о том, какие языковые единицы в научном тексте указывают на коммуникативные тактики, были получены следующие результаты:

- а) глаголы в безличной форме – 30%;
- б) синтаксические структуры – 30%.

3.3. По мнению опрошенных, авторское начало в научном тексте реализуется с учётом коммуникативной тактики через:

- а) сообщение – 15%;
- б) структурирование информации – 15%;
- в) уникальный стиль, отражающий картину мира автора первичного текста – 15%.

Опираясь на теоретические положения и модели работы с научным текстом (Н.А. Купина, Т.В. Матвеева, В.В. Химик), а также результаты проведённого анкетирования студентов, представим алгоритм-структуру по определению коммуникативных стратегий и тактик в научном тексте и его создания в процессе собственного исследования. Отметим, что шаги алгоритма-структуры мы соотносим с коммуникативными стратегиями и тактиками «Презентация» и «Конвенция». Данный алгоритм-структура предлагается при работе с научным текстом, он позволяет разделить текст на два больших блока: стратегии «Презентация» и «Конвенция», которые коррелируются с определёнными тактиками, включающими анализ языковых единиц, позволяющих достигать конкретные коммуникативные цели.

Алгоритм-структура.

1. Прочитать текст статьи.
2. Выделить ключевые слова в названии текста и определить их соотносённость с коммуникативными стратегиями и тактиками:
 - а) презентация научного материала;

б) конвенциональность научного материала – доводы, доказательства, примеры, словесные иллюстрации.

3. Обозначить аксиологические параметры статьи:

а) актуальность;

б) ценность;

в) новизна.

4. Определить цель статьи.

5. Выделить теоретическую основу исследования.

6. Выделить практическую значимость исследования.

7. Соотнести выводы по исследованию с заявленными целями.

8. Проанализировать представленные источники.

Предложенный алгоритм-структура работы с научным текстом по выявлению коммуникативных стратегий и коммуникативных тактик является основой для эпистемического диалога между исследователями, позволяет расширить границы предварительных выводов по определённому вопросу или проблеме, обозначить авторские представления посредством языковых единиц. Считаем, анализирование научного текста по такому алгоритму-структуре позволит выявлять авторскую (субъектную) позицию в научном тексте, расширит представления у студентов о научной стилистике и поможет в совершенствовании коммуникативного диалога.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова, Ю. А. Коммуникативные стратегии и тактики в современном газетном дискурсе (отклики на террористический акт): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2007. – 25 с.
2. Богин, Г. И. Модель языковой личности в её отношении к разновидностям текстов. Автореферат диссертации ... доктора филологических наук. Ленинград, 1984
3. Данилевская, Н. В. Чередование старого и нового знания как механизм развёртывания научного текста (аксиологический аспект): автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Пермь, 2006. – 48 с.
4. Данилевская, Н. В. Чередование старого и нового знания как механизм развёртывания научного текста (аксиологический аспект) дис. ... докт. филол. наук. – Пермь, 2006. – 401 с.
5. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с.
6. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – Изд. 7-е. – Москва: ЛКИ, 2010 – 264 с.
7. Котюрова, М. П. Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста (функционально-стилистический аспект). – Красноярск: Изд-во Краснояр.ун-та, 1988. – 170 с.

8. Клюев, Е. В. Речевая коммуникация / Е.В. Клюев. – Москва: Рипол классик, 2002. – 315 с.
9. Руженцева, Н.Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе / Н.Б. Руженцева. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2004. – 294 с.
10. Философия науки: учеб. пособие для аспирантов и соискателей – Ростов н/Д: Феникс, 2006. – 496 с.
11. Чарыкова, И. А. Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения участников российского сегмента социальных сетей: дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2022. – 201 с.
12. Шпомер, Е. А. Коммуникативные стратегии и тактики как фактор эффективной коммуникации с. 109-113 – Текст : электронный. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnye-strategii-i-taktiki-kak-faktor-effektivnoy-kommunikatsii> (дата обращения: 15.05.2024 г.).
13. Щедровицкий, Г. П. Избранные труды. / Г. Л. Щедровицкий. – Москва : Изд-во Шк. культур. политики, 1995. – 800 с.
14. Щедровицкий, Г. Л. Философия. Наука. Методология / Г. Л. Щедровицкий. – Москва : Изд-во Шк. культур. политики, 1997. – 641 с.

АННОТАЦИЯ

Табатчикова К. Д. Коммуникативные стратегии и тактики в научном тексте

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-115-121

В статье рассматривается научный текст с точки зрения наличия и реализации в нём коммуникативных стратегий и тактик, необходимых при представлении исследуемого научного явления или процесса. Автором предлагается оптимальная структура создания научного текста, включающая в себя возможность изложения научных фактов объективно и аргументированно. Важным аспектом такой структуры является презентация авторского начала при создании научного текста.

Ключевые слова: коммуникативные стратегии, коммуникативные тактики, научный текст.

SUMMARY

Tabatchicova C. D. Communication strategies and tactics in a scientific text

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-115-121

The article examines the scientific text from the point of view of the presence and implementation of communicative strategies and tactics necessary for the presentation of the studied scientific phenomenon or process. The author suggests an optimal structure for creating a scientific text, which includes the

possibility of presenting scientific facts in an objective and argumentative manner. An important aspect of such a structure shall be considered the presentation of the author's principle when creating a scientific text.

Key words: Communication strategies, communication tactics, scientific text.

*Е. Г. Трунова
(г. Лупецк, РФ)*

УДК 81-26

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-122-127

ВИДОВОЕ МНОГООБРАЗИЕ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ С СЕМАНТИКОЙ «ПЕРЕФРАЗИРОВАНИЕ ИДЕИ»

Теория дискурса – активно развивающаяся область в современной лингвистике, вызывающий стойкий интерес со стороны исследователей на протяжении уже более полувека. Одно из направлений, проводимых в данной области исследований, сфокусировано на изучении особого класса частично десемантизированных единиц, регулирующих дискурсивное поведение участников коммуникативного акта – так называемых дискурсивных маркеров.

К категории дискурсивных маркеров разные исследователи относят самые разные классы языковых средств. Это одна из причин, объясняющая наличие значительной терминологической вариативности в работах, посвящённых данной тематике. Так, у разных зарубежных исследователей можно обнаружить такие наименования как «discourse markers», «discourse connectives», «discourse operators», «pragmatic connectives», «sentence connectives», «cue phrases» и т.д. В трудах отечественных лингвистов также можно встретить не менее разнообразные номинативные единицы: «дискурсивные частицы», «дискурсивные коннективы», «прагматические частицы», «прагматические маркеры», «дискурсивные операторы» и т.п.

Остановимся несколько подробнее на содержании понятия «дискурсивный маркер», поскольку именно оно получило наибольшее распространение в силу своей универсальности.

Исследователь О.Н. Губарева полагает, что дискурсивные маркеры можно рассматривать как особые метадискурсивные элементы, которые служат для переключения внимания получателя информации на наиболее существенные с точки зрения автора фрагменты текста и помогают соотносить различные смысловые блоки текста между собой [3, с. 24].

В работе С.В. Шустовой, Н.М. Царенко под дискурсивными маркерами понимается «сложная вспомогательная система дискурса, состоящая из коммуникативных единиц разных частей речи и разного уровня организации, привносящих дополнительную информацию для интерпретации высказывания» [4, с. 25]. Авторы также подчеркивают, что такого рода языковые единицы используется в дискурсе с весьма определенными функциями. Они организуют текстовое пространство, выступают своеобразными смысловыми «индикаторами» для последующей части текста, так как они передают дополнительную информацию относительно дальнейшей реализации намерения говорящего.

Согласно представлениям Л. М. Болсуновской, Ю. А. Зеремской и Н. В. Дубровской дискурсивные маркеры представляют собой «средства, обеспечивающие грамматическую цельность дискурса, организующие смысловую связность его единиц и смыслов [1].

Таким образом, авторы всех рассмотренных выше определений, делают в своих дефинициях акцент на функциональном аспекте этих языковых единиц, их способности «маркировать» текст исходя из смысла составляющих его частей.

Учеными были предприняты попытки классифицировать дискурсивные маркеры по разным основаниям, таким как их принадлежности к грамматическому или лексическому уровню языка, семантике, функциям и т.п.. Приведем здесь лишь одну классификацию, разработанную зарубежным исследователем Б. Фрейзером, как наиболее релевантную рассматриваемой в данной статье проблематике. Основанием этой классификации выступает тип связи дискурсивных маркеров с самим дискурсом. Автор выделяет четыре группы маркеров, а затем разбивает некоторые из групп на подгруппы:

1) базовые маркеры, указывающие на характер базового сообщения (тип речевого акта, перформативы, прагматические идиомы); 2) маркеры-комментарии, комментирующие базовое сообщение (например: *fortunately, possibly, they say, I heard that, if I am not mistaken*); 3) параллельные маркеры, которые дополняют базовое сообщение; 4) дискурсивные маркеры, указывающие, как базовое сообщение связано с контекстом (например, *but, however, although* – контрастирующие маркеры), *in other words, particularly, also, and* – детализирующие маркеры), *that's why, so, accordingly* (-маркеры вывода) [5].

Рассмотрим, какие потенциальные классы можно выделить в группе дискурсивных маркеров, выражающих семантику перефразирования идеи. Согласно представлениям, Б. Фрейзера эти маркеры, представляют группу маркеров, указывающих как базовое сообщение связано с контекстом, и относятся к подгруппе детализирующих маркеров.

Заметим, что речь представляет собой чрезвычайно динамичный процесс, «развивающийся во всей своей сложности в реальном однонаправленном времени» [2, с. 37], время от времени в общении возникают ситуации, когда говорящему необходимо внести определенные изменения в формулировку мысли, которую он озвучивает и переформулирует ее. Необходимость этих изменений может быть вызвана разными причинами. Говорящий сам может осознать, что он неточно выразился, возможно ошибся, подобрал неверные слова для выражения своей идеи, и поэтому он прибегает к переформулировке. В этом случае, говорящий фокусирует свое внимание только на своем речевом поведении, подвергает его критическому анализу и вносит в него изменения. Во втором случае, говорящий уделяет внимание реакции (в случае если он ее наблюдает) или возможной реакции (в случае если он ее предвосхищает) собеседника на свои слова и исходя из этого также вносит изменения в свое сообщение, перефразируя последнее. Но, в конечном счете, побудительный мотив говорящего к перефразированию заключается в желании быть максимально точно понятым собеседником. Результатом реализации коммуникативного намерения говорящим и в первом и во втором случае выступает переформулирование идеи.

Лингвистическую основу переформулирования составляет порождение высказывания, обладающего семантической близостью с высказыванием-оригиналом, но с помощью иных языковых средств, отличных от средств, используемых в высказывании-оригинале.

You needn't pay for staying there. In other words, it's free!

В итоге перефразирования мы имеем два высказывания, которые по сути выражают одну и ту же идею, с определенной семантической модификацией (расширением, упрощением, сокращением идеи т.п.) во второй части высказывания. Характер этой модификации будет определяться контекстом коммуникации и коммуникативной интенцией говорящего. Маркеры отношений с семантикой перефразирования идеи используются в английском языке для того, чтобы маркировать переход от одной формулировки идеи к другой. Они сигнализируют собеседнику, что мысль будет повторена вновь в несколько модифицированном виде.

Возможно разделять маркеры переформулирования исходя из формы их выражения на два класса: простые и сложные. Такой подход используют зарубежные исследователи. К простым маркерам относятся такие, которые структурно фиксированы и не предполагают возможности внесения каких-либо изменений в их структуру (добавления, замены, уменьшения количества компонентов, входящих в их состав) [6].

✓ *The medicine needs be taken for a short period of time; i.e., three to five days.*

✓ *Generational continuity means biological reproduction, namely, conception, gestation, life and death.*

✓ *I'll be waiting for you inside the airport. Specifically at the "Global Express" ticket counter.*

Сложные маркеры предполагают возможность изменения их структуры, добавления или замены, составляющих их элементов. Сложные маркеры структурно неоднородны. Их можно представить в виде трех групп:

1. предложные фразы с изменяемыми компонентами:

✓ *Does she have sufficient competence – in simple words, can she do the job?*

2. Структуры с инфинитивом и герундием

✓ *He loves his country. To put it another way, he is a patriot.*

✓ *You can't use this money. Strictly speaking, it's my money, not yours. I earned it.*

3. структуры с предикативной связью:

✓ *Are you married? I mean, have you some ... wife?*

✓ *The team needs to improve their communication skills, that is to say, they must enhance their ability to convey information effectively."*

Полагаем, что и по своей семантики дискурсивные маркеры этой группы также весьма многообразны. Они способны передавать разные типы семантических отношений между двумя идеями при сохранении общности смысла. Рассмотрим основные типы такого рода отношений.

1. Отношения близкие к полной аналогии.

✓ *John is a New Yorker; that is, he lives in New York.*

Так, в данном примере оригинальная идея практически не модифицируется, она по форме своей презентации она напоминает дефиницию. Такое перефразирование, как правильно используется в том случае, когда человеку, воспринимающему речь говорящего, не известно какое-либо слово и говорящий стараемся максимально точно передать его значение в понятной для собеседника форме.

2. Уточнение идеи посредством ее конкретизации или генерализации.

В зависимости от того, как в тексте разворачивается логика уточнения, говорящий будет использовать различные маркеры. Например, лексических единицы «namely» и «i.e.» используются для разъяснения или уточнения уже сказанного, но «namely» обычно употребляется перед более конкретным, уточняющим словосочетанием, словом или предложением, которое разъясняет более общую, ранее высказанную идею.

✓ *We visited two ancient countries, namely Egypt and India.*

Перед разъяснением более общего характера, чем высказывание, сделанное ранее, употребляется «i.e.».

✓ *We visited Egypt and India, i.e. two ancient countries.*

3. Упрощение идей, с целью достижения полного понимания мысли собеседником.

✓ *We'll have to resort to our internal resources. In simple words, to use our company money.*

4. Усложнение идеи.

✓ *Some people are born criminals. They are predisposed to criminal behavior; scientifically speaking.*

Данная ситуация имеет место быть, когда говорящий пытается переформулировать мысль и прибегает к лексическим единицам, типичным для более специализированных текстов (научных, технических и др.). Говорящего в этом случае мотивирует желание звучать более авторитетно, терминологически более точно и т.п.

5. Смягчение идеи.

✓ *I'm not sure that we can accept the idea of paying in cash. In the context of reparations, the idea of cash payments will be controversial – to put it mildly.*

6. Более прямолинейное выражение идеи.

✓ *However, a fine art appraisal appointed by investigators after the arrest of the paintings established that they have no artistic value and, to put it plainly, are cheap fakes," noted Markin in the beginning of October.*

Необходимо оговорить, что данный список не претендует на полноту, он открытый по своему характеру. Потенциально он может быть дополнен отношениями иных типов, ибо, как было упомянуто ранее, границы самого понятия «дискурсивный маркер» и границы между разными типами дискурсивных маркеров весьма размыты.

Подводя итоги, можно констатировать, что дискурсивные маркеры отношений с семантикой перефразирования идеи представляют собой большой по численности, функционально значимый класс лексических единиц, отличающийся структурным и семантическим многообразием. Маркеры этого типа способны передавать разные типы семантических отношений между двумя идеями при сохранении общности их смысла. На данный момент данный класс языковых единиц не полностью изучен, что представляет ученым широкое пространство для исследований в рамках теории англоязычного дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болсуновская, Л. М., Зеремская, Ю. А., Дубровская, Н. В. Виды дискурсивных маркеров в русскоязычных и англоязычных научных статьях по геологии и нефтегазовому делу // Вестник ТГПУ. – 2015. – №4 (157). – С. 117–121.
2. Верховлетова, Е. Ю. Теоретические основания структурно-динамического подхода к речи // Вестн. Перм. ун-та. Рос. и зарубежная филология. – 2010. – № 4. – С. 34–39.

3. Сопоставительный анализ способов метадискурсивной организации англоязычных и русскоязычных научно-учебных текстов по экономике : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Губарева Ольга Николаевна; [Место защиты: Моск. гос. лингвист. ун-т]. – Москва, 2011. – 24 с.
4. Шустова, С. В., Царенко, Н. М. Дискурсивные маркеры как средство формирования прагмалингвистической компетенции // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2018. – №2.
5. Frazer, B. An approach to discourse markers // Journal of Pragmatics. 1990. – № 14. – P. 386–387
6. Maria-Josep, Cuenca. Two ways to reformulate: a contrastive analysis of reformulation markers, // Journal of Pragmatics, Volume 35. – 2003. – №7. – P. 1069–1093.

АННОТАЦИЯ

Трунова Е.Г. Видовое многообразие дискурсивных маркеров с семантикой «перефразирование идеи»

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-122-127

В статье предлагаются подходы к классификации дискурсивных маркеров с семантикой «перефразирование идеи» исходя из их грамматических и семантических характеристик. Производится попытка установить и описать типы семантических отношений в ситуации перефразирования, реализуемые с помощью маркеров данного класса.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивные маркеры, перефразирование идеи, маркеры с семантикой «перефразирование идеи», классификация.

SUMMARY

Trunova E.G. Type Diversity of the Discourse Markers with the Semantics of “Idea Paraphrase”

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-122-127

The article proposes approaches to the classification of discourse markers with the semantics of “idea paraphrase” based on their grammatical and semantic characteristics. The author attempts to establish and describe the types of semantic relations in the situation of rephrasing, realized with the help of markers of this class.

Key words: discourse, discourse markers, idea paraphrasing, markers with semantics “idea paraphrase”, classification.

*Е.Г. Трунова,
(г. Липецк, РФ),
Я.С. Нестерова
(г. Липецк, РФ)*

УДК 81-26

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-127-133

ОСВЕЩЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ ЗАПАДА ПРОТИВ РОССИИ: ЛЕКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В настоящий момент наша страна переживает сложный период, связанный с военным, идеологическим и экономическим противостоянием со странами Западного мира. Так, после признания РФ независимости Донецкой и Луганской Народных Республик и начала специальной военной операции на Украине всего за 2,5 месяца разные государства приняли более 10 тыс. экономических ограничений в отношении России. Среди самых крупных ограничений можно упомянуть введение санкций против российских банков со стороны США, Японии, Великобритании и других стран, а также остановку реализацию проекта «Северный поток 2», важнейшего магистрального газопровода из России в Германию через Балтийское море. Помимо этого, введены запреты на импорт большого количества товаров; российские банки отключены от международной, межбанковской платежной системы SWIFT; приостановлены иностранные инвестиции в российские топливно-энергетические компании; заморожены резервы Центрального Банка РФ» введено нефтяное эмбарго и многое другое [2, с. 133]. Безусловно, это далеко не все ограничительные меры со стороны западных стран, целью которых является разрушение экономики России.

Для описания экономического противостояния Запада и России часто используется термин «экономическая война». С лингвистической точки зрения это метафора, раскрывающая откровенно агрессивный и враждебный характер взаимодействия между крупными экономическими субъектами, представленными целыми государствами или группами государств. Исследователи конкретизируют содержания «экономическая война, поясняя, что она включает в себя следующие элементы:

- концентрированное и целенаправленное воздействие всеми потенциями экономического насилия, в его экстремальных формах, на экономику противника с целью достижения состояния ее стабильной неуравновешенности по основным параметрам и поддержание перманентности дисбаланса;
- взаимоуничтожение экономик экономическими средствами во имя политических целей;

- реализация политических целей экономическими средствами;
- продолжение политики взаимоуничтожения экономик экономическими средствами;
- процесс стимулирования средствами экономического насилия перехода экономики в другое состояние» [3, с. 413].

Нами было проведено исследование, целью которого было выяснить какие преимущественно лексические средства, используются в англоязычной прессе для освещения экономической войны Запада против России. Материалами исследования послужили публикации в американские онлайн-газеты «The New York Times» и «The Washington Post» за период 2022-2024 гг.

Отобранные нами лексические средства были поделены на две большие группы, одна из которых включает лексемы, представляющие прямую номинацию, а другая включала в себя лексические единицы с косвенной номинацией. Способ прямой номинации предполагает использование форм в их первичной функции для обозначения данного объекта в данных условиях. В свою очередь, под косвенной номинацией принято понимать такой тип наименования объектов, который поддаётся распознаванию в тексте «благодаря несоответствию наименования в его первичной функции данному номинату, для обозначения которого в языке имеется другое, прямое, собственное средство обозначения» [1, с. 243].

Отметим, что это деление весьма условно, так как в живом публицистическом тексте авторы могут одновременно сочетать оба способа в одном словосочетании, где оба компонента в совокупности создают одновременно информативное и высокореферентное значение. Так, например, в словосочетании «crippling sanctions» второй компонент – существительное, представляет собой прямую номинацию. В то время как прилагательное «crippling» (уродующий, калечащий), представляющее собой ни что иное как метафорический эпитет, – яркий пример косвенной номинации.

В связи с тем, что центральным явлением, сопровождающим экономическую войну Запада против России являются санкции и синонимичные им ограничения, запреты и т.д., имеет смысл изучить в первую очередь именно те лексические единицы, которые используются авторами статей для описания данного феномена.

Для прямого упоминания наложенных на Россию в 2022 году санкций англоязычные публицисты используют такие существительные и словосочетания с субстантивным ядром, как «economic sanctions», «sanctions campaign», «pressure», «acute trouble», «economic consequences».

Лексическая выборка глаголов и глагольных словосочетаний, выражающих прямую номинацию, в англоязычных статьях, касающихся феномена экономической войны Запада против России, помимо содержания в себе нейтральных единиц («*to deploy sanctions*»), отличается обилием слов, выражающих силу санкций и намеков на их последствия. Это и глаголы с семантикой разрушения: «*to disconnect Russia*», «*to destroy prospects*», «*to cut off access*»; глаголы с семантикой прекращения действия или препятствия действию: «*to block investments*», «*to hamper development*», «*to stop imports entirely*»; глаголы с семантикой интенсификации действия: «*to tighten control*», «*to strengthen pressure*», глаголы, с семантикой сокращения, ослабления: «*to reduce imports substantially*», «*to loosen the economic ties*». Заметим, что в ряде случаев идея, заложенная в глагол, усиливается за счет добавления наречия меры и степени соответствующей семантики, как например, «*to reduce imports substantially*».

Необходимо отметить, что описание последствий санкций в изученных нами статьях англоязычной прессы насыщено лексическими единицами, обладающими коннотацией негативной оценочности. Она может быть реализована как в единице, представляющей прямую номинацию: «*downturn*», «*devastating economic crisis*», так и в образных эпитетах, характеризующих существительные-термины: «*import dependent economy*», «*dire economic position*», «*bad year*». Эти лексемы, обладающие выраженной отрицательной коннотацией, неизбежно создают в уме читателей образ России, страдающей от введённых экономических ограничений.

Также необходимо отметить, что проанализированные нами тексты обильно насыщены экономической терминологией. Наиболее часто встречаются термины, представляющие следующие тематические группы:

добыча и торговля ресурсами, производство («*supplies*», «*oil exports*», «*imports of oil, gas and coal*», «*raw materials*», «*gas deliveries*», «*energy sector*», «*crude oil*», «*GPD*» – *Gross Domestic Product*, «*production level*»);

– сфера оперирования финансами («*financial reserves*», «*foreign capital*», «*financial and commercial terrain*», «*financial sector*», «*revenue accounts*», «*export earnings*», «*interest rate*», «*foreign investment*», «*foreign assets*», «*income level*», «*the International Monetary Fund*», «*the Russian central bank*»);

– лексика, ассоциирующаяся с мерами экономического воздействия и их последствиями («*pressure*», «*speed*», «*sweep*», «*problems*», «*challenges*», «*damage*», «*consequences*»);

– индикаторы экономического положения государства («*recessions*», «*crisis*», «*downturn*», «*recovery*», «*growth trajectory*»).

Среди наиболее частотных языковых средств, репрезентирующих косвенную номинацию нами были выделены следующие:

- религиозные аллюзии («*economic Armageddon*», «*the mills of God*») – 4,9 %;
- фразеологизмы («*rally-around-the-flag effect*», «*to bring Russia to its knees*», «*the cat-and-mouse game*») – 7,3 %;
- олицетворения («*the rubble has weakened*», «*to humiliate Russia*») – 4,9 %
- эпитеты («*resilient economy*», «*aggressive interest rate hikes*», «*crippling sanctions*», «*frozen assets*», «*squeezed by sanctions economy*», «*grim reality*») – 14,6 %;
- метафоры («*economic pinch*», «*oil shock*», «*cannibalizing its fleet*», «*to hobble economies*», «*storm of sanctions*») – 68,3 %.

Не удивительно, что метафора оказалась наиболее частотным выразительным средством в анализируемых нами текстах. Ведь метафора позволяет с помощью конкретных образов понятных для человека любого уровня подготовки говорить о сложных абстрактных явлениях. Также метафора позволяет внести в публицистический текст дополнительную эмоциональность и оценочность, создающие его стилевую квинтэссенцию. Ведь функция воздействия выступает одной из ключевых функций публицистического текста. Авторы текста, обращаясь к метафоре стремятся достичь максимального эмоционального отклика аудитории, формируя у нее определенное мнение и представление об описываемых в тексте событиях социально-политической действительности.

Обнаруженные в текстах англоязычной прессы метафоры передают весьма разнообразную семантику. Авторы часто обращаются к образам, ассоциирующимся со следующими сферами:

- физический вред («*economic pinch*», «*oil shock*», «*to bring Russian economy a lot of pain*», «*to tighten belts*», «*cannibalizing its fleet*»);
- природный мир («*storm of sanctions*», «*anaconda*», «*to coil*», «*to struggle*», «*to release the grip*»);
- поучительность («*urgent lesson*», «*punishment*»);
- технологичность («*tools of destruction*», «*tighten economic screws*», «*to blunt the impact of sanctions*», «*to make dents in economy*»);
- война («*economic “nuclear option”*», «*financial war*»).

В целом, мы можем констатировать, что авторы рассматриваемых нами текстов весьма умело и гармонично сочетают в нем объективные и субъективные элементы его содержания, обращаясь для этого к прямой и косвенной номинации. Средства прямой номинации придают этим текстам большую достоверность и наделяют их возможностью опоры на факты реальной действительности. Такие

лексемы чаще всего не выражают точку зрения автора напрямую, но помогают ему создать пространство для формулирования собственных идей и отношений. Лексемы же, выражающие косвенную номинацию, используются авторами для более яркой эмоционально передачу идей и оказания воздействия на точку зрения читателя относительно имеющего место в данный момент экономического противостояния.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азнаурова, Э.С., Кубрякова, Е.С., Уфимцева, А.А. [и др.] Языковая номинация: (общие вопросы) // отв. ред. Б.А. Серебренников, А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1977. – 359 с.
2. Джураев, А.Д., Скляр, В.Д., Янковский, П.С. Экономические санкции 2022 года в отношении России: принятые решения, последствия и перспективы // Экономика и бизнес: теория и практика. – №6-1 (88). – 2022. – 133–136 с.
3. Директива № 21. План «Барбаросса». // Цит. по: Курочкин Ю.С. Экономическая война. – Новосибирск: Сиб. унив. Изд-во, 2001.
4. Mulder, Nicholas. Sanctions Against Russia Ignore the Economic Challenges Facing Ukraine // The New York Times – Текст : электронный. – URL: <https://www.nytimes.com/2023/02/09/opinion/sanctions-russia-ukraine-economy.html> (дата обращения: 24.12.2023).
5. Peter Coy Russia Is Starting to Feel Squeezed by Sanctions // The New York Times – Текст : электронный. – URL: <https://www.nytimes.com/2022/12/23/opinion/russia-ruble-sanctions-economy.html> (дата обращения: 24.12.2023).
6. The Editorial Board Can Sanctions Really Stop Putin? // The New York Times – Текст : электронный. – URL: <https://www.nytimes.com/2022/04/22/opinion/sanctions-russia-ukraine-war.html> (дата обращения: 24.12.2023).
7. The Editorial Board How to wage the financial war against Russia's economy // The Washington Post – Текст : электронный. – URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2023/09/17/russia-sanctions-oil-cap-economy/> (дата обращения: 24.12.2023).
8. The Editorial Board The Price of Putin's Belligerence // The New York Times – Текст : электронный. – URL: <https://www.nytimes.com/2022/03/11/opinion/russia-sanctions.html> (дата обращения: 24.12.2023).

АННОТАЦИЯ

Трунова Е.Г., Нестерова Я.С. Освещение экономической войны Запада против России: лексический аспект

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-127-133

В данной статье авторы исследуют лексические единицы, используемые для освещения феномена экономической войны Запада против России в текстах англоязычной прессы. Авторами отдельно рассматриваются лексические средства, представляющие прямую и косвенную номинацию, описывается роль этих средств в публицистическом тексте; предпринимается попытки выделить наиболее часто используемые лексические средства.

Ключевые слова: экономическая война, прямая номинация, косвенная номинация, лексические средства.

SUMMARY

Trunova E.G., Nesterova Ya.S. Coverage of the West's Economic War against Russia: a Lexical Aspect

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-127-133

In this article, the authors study lexical units used to depict the phenomenon of the West's economic war against Russia in the texts of the English-language press. The authors separately consider lexical means representing direct and indirect nomination, describe the role of such means, also the authors try to identify the most frequently used lexical means.

Key words: economic war, direct nomination, indirect nomination, lexical means.

*Е.Г. Трунова,
(г. Липецк, РФ),
А.Н. Улыбышева
(г. Липецк, РФ)*

УДК 81-26

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-133-137

ЯЗЫКОВЫЕ СВОЙСТВА АНТРОПОНИМОВ ВИДЕОИГРОВОЙ СЕРИИ «THE ELDER SCROLLS»

Видеоигры приобрели большую популярность в современном мире, став значимым культурным феноменом, привлекающим представителей самых разных возрастных групп. Можно констатировать, что к настоящему времени статус видеоигр еще не окончательно определен. Исследователи ведут жаркие дискуссии относительно принадлежности видеоигр к категории искусства.

Дело в том, что современные видеоигры представляют собой уникальный техно-художественный сплав, где технологические разработки гармонично сочетаются с художественным содержанием, создавая в своей совокупности эстетически значимый медиапродукт. Важную роль в формировании художественного аспекта видеоигр играет язык, включая его ономастическую составляющую, которая охватывает различные классы собственных имен (топонимы, мифонимы и др.). Антропонимы (имена людей) занимают особое место в ономастическом пространстве видеоигр.

Отметим, что изучение антропонимов имеет давнюю историю в лингвистике, антропологии и культурологии. Имена людей несут в себе богатый пласт информации о культуре, истории и языке народа, который использует эти имена. На сегодняшний день сложилась отдельная вспомогательная комплексная лингвистическая дисциплина – антропонимика, изучающая личные имена, их происхождение, развитие, современное состояние, смысловое значение, написание и произношение [2]. Именно поэтому антропонимы рассматриваются ономастологами в качестве значимых элементов этнокультурного контекста и системы знаний о мире. Необходимо подчеркнуть, что и в видеоигре как интеллектуальном продукте, обладающим творческой и художественной ценностью, антропонимы приобретают особую значимость. Так, зачастую, они обладают подтекстовым значением, базирующимися на экстралингвистических ассоциациях, связанных с конкретными именами известных исторических фигур, персонажей художественных произведений и т.п. Подобные значения антропонимов передают подтекстовую информацию, а также обогащают художественное пространство видеоигры [3].

Традиционно под антропонимом понимают индивидуальное имя собственное или совокупность имён собственных, используемых для идентификации человека (личности). Видовое многообразие антропонимов довольно велико. К этому классу слов относятся: 1) личные имена; 2) фамилии; 3) отчества; 4) прозвища; 5) клички; 6) псевдонимы; 7) мононимы. и т.д. [4].

Формируя выборку для нашего исследования на материале видеоигровой серии The Elder Scrolls мы сталкивались с различными категориями антропонимов: преимущественно личными именами, прозвищами и псевдонимами. Имена из каждой из этих категорий выполняют особые присущие именно им функции. Так, личное имя выступает как идентификационный маркер индивида и несет семантическую нагрузку, основанную на социокультурных ассоциациях и восприятии в обществе. Прозвища, в свою очередь, отражают особенности характера, поведения или внешности личности, а также отношения между персонажами и динамику

сюжета. Псевдонимы, будучи выбранными сознательно, выполняют функции маскировки личности и символической идентификации в контексте художественного произведения. Исследование этих групп антропонимов позволяет раскрыть широкий спектр социокультурных и семантических контекстов, влияющих на формирование и восприятие персонажей как в реальном, так и в вымышленном видеоигровом мире [1].

Отобранные методом сплошной выборки 60 антропонимов стали объектом проводимого нами этимологического и структурно-семантического анализа, в ходе которого мы предприняли попытку изучить следующие аспекты антропонимов: 1) их происхождение; 2) структуру; 3) степень их мотивированности.

В результате проведенного анализа нами было установлено, что большинство личных имен в игре немотивированы и выполняют функцию культурных маркеров. Например, *Tarinus Dulus* отсылает игрока на вдохновлённую римской и средневековой культурой «имперскую» культуру, *Ja'Fazir* – имя, призванное создать ассоциацию с востокom, принадлежащее вдохновлённому арабским колоритом народу каджитов, *Ysolda* – скандинавское имя, принадлежащее в видеоигровом мире представителю народа нордов. Однако встречаются и частично мотивированные имена, указывающие на характер или род деятельности персонажа, как в случае с персонажем по имени *Arrald Frozen-heart*, чье имя отражает его хладнокровный характер. Еще один персонаж игры *Lucien Lachance* – безжалостный наёмный убийца, жизнь жертв которого зависит от чистого случая, что и обозначает его родовое имя «*Lachance*» – случай.

Также нами было установлено, что этимологически большинство антропонимов восходят к латинскому и скандинавскому языкам. Латинское происхождение имеют такие личные имена, как *Avita*, *Mirabelle*, *Dorian*, *Cicero*, *Casimir*, *Lucianus*, *Hieronimus*, *Curio* (от слова «лечить» *curo*), *Proventus* (от слова *Proventus* «результат»). Имен скандинавского происхождения также весьма многочисленны: *Astrid*, *Freya*, *Jurgen*, *Skald*, *Skjor*, *Ysolda*, *Yngvar*, *Ragnar*, *Rolf*, *Olaf*. Структурно личные имена делятся на простые одноморфемные (с единственной морфемой представленной корнем) (*Astrid*, *Cyrus*) и сложные в составе которых два корня: (*Arnbjorn* – «орел + медведь»). В целом, можно заметить, что личные имена в видеоигре не отличаются значительным структурным и этимологическим разнообразием, хотя это не мешает им выполнять важную роль в культурной репрезентации, придавая всей игре определенный культурный колорит и поддерживая ее эстетическую стилистку.

Говоря о прозвищах героев видеоигры, необходимо отметить, что они часто сочетаются с личными именами персонажей, обогащают их художественный образ и акцентируют внимание игроков на

их определенных качествах. Ввиду того, что прозвища обычно сообщают определённую информацию о человеке, они все являются мотивированными: **Aela the Huntress** – прозвище превосходной охотницы, **Grelod the Kind** – саркастическое прозвище жестокой содержательницы приюта, **Laila Lawgiver** – прозвище правительницы небольшого автономного города. Важно отметить, что этимология прозвищ в данной серии видеоигр весьма однообразна. Ввиду того, что прозвища призваны пояснять и отражать реальную информацию о героях, абсолютное их большинство создано полностью на основе английского языка, например: **Vex**, **Olava the Feeble**, **Olaf One-Eye**, **Maiq the Liar**, **Laila Lawgiver**, **Felldir the Old**. Разумеется, для создания определённого колорита, разнообразия и фантазийного антуража используются также прозвища на артлангах, искусственных языках, созданных специально для видеоигровой вселенной: **Dovakin**, означающее «Драконорождённый», **Ruki**, означающее «странный».

Что же касается структуры прозвищ, то большинство из них представлены словосочетательными антропонимами, в то время как сложные слова встречаются реже, обычно для подчеркивания особых качеств персонажей. Простые антропонимы, входящие в состав словосочетательных, являются важным пластом антропонимической лексики видеоигровой серии: **Aela the Huntress**, **Maiq the Liar**, **Felldir the Old**, **Grelod the Kind**, **Olava the Feeble**. Сложные антропонимы – прозвища используются весьма редко, но они также присутствуют в видеоигре: **Bittneled the Cursebringer** (приносящий проклятие); **Lord Cluttermonkey** (беспорядок); **Wary Outlaw**: (осторожный преступник); **Laila Lawgiver** (дарящая закон).

Псевдонимы в серии *The Elder Scrolls* представляют собой отдельную группу антропонимов, отличающуюся по источнику возникновения от прозвищ, так как они выражают личное самовыражение человека и его роль в обществе. Они в большинстве своем мотивированны и часто ассоциируются с определенными качествами или ролями персонажей. Например, **The Gourmet** – знаменитый шеф-повар, известный своим кулинарным мастерством, но скрывающий свою личность из-за ужасного внешнего вида. **Gray Fox** – лидер Гильдии Воров, характеризующийся хитростью и ловкостью, вынужден скрываться от закона. Псевдонимы же с частичной мотивацией отсутствуют, а наименования с отсутствующей мотивацией репрезентированы единичными онимами, которые происходят от артлангов видеоигры, например, **Jod**, **Maul**.

Структурно наибольшая часть псевдонимов в видеоигровой серии «*The Elder Scrolls*» представляет собой словосочетательные антропонимы, то есть те наименования, которые состоят из двух или более слов. Словосочетательные псевдонимы часто создаются путем сочетания нескольких лексических единиц, каждая из которых

вносит определенный смысловой вклад в общее значение имени. Примеры таких антропонимов включают «The Night Mother», «Captain Lonely-Gale», «Gray Fox», «Watches-the-Roots», «Takes-in-Light». Слова, входящие в состав псевдонимов, в большинстве своем обладают простой морфологической структурой, состоящей из одной морфемы, например: «The Gourmet», «Quill-Weave», «Gray Fox». Простота морфологической структуры этих слов способствует их легкому восприятию и запоминанию, что важно в контексте видеоигры как произведения с огромным множеством различных имён и псевдонимов.

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод о том, что разные виды антропонимов обладают различными языковыми свойствами. Так, личные имена преимущественно немотивированы и служат культурными маркерами. Значения слов, входящих в состав прозвищ и псевдонимов, сообщают дополнительную информацию о персонажах: их характерных чертах, роде деятельности, поведении и т.п., делая прозвища и псевдонимы мотивированными лексическими единицами. Этимологически личные имена более вариативны, в то время как подавляющее большинство прозвищ и псевдонимов основано на английских корнях.

В заключении, хотелось бы отметить, что анализ антропонимов, представляющих ономастическое поле видеоигр, является важным направлением исследований в области современной лингвистики, которое позволяет на новом качественном уровне понять феномен игровой культуры, а также проследить актуальные процессы, происходящие в английском языке при его использовании в контексте виртуальной реальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зиннатуллина, Г. Х. Стилистические особенности литературных антропонимов // Вестник ННГУ. – 2013. – №3-1. – С. 410–417.
2. Мадиева, Г. Б., Супрун, В. И. Антропонимы как средство выражения национальной культуры // Известия ВГПУ. – 2010. – №6. – С. 96–102.
3. Макерова, С. Р. Аллюзивная антропонимика в аспекте художественной и смысловой выразительности // Социально-гуманитарные знания. – 2014. – №11. – Текст : электронный. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/allyuzivnaya-antroponimika-v-aspekte-hudozhestvennoy-i-smyslovoy-vyrazitelnosti> (дата обращения: 25.04.2024 г.).
4. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Отв. ред. А. В. Суперанская; Рец.: Х. Ф. Исхакова; Институт языкознания АН СССР. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1988. – 192 с.

АННОТАЦИЯ

Трунова Е.Г., Улыбышева А.Н. Языковые свойства антропонимов видеоигровой серии «The Elder Scrolls»

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-133-137

В данной статье авторы исследуют антропонимы, представленные в видеоигре The Elder Scrolls, с целью выявить их лингвистические особенности и функции. Предпринимается попытка проанализировать языковые свойства антропонимов с точки зрения прозрачности их значения, этимологической составляющей, морфологической структуры.

Ключевые слова: антропонимы, видеоигры, ономастика, антропонимика, игровая культура.

SUMMARY

Trunova E.G., Ulybysheva A.N. Linguistic Properties of Anthroponyms of Video-game series “The Elder Scrolls”

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-133-137

In this article, the authors study anthroponyms presented in the video game The Elder Scrolls in order to identify their linguistic features and functions. An attempt is made to analyze the linguistic properties of anthroponyms in terms of transparency of their meaning, etymological component, morphological structure.

Keywords: anthroponyms, video games, onomastics, anthroponymy, gaming culture.

***В. В. Фефелова,
(г. Горловка, РФ),
И. С. Ковальчук
(г. Горловка, РФ)***

УДК 81'373.612.2

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-138-144

LA METAPHORE DANS LE ROMAN D'ANNE GAVALDA «ENSEMBLE C'EST TOUT»

De plus en plus souvent, dans les discours et les écrits modernes, la métaphore est utilisée pour transmettre des idées. Dans l'Antiquité, la métaphore était un élément attractif et une figure de style dans le discours. L'orateur essayait de transmettre une idée et l'auditeur essayait de la comprendre. Dans le monde du XXI-ème siècle dans lequel nous vivons aujourd'hui, la durée d'attention du public est en constante diminution. C'est pourquoi, de nos jours, la métaphore est devenue un élément invariable de la forme du discours, non pas tant

pour démontrer le génie de l'orateur que pour maintenir l'attention de l'auditeur.

La métaphore est très répandue en français et dans d'autres langues. On pense souvent qu'elle est un trait caractéristique de la poésie et de la littérature. En fait, de nombreux mots et expressions familiers ont un sens métaphorique, même si nous ne nous en rendons généralement pas compte lorsque nous les utilisons.

L'idée de métaphore remonte à Aristote qui, dans sa Poétique (vers 335 av. J.-C.), définit la «métaphore» de façon suivante: «La métaphore est l'application d'un terme inconnu, soit transféré d'un genre et appliqué à une espèce, soit d'une espèce et appliqué à un genre, soit d'une espèce à une autre, soit par analogie» [1, c. 19]. L'aspect essentiel de la métaphore est donc le transfert spécifique d'un mot d'un contexte à un autre. On peut donc considérer que tout thème littéraire est une métaphore qui utilise l'histoire pour transmettre des informations sur la perception humaine du sujet en question. Les titres du roman d'A. Gavalda «Ensemble c'est tout» illustre l'idée que la métaphore transmet l'idée principale incarnée par l'auteur de cette oeuvre.

Il est impossible de donner une définition unique de la métaphore, car une multitude de chercheurs étudient ce phénomène et chacun d'entre eux l'envisage sous un angle différent.

Chaque mot ou phrase métaphorique contient une «idée clé» [5, p. 25]. Il s'agit du lien ou de la similitude entre le sens littéral et le sens métaphorique. Parfois, la même «idée clé» est exprimée par plusieurs mots et expressions différents. La métaphore est si courante qu'il est parfois presque impossible de parler de certains sujets en français sans utiliser des mots métaphoriques. Certaines idées métaphoriques de base sont partagées par de nombreuses métaphores. La plus importante d'entre elles est l'idée très générale selon laquelle les choses abstraites sont décrites comme si elles étaient concrètes ou avaient une existence physique.

La métaphore est importante pour enrichir un propos, le rendre unique et facile à transmettre. Bien qu'il s'agisse d'une technique ancienne, elle est souvent utilisée dans les œuvres modernes. Dans le texte du roman Anne Gavalda on utilise toute sorte de comparaisons métaphoriques pour faire comprendre les caractères des personnages et les rapports entre eux.

À l'époque de l'Antiquité classique, alors que les savants n'en étaient qu'aux prémices de l'étude de la métaphore et que les connaissances à ce sujet étaient très superficielles, ce moyen de langage figuratif et expressif était considéré comme une réduction de la comparaison, c'est-à-dire une comparaison dont étaient exclus les prédicats de similarité tels que «comme», les expressions comparatives telles que «si», «exactement», «comme» et «comme si». On élimine ainsi la comparaison principale, ses motifs, les circonstances de temps, d'espace et d'autres modificateurs [5, p. 31]. En grec moderne, le mot métaphore signifie également porter

ou transférer. Aristote a associé ce concept à la compréhension de l'art comme une imitation de la vie.

En fait, la métaphore d'Aristote est presque indiscernable de l'hyperbole-exagération, de la synecdoque, de l'allégorie, de la simple comparaison et de la personnification. Dans tous les cas, il y a un transfert de sens de l'un à l'autre. Ainsi, selon la définition d'Aristote, la métaphore n'est rien d'autre que «le transfert du nom ou de l'espèce à l'apparence, ou de l'espèce au genre, ou du genre à l'espèce, ou du semblable au semblable». Composer une bonne métaphore, c'est remarquer la similitude dans la nature» [4, p. 38]. Tirons quelques exemples du roman d'A. Gavalda en qualité d'illustration.

(1) –*Tu viendras me voir?*

– *Bien sûr que je viendrai! J'ai une belle moto, tu sais...*

–*Tu ne roules pas trop vite au moins?*

– *Tttt, une vraie tortue...*

– *Menteur...*

Elle lui souriait dans ses larmes.

– *Arrête ça, même, sinon je vais chialer, moi aussi...*[6, p. 21].

Dans le langage, la métaphore est un procédé rhétorique défini comme une comparaison directe de deux objets apparemment sans rapport. Dans la métaphore, le premier objet est décrit comme étant ou exactement égal au second. Ainsi, le premier objet peut être décrit de manière minimale parce que les attributs implicites et explicites du second objet sont utilisés pour améliorer la description du premier. Cette technique est utilisée dans la littérature et en particulier dans la poésie, où, à l'aide de quelques mots, les émotions et les associations d'un contexte peuvent être fermement reliées à un autre objet, différent [3, p. 146].

En linguistique cognitive, la métaphore est souvent considérée comme une caractéristique cognitive de base qui permet aux gens de voir naturellement des points communs dans des objets qui sont en fait différents, et ce comportement peut être nécessaire à la compréhension et à l'apprentissage. Cette caractéristique, appelée métaphore conceptuelle, est utilisée en psychothérapie par le biais de la métaphore thérapeutique, où des histoires sans rapport avec le patient sont utilisées pour enseigner une leçon sur la situation du patient. Bien que le mot métaphore signifie analogie dans les domaines linguistique et cognitif, cette utilisation va au-delà de la définition littéraire de la métaphore.

(2) *Elle était assise en face de lui à présent et lui souriait.*

C'était son arme fatale, sa botte secrète, son petit truc en plumes.

Sourire à un interlocuteur qui vous embarrasse, on n'a pas encore trouvé mieux pour passer à autre chose [6, p. 8].

Une métaphore est généralement une figure de style utilisée pour représenter un concept avec des caractéristiques communément associées

à un autre. Le langage littéral et figuré contient plusieurs grandes catégories de langage figuré qui sont classées comme métaphoriques.

De manière générale, la métaphore se définit comme un mode d'expression dans lequel une chose est exprimée par rapport à une autre, et cette association permet de porter un nouveau regard sur la nature de ce qui est décrit [2, p. 155] comme dans l'exemple:

(3) *Son sauveur se précipita dans la cuisine, mais l'autre rabat-joie l'attendait au bord de l'évier: «Mais, oui! Mais continuez... Et le dragon alors? Vous n'y allez pas, combattre le dragon?», «Oh, toi, ta gueule!» lui répondit Philibert. Il n'en revenait pas et repartit au chevet de sa malade le coeur plus léger. Finalement ce n'était pas si compliqué. C'est Franck qui avait raison: quelquefois un bon juron valait mieux qu'un long discours* [6, p. 59].

La définition basée sur le contraste et la comparaison des métaphores est également la plus typique: «La métaphore est un type de trope dans lequel des mots ou des expressions individuels sont rapprochés par la similitude de leurs significations ou par le contraste; il s'agit d'une comparaison décousue dans laquelle les deux termes sont toutefois facilement reconnaissables. En règle générale, le trope est formé sur le principe de la personnification, de l'objectivation, etc. Toutes les parties du discours (verbe, nom, adjectif) peuvent également servir de métaphore [1, p. 18]. Nous pouvons le voir dans l'extrait suivant:

(4) *Il s'est baissé pour prendre une ordonnance en soupirant avant de la regarder de nouveau droit dans les yeux:*

– *Vous ne vous nourrissez pas?*

– *Bien sûr que si je me nourris!*

Une grande lassitude l'envahit soudain. Elle en avait marre de tous ces débats sur son poids, elle en avait sa claque. Bientôt vingt-sept ans qu'on lui prenait la tête avec ça. Est-ce qu'on ne pouvait pas parler d'autre chose? [6, p. 8].

Selon une définition simple, la métaphore est la compréhension d'un concept dans le contexte d'un autre, de préférence lorsqu'il existe une certaine similitude ou corrélation entre les deux concepts. Prenons l'exemple de la phrase suivante:

(5) *Camille Fauque sortit d'un long sommeil avec un moineau, puis deux, puis trois, puis une volée d'oiseaux à l'oeil moqueur* [6, p. 28].

Encore un exemple frappant de l'utilisation de la métaphore:

(6) – *Attends, je le sais que t'es chez toi, je le sais bien, va... C'est pas ça le problème. T'invites qui tu veux, t'héberges qui tu veux, tu fais même les restos du cœur si ça te chante, mais merde, je sais pas moi... On faisait une bonne petite équipe tous les deux, non?*

– *Tu trouves?*

– *Ouais je trouve. D'accord j'ai mon caractère et toi t'as toutes tes obsessions débiles, tes trucs là, tes TOC, mais dans l'ensemble, ça roulait bien jusqu'à aujourd'hui...*

– Et pourquoi les choses changeraient-elles?

– Pfff... **On voit bien que tu connais pas les nanas, toi...** Attention, je dis pas ça pour te blesser, hein? Mais c'est vrai, quoi... Tu mets une fille quelque part et tout de suite c'est le bordel, vieux... **Tout se complique, tout devient chiant et même les meilleurs potes finissent par se faire la gueule**, tu sais... Pourquoi tu ricanes, là?

– **Parce que tu t'exprimes comme... Comme un cow-boy... Je ne savais pas que j'étais ton... ton pote** [6, p. 72].

L'utilisation efficace de la métaphore n'enrichit pas seulement le texte: si l'auteur utilise sa métaphore aussi efficacement que possible, elle peut facilement se transformer en citation. Par exemple:

(7) – Dites-moi, c'est chez vous ici?

– Euh, oui...

– Il y a combien de mètres carrés en tout?

– Un peu plus de trois cents...

– Eh bien! siffla-t-il, je vais peut-être vous sembler indiscret, mais vous faites quoi dans la vie, vous?

– **Arche de Noé.**

– Pardon?

– Non, rien [6, p. 65].

La métaphore est répandue dans tous les genres de discours et vise à influencer les émotions et l'imagination du destinataire. Ainsi, la métaphore est largement utilisée dans l'art oratoire et le journalisme depuis l'Antiquité. La métaphore est caractéristique de la polémique.

Cette figure de style est courante dans presque toutes les sphères de l'activité humaine. En effet, certains affirment que la métaphore est un instrument de pouvoir puissant qui peut être utilisé pour atteindre les coins les plus reculés de notre conscience. Cependant, lorsqu'ils parlent de l'utilisation étendue de ce trope, il est nécessaire de prendre en compte sa double nature, qui se manifeste dans l'interaction avec deux types de concepts différents, la comparaison d'objets, la dénotation métaphorique de leurs contrastes. Dans sa structure sémantique, une métaphore se compose de deux éléments: son sens (les propriétés réelles du sujet de la métaphore) et l'image de son sujet auxiliaire. Par conséquent, la base de la métaphorisation n'est pas constituée de concepts très clairs, et l'ambiguïté sémantique de la métaphore ne correspond donc pas à l'objectif de communication primaire. La métaphore encourage la pratique de ces formes de discours dans lesquelles les aspects expressifs et émotionnels-esthétiques sont présents. Elle est contenue dans les tournures phraséologiques, les aphorismes.

(8) – Ça? Une soupe?

– Parfaitement. Une soupe poireaux pommes de terre de chez Liebig...

– C'est de la merde. En plus tu l'as laissée brûler, ça va être

dégueulasse... T'as rajouté quoi là-dedans? ajouta-t-il horrifié, en soulevant le couvercle.

– Euh... **de la Vache Qui Rit et des morceaux de pain de mie...** [6, p. 69].

Cela explique la portée de l'utilisation des métaphores et, par conséquent, les fonctions de certains types de métaphores. Le plus souvent, ce trope se retrouve dans un texte de fiction, qui se caractérise par l'utilisation de tournures de discours ou de métaphores originales.

(9) – Eh ben, **si elle se retape avec ce truc-là, chapeau!** A mon avis, tu vas plutôt la faire caner, oui... Sur ce, il attrapa une bière dans le Frigidaire et alla s'enfermer dans sa chambre [6, p. 69].

(10) – Non justement, il ne travaille pas le lundi... Je ne sais pas ce qu'il fait... Il part assez tôt le matin et **revient toujours dans une humeur de dogue...** Problèmes familiaux, je crois... Tenez, servez-vous pendant que c'est chaud... [6, p. 69].

La principale différence fonctionnelle entre l'utilisation de métaphores dans un texte de fiction et un discours non fictionnel est la nature de l'information esthétique. La forme d'existence du sens esthétique est l'image artistique, dont l'une des caractéristiques est la diversité sémantique, la coexistence de plusieurs couches sémantiques dans le texte en même temps. La métaphore, qui peut être réduite à la catégorisation de concepts sémantiquement éloignés les uns des autres, est le principal mécanisme structurel de la formation du sens artistique.

Dans le même discours, la métaphore non artistique est utilisée pour créer une image conceptuelle et un contenu clair et facilement perceptible. Alors que l'art de la parole se caractérise par des métaphores originales, le langage abonde en métaphores éculées qui ont souvent une fonction nominative. Ces métaphores n'ont pas besoin d'être décryptées, car elles constituent déjà un modèle établi, le domaine de la langue, et elles sont usées, fanées, leur sens figuré est à peine perceptible dans le discours, mais elles rendent la langue de plus en plus riche.

(11) – Elle est là pour combien de temps?

– Plaît-il?

– Oh, ne fais pas ton malin, hein? Ta souris? Elle est là pour combien de temps?

– Aussi longtemps qu'elle le souhaitera...

– T'en pincas pour elle, c'est ça?

– Non.

– **Menteur. Je le vois bien ton petit manège...** Tes belles manières, tes airs de châtelain et tout ça...

– Tu es jaloux?

– Putain, non! Manquerait plus que ça! Moi, jaloux d'un tas d'os? Hé, y a pas marqué L'abbé Pierre, là! fit-il en désignant son front.

– *Pas jaloux de moi, jaloux d'elle. Peut-être que tu te sens un peu à l'étroit ici et que tu n'as pas envie de pousser ton verre à dents de quelques centimètres sur la droite?*

– *Alors, là, tout de suite... Les grandes phrases... À chaque fois que t'ouvres le bec, c'est comme si tes mots devaient rester écrits quelque part tellement qu'y sonnent bien...*[6, p. 72].

Ainsi, dans un texte littéraire, la métaphore possède deux propriétés sémantiques principales – représentative et figurative – mais elle remplit également une fonction constructive. Outre le texte artistique, tant en prose qu'en poésie, la métaphore est un moyen de variation des signes, permettant d'éviter la répétition.

(12) Philibert prenait toujours du chocolat au petit déjeuner et son plaisir, c'était d'éteindre le gaz juste avant que le lait déborde. Plus qu'un rite ou une manie, c'était sa petite victoire quotidienne. Son exploit, son invisible triomphe. Le lait retombait et la journée pouvait commencer: il maîtrisait la situation[6, p. 72].

Ainsi, dans le discours artistique et littéraire, la métaphore est utilisée pour désigner différentes fonctions, ce qui détermine l'utilisation spécifique de différents types de métaphores.

En conséquence, l'importance des métaphores dans la littérature moderne ne peut être sous-estimée. Les métaphores ne sont pas seulement des mots fantaisistes ajoutés à un récit pour le rendre plus sophistiqué. Elles ajoutent de la clarté et de la beauté au texte. Les métaphores permettent aux auteurs de transmettre des idées et des émotions complexes d'une manière accessible et attrayante. Elles contribuent à peindre des images vivantes dans l'imagination du lecteur, rendant l'histoire plus convaincante et plus mémorable. En outre, elles peuvent évoquer des émotions fortes, inciter à la réflexion et même remettre en question les normes sociales. En effet, le rôle des métaphores dans la littérature est aussi varié que les métaphores elles-mêmes.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авеличев, А. К. Заметки о метафоре / А. К. Авеличев // Вестник московского университета. – 1973. – №1. – 18–29 с.
2. Блэк, М. Метафора / М. Блэк // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – С. 155–172.
3. Брагина, А. Л. Метафора – стандарт – штамп / А. Л. Брагина // Вестник МГУ. – 1977. – №2. – С. 146–151.
4. Кожин, А. Н. Переносное употребление слова / А. Н. Кожин // РЯШ – 1954. – №3. – С. 38–42.
5. Кожин, В. В. Слово как форма образа / В. В. Кожин // Слово и образ. – М. : Просвещение, 1964. – С. 3–51.
6. Gavalda, A. Ensemble, c'est tout / A. Gavalda. – Paris : Le Dilettante, 2004. – 311 p.

АННОТАЦИЯ

Фефелова В.В., Ковальчук И. С. Метафора в романе Анны Гавальда «Просто вместе»

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-138-144

В статье анализируется роль метафоры в контексте романа «Ensemble c'est tout» Анны Гавальда. Всё чаще в современной письменной речи для передачи авторского видения мира используется метафора. В наши дни метафора стала обязательной частью интернет-дискурса для поддержания внимания и интереса адресата. В статье рассматривается суть понятия «метафора» в контексте современной художественной литературы; определяется роль и значение метафоры в рассматриваемом произведении.

Ключевые слова: метафора, фигура речи, троп, контекст, художественный текст.

SUMMARY

Fefelova V.V., Kovalchuk I.S. Metaphor in Anne Gavalda's novel "Just Together"

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-138-144

The article analyzes the role of metaphor in the context of the novel "Just Together" by Anna Gavalda. Increasingly, in modern written speech, metaphor is used to convey the author's vision of the world. Nowadays, metaphor has become an obligatory part of Internet discourse to maintain the attention and interest of the addressee. The article examines the essence of the concept of «metaphor» in the context of modern fiction; the role and meaning of metaphor in the work under consideration is determined.

Key words: metaphor, figure of speech, trope, context, literary text.

*Л. И. Харченко,
(г. Луганск, РФ)
А. С. Крутских
(г. Луганск, РФ)*

УДК 811.111'276.2'25

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-145-155

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКОГО СЛЕНГА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ

Изучение сленга и ненормативной лексики проводится не только российскими, но и зарубежными филологами уже долгое время. Сленг постоянно меняется и развивается, влияя на нашу

повседневную жизнь и культуру. С помощью сленговых выражений можно выразить любое отношение человека к действию или предмету, а также передать эмоции и создать атмосферу определённой ситуации. Язык и речь продолжают развиваться вместе с нашим обществом, культурой и изменениями в жизни. Сленг играет важную роль в английском языке, придавая ему индивидуальность и позволяя людям общаться на новом уровне. Сленг часто считается неприемлемым и ненормативным, но его присутствие можно заметить в различных сферах, включая радио, телевидение, газеты, интернет и литературу. Молодёжный сленг особенно привлекает внимание, так как молодое поколение часто подвержено влиянию субкультур и имеет свой собственный язык. Молодые люди имеют возможность неформально общаться с носителями языка, что делает сленг более доступным и популярным. Главной причиной появления сленга является стремление молодежи отделиться от взрослого мира и своих родителей. Несмотря на то, что сленг часто содержит сокращения и отличается от стандартного английского языка, он остаётся важной формой общения в различных сферах жизни.

Проблема перевода сленга являлась актуальной всегда. Разговорная речь постоянно подвергается изменениям, и это создает ещё больше трудностей в переводе, не говоря уже об использовании новых незакреплённых слов. Как правило, носителями сленга является молодёжь, люди от 12 до 30 лет. Сленг – это постоянное словотворчество, которое может быть понятно определённой группе людей, из-за чего у переводчика возникают затруднения, когда он слышит эти новые для себя слова.

Любой развитый литературный язык характеризуется множественностью и разнообразием функционально стилевых регистров. Одним из регистров является разговорная речь и, в частности, такой её участок, как относительно замкнутые сниженные разговорные жанры: просторечие, жаргон, арг, сленг.

Сниженные жанры обладают яркой национально – языковой и социальной спецификой, поэтому эти элементы чаще всего используются в произведениях художественной литературы для создания колорита и образной характеристики персонажа.

В художественной литературе сленг используется для создания более точного образа персонажа – в рамках речевой характеристики героя. При помощи сленговых выражений в речи персонажа писатель передаёт более точную его характеристику, позволяет нам почувствовать, более живо представить этого человека. Это также помогает нам лучше представить героя, отнести его к тому или иному слою общества, ассоциировать с собой или, наоборот, размежеваться с персонажем. Также использование сленга позволяет писателю создавать более разнообразные образы, чтобы читатели «на слух»

могли отличить одного персонажа от другого. Функция сленга в художественной литературе – речевая характеристика персонажа и идентификация его как принадлежащего к определённой социальному слою.

Устойчивость сниженной лексики строится на нормативном контрасте и отрицании языковой нормы. Однако сила нормативного отрицания в отдельных пластах сниженной лексики может отличаться от языка к языку.

Именно здесь возникают трудности при переводе подобной лексики с языка на язык – то, что недопустимо, но может время от времени использоваться в художественной литературе в одном языке, оказывается приемлемым в другом и наоборот. Большое значение получают нормативные структурно языковые и стилистические несоответствия между языками. Все данные обстоятельства делают сниженную лексику в высшей степени характерным объектом лингвистического и переводческого анализа.

Анализ и описание сниженной лексики может способствовать значительному углублению опыта межязыкового сопоставления, установления точных лингвокультурологических причин, обуславливающих предельные случаи межязыковых расхождений в переводе.

Большую проблему данные элементы представляют при переводе в силу различия образных выразительных расхождений между языками, которые с наибольшей силой проявляют себя в данной части языка.

Сленг – это динамичная система, которая постоянно развивается. С появлением новых тенденций старые слова забываются и появляются новые. Этот процесс проходит очень быстро. В молодёжном сленге за последнее десятилетие появилось и перешло в пассивный состав большое количество слов, в отличие от любого другого языка.

Сленг постоянно пополняется новой лексикой вместе с языком. Он создаёт и меняет его лексический состав. Это происходит не только из-за заимствований из различных языков, но и за счёт внутренней языковой системы – процессы словообразования и переосмысления уже существующих значений (вторичной номинации).

При всей неоднозначности отношения к сленгу сейчас без знания этого пласта английского языка и способа его адекватного перевода переводчику обойтись нельзя. В настоящее время опубликовано множество лингвистических работ, посвящённых проблеме перевода сниженной лексики, однако работ, посвящённых данному языковому пласту, написано немного. Изучение этой проблемы современного английского языка поможет переводчику лучше понимать и переводить разговорную речь, понимать остроты ассоциативный

план высказывания – то, без чего сейчас не может обходиться хороший переводчик.

Сленг может указывать кроме социального положения, ещё и на профессиональную среду говорящего. Ещё совсем недавно, примерно 50 лет назад, в английский язык внедрились выражения, которые считались сленговыми: “*of course*” – «конечно», “*to get up*” – «просыпаться», “*to take part*” – «принимать участие» [3, с. 28].

Также стоит обратить внимание на уже привычные для нас варианты утверждения и отрицания. Теперь и британцы стали употреблять в своём лексиконе слово “*yea*” вместо “*yes*”. Такой же вариацией могут служить примеры слова “*yes*” в “*yap*”. Отрицание может перейти из “*no*” (*нет*), в “*nope*”. Некоторые слова из сленга являются важными для понимания. Например, “*an elevator*” (*лифт*) в Великобритании называется “*a lift*”. “*Restroom*” (*туалет*), как правило, – это “*loo*”, или же в Америке могут сказать “*bathroom*”. Часто можно заметить надпись “*WC*” (*water closet*) – *уборная*. Словом “*chips*” будет называться картофель по-французски, а картофельные чипсы имеют название “*crisps*”.

Существуют слова сленга, указывающие на расовую принадлежность. Обычно, использование этих слов считается оскорбительным, но существуют исключения, когда представитель одной расы называет тем самым словом представителя этой же расы. Например, в Америке человек с белой кожей может назвать другого белокожего “*cracker*”, естественно, при условии, что его оппоненту будет не обидно. Что касается автомобиля, следует знать особые специфические слова. Например, для обозначения заправки, обычно используется слово “*petrol*” или “*gas*”, для бензиновой и газовой станций.

Для обозначения человека, принадлежащего к темнокожей расе, имеется существительное “*coco*” – в переводе на русский «*кокосовый*» – чернокожий или цветной. Как правило, использовать его может только чернокожий по обращению к другому чернокожему.

С более яркой эмоциональной окраской существует обращение человека с тёмной кожей к другому чернокожему “*nigger*”. Это очень грубое, одно из самых вульгарных слов. Использование такого обращения к афроамериканцу человеком со светлой кожей может разжечь расовый конфликт, но оно широко используется при общении двух людей с чёрной кожей. Тем не менее, это очень грубое слово при его использовании не чернокожим к чернокожему человеку.

Сленг используется не только в устной речи, но и на письме. В чате, в комментариях к видео американцы часто используют аббревиатуры, чтобы как можно быстрее передать свою мысль.

Своё обозначение имеют даже числовые вариации. Очень выгодно вместо слова “*for*” – «*для*» использовать конкретное число «*4*». Такой

способ значительно экономит время для печати сообщения или комментария. Также есть примеры для “at” – «8» и “to” или “too” – «2». Также в английских чатах широко используются сокращения. Непосвящённый человек просто не сможет их понять с первого раза.

Нами было проведено исследование в американских чатах. Очень часто вместо местоимения “you” можно увидеть обычную букву “u”. Также можно заметить замену “you” на “ya” и притяжательного местоимение “your” на “ur”. Буква “r” будет расшифровываться как глагол “are”. Вопрос «Как дела?» в английском чате выглядит, как “How r u?”. Часто, чтобы не тратить время на печать вопроса, используют обычные предлоги или подлежащие. Таким образом, ёмкое “What is your name?” стало компактным “Name?”. Или вместо “Where are you from?” можно наблюдать одинокое “From?”. “M’okay” означает тоже, что и “I’m OK”.

Часто можно найти в англоязычных чатах буквосочетание “WBU”. Это ещё одна аббревиатура со значением “What about you?”. Пример:

“– Hey, how you been doing? – Good wbu? – Same”. «– Привет, как поживаешь? – Нормально, сам как? – Так же».

Часто, общаясь в чате с американцем, можно заметить отсутствие апострофов и некоторых гласных во вспомогательных глаголах. Так, отрицание вспомогательной частицы настоящего времени “Don’t” превратилось в “Dnt”. Модальный глагол, указывающий на умение, возможности что-либо сделать “can’t”, сократился до “cnt”, а его прошедшая форма “could” в “cd”. В слове “maybe” вообще удалились все гласные, и образовалось сленговое слово “mb”. То же произошло со словосочетанием “not much”. Например, на языке сленга диалог в чате: «– Чем занимаешься? – Ничем», выглядит так: “– What r u doing? – Nm”.

“Be back” также сократилось. Из двух слов образовались всего две буквы. “Bb, my mother wants me” – «Сейчас приду, меня мама зовёт». “OK” также потерпело перемены в письменном английском – “k”.

На сегодняшний день сленг является сложным и относительно малоизученным разделом в теории перевода. Это объясняется тем, что сленг многогранен и подвижен. При переводе сленга важно обращать внимание на контекст и сделать всё возможное для того, чтобы значение оригинала было максимально точно передано средствами языка перевода. Также не стоит забывать о том, что переводчику следует сохранять при переводе стилистические средства и фигуры речи, которые есть в исходном тексте.

Сленг с его необычайным семантическим богатством, с его поразительным разнообразием ассоциаций, с его большой эмоционально-воздействующей силой и сравнительно большой доступностью для понимания, представляет собой

эффективное средство с точки зрения проявления человеком своей индивидуальности, передачи своих мыслей и чувств в самых разнообразных ситуациях. Для перевода сниженной лексики и просторечия можно использовать те же способы перевода, что и для перевода литературной лексики [2, с. 54].

Перевод – это процесс межъязыковой коммуникации, при котором переводчик использует определённую стратегию, а именно: определить цель перевода, тип переводимого текста, характер предполагаемого рецептора перевода. Выбирая стратегию, переводчик определяет и соотносит эквивалентность и адекватность перевода текста.

Перед переводчиком встаёт сложная задача, которая заключается в максимально точной передаче перевода без искажения смысла и задумки автора.

Воспроизведение коммуникативного эффекта оригинала при переводе на сегодняшний день по-прежнему остаётся одной из основных проблем переводчика. Безусловно, перевод с одного языка на другой является сложным заданием, будь то журнал, газета или литературное произведение. Сленговые выражения – не исключение. Перевод сленгизмов является трудной задачей из-за того, что не всегда удаётся подобрать подходящий аналог, а также в словарях нет установленного определения «сленг». По этой причине переводчик сталкивается с трудностями в поиске сленговых выражений.

Нередко можно заметить, что в словарях сленговые выражения или слова обозначены пометкой «разг.» или «прост.», то есть разговорная лексика или просторечие. На протяжении какого-то времени эти границы могут стираться, а слова меняться местами и переходить из одного типа в другой. Поэтому переводчик может использовать просторечие или разговорную лексику при отсутствии соответствий в сленге.

Следовательно, при переводе сленговых выражений переводчик может столкнуться с рядом трудностей, для обхода или избегания которых существуют несколько основных способов:

- 1) прямой или буквальный способ перевода: транскрипция / транслитерация; калькирование;
- 2) непрямой или косвенный способ: конкретизация; генерализация; лексическая замена.

Мы считаем, что в данной работе целесообразнее использовать терминологию В. В. Сдобникова. Он называет эти способы интерлинейарным и трансформационным переводам [4, с. 98].

Первый способ является мало приемлемым при переводе сленга, так как он нарушает основные принципы переводческой адекватности и узуальные нормы языка перевода. Он может быть

использован только в том случае, когда значение калькируемого или транслитерируемого слова хорошо известно или понятно из контекста. В иных случаях требуется пометка или комментарий от автора. Также можно выделить три переводческих приёма относящихся к первому способу: транскрипция, транслитерация и калькирование. Их применение возможно лишь при условии, что значение транскрибированного, транслитерированного или калькированного слова понятно из контекста и перевод не нарушает узуальные нормы и принципы адекватности и эквивалентности. В качестве примера рассмотрим устоявшийся на сегодняшний день сленгизм *“rofl”*, который можно перевести с помощью приёма транслитерации как *«рофлить»*, означающий «кататься под столом от смеха, хохотать», примером для транскрибирования может послужить сленгизм *“bro”*, означающий *«братан, приятель»*.

Второй способ подразумевает перекодировку семантических и стилистических значений той или иной сленговой единицы с учетом культурных и языковых особенностей носителя языка перевода, с целью создания схожего с оригиналом воздействия на читателя. Данный способ является наиболее приемлемым, т.к. он позволяет учитывать не только смысловую сторону перевода, но также и его стилистическую сторону.

Профессор Института иностранных языков им. М. Тореца, лингвист Л. С. Бархударов выделяет следующие трансформации [1, с. 83]:

- 1.) лексические;
- 2.) грамматические;
- 3.) лексико-грамматические.

Итак, давайте подробнее рассмотрим трансформации, которые наиболее часто используются при передаче сленга.

Лексическая трансформация:

1. Конкретизация – сужение смысла слова. Данный приём используется в целях уточнения или вычисления каких-либо дополнительных характеристик предмета. Например: *“Sup, man?”* – *«Че каво, чувак?»*; *“Heu, man. How it is going?”* – *«Привет, чувак. Как дела?»*;

2. Целостное преобразование-изменение отдельного слова, а порой и целого предложения. Например: *“Shut up!”* – *«Заткнись»*;

3. Модуляция (смысловое развитие) – замена словарного соответствия при переводе контекстуальным, лексически связанным с ним. Сюда можно отнести метафору и метонимию. Рассмотрим примеры: *“Here we go!”* – *«Понеслась!»*; *“Holy smokes!”* – *«Чёрт возьми!»*

Итак, рассмотрим следующую трансформацию, выделенную Л. С. Бархударовым, а именно грамматическую, которая содержит: добавление, опущение, замену, антонимический перевод и описательный.

1. Добавление – введение дополнительных слов для конкретизации лексической единицы и расширения текста перевода. Приведём в пример слова, которые требуют приёма добавления в переводе, итак: *“There are people who think you are scrum”* – «Люди вокруг думают, что вы мрази». Для правильного перевода данных и многих других терминов переводчику требуются знания экстралингвистических факторов.

2. Опускание – приём, противоположный добавлению. В данном случае происходит сокращение текста перевода за счёт извлечения из перевода грамматически избыточных элементов или парных синонимов. Например: *“What the hell are you doing?”* – «Что ты делаешь?».

3. Замена – приём перевода, при котором грамматическая единица в оригинале преобразуется в единицу переводящего языка с иным грамматическим значением. Замене подвергается грамматическая единица любого уровня: словоформа, часть речи, член предложения, предложение определённого типа. Рассмотрим несколько примеров данного приёма: *“We should be swapping tips”* – «Мы должны доверять друг другу»; *“Hey, Adam, how’s a trick?”* – «Хей, Адам, как жизнь?».

Лексико-грамматическая трансформация:

1. Антонимический перевод – замена утвердительной формы единицы исходного языка на отрицательную форму в языке перевода, и наоборот, с заменой лексической единицы одного языка на единицу другого противоположным значением. Примером для данного способа перевода является предложение: *“Who cares? Last night, when she showed me her wound I wept”* – «Мне пофиг? Когда она прошлой ночью показала рану, я зарыдал».

2. Описательный перевод – замена исходной единицы словосочетанием, описывающим более точное объяснение, либо определением значения этой единицы на языке перевода. Например: *“He’s proud of something he really suck at”* – «Он гордится тем, в чём он полный ноль».

Также стоит подчеркнуть, что в ситуациях, где в тексте оригинала присутствуют различные ругательства, табуированная лексика, которые не могут использоваться в переводе из-за цензуры, переводчик использует эвфемистический приём перевода. Данный приём может быть применён при замене лексических единиц с грубой, сильной экспрессией на единицы языка перевода с менее сильной экспрессией. Итак, рассмотрим пример: *“What the f**k are you doing here?”* – «Какого чёрта ты здесь делаешь?».

Однако данный приём не следует применять часто при переводе текста, поскольку исходный текст теряет свою эмоциональную окраску, а также свой речевой образ и стиль автора.

Перевод английского сленга требует от переводчика креативности, гибкости и понимания целевой аудитории. Важно не только передать слова, но и сохранить тот самый дух и стиль, который присущ английскому сленгу.

Перевод сленга представляет собой особый вызов для переводчика, так как это явление часто связано с культурными и социальными нюансами. Метод «эквивалентов» в переводе сленга подразумевает поиск наилучших аналогов или эквивалентов сленговых выражений в целевом языке. Этот метод направлен на передачу того же смысла и эмоционального окраса, который содержится в оригинале. Перечислим некоторые аспекты этого метода:

Поиск аналогичных выражений: переводчик исследует сленговые выражения и термины в целевом языке, которые могут иметь схожий смысл или тот же социокультурный окрас. Это может включать в себя местные сленговые термины, идиомы или разговорные выражения.

Принятие местных сокращений и аббревиатур: в разных культурах существует множество сокращений и аббревиатур, которые могут быть эквивалентами английского сленга. Переводчик может использовать такие формы для передачи того же стиля и настроения.

Подбор аналогов в субкультуре: если сленг связан с какой-то конкретной субкультурой, переводчик может обратить внимание на существующие термины и выражения в субкультуре целевого языка. Такой подход может сделать перевод более аутентичным.

Сохранение тонкостей и нюансов: переводчик стремится сохранить те же стилистические особенности, игры слов, и эмоциональные оттенки, которые присутствуют в оригинале. Это важно для передачи аутентичности сленговых выражений.

Адаптация к лингвистическим особенностям: переводчик учитывает специфические особенности лингвистики целевого языка, чтобы выбрать выражения, которые максимально точно передают смысл сленговых терминов.

Оценка реакции аудитории: важно также учитывать, как целевая аудитория может воспринять предлагаемые эквиваленты. Отклик аудитории может помочь доработать перевод для лучшего соответствия ожиданиям. Этот метод требует от переводчика глубокого понимания обеих культур и языков, а также креативности в выборе аналогов. Он позволяет сохранить аутентичность и стиль сленга, делая его более понятным и релевантным для целевой аудитории.

Объяснение в контексте: в некоторых случаях, особенно если близкого аналога нет, переводчик может встроить объяснение в текст или диалог, чтобы читатель или слушатель мог понять смысл сленгового выражения.

Локализация в контексте перевода сленга представляет собой метод, который учитывает не только языковые особенности, но и культурные, социальные и региональные нюансы для максимально точной передачи значения и эмоциональной окраски сленговых выражений в целевом языке. Перечислим некоторые ключевые аспекты локализации сленга.

Использование местных сленговых терминов: локализация включает в себя замену оригинальных сленговых выражений аналогичными, широко используемыми в данной культуре. Это может включать в себя местные жаргоны, выражения и термины, которые близки к оригиналу.

Учёт социокультурного контекста: при локализации важно учитывать социокультурные особенности целевой аудитории. Определённые выражения могут иметь разные оттенки в разных культурах, и локализация помогает адаптировать их к местным ожиданиям.

Привлечение культурных референтов: локализация может включать использование культурных референтов, таких как популярные персонажи, события или явления, чтобы заменить оригинальные сленговые элементы, которые могут быть непонятны или утратить свою силу в другой культуре.

Адаптация к лингвистическим особенностям: локализация учитывает не только смысл и контекст, но и лингвистические особенности целевого языка. Это включает в себя адаптацию грамматики, фонетики и лексики под стандарты целевого языка.

Соблюдение стандартов поведения: локализация может также включать в себя адаптацию поведенческих норм и стандартов целевой культуры. Это особенно важно в случаях, когда сленговые выражения могут быть связаны с определённым образом жизни или социальными нормами.

Локализация сленга требует глубокого понимания как языковых, так и культурных особенностей. Она позволяет сделать перевод более доступным и близким к местным реалиям, что особенно важно при работе с контентом, направленным на определённые регионы или аудитории.

Задача переводчика усложняется тем, что ему требуется найти такие выразительные средства, которые были бы семантически и стилистически равноценно приемлемыми в оригинале, знакомыми основной массе читателей, на которых рассчитан перевод, и в то же время достоверны в отношении того, что их знает действующее лицо произведения. Переводчику следует также помнить, что в образовании единиц сниженной лексики часто участвует метафора, особенно это относится к жаргону и сленгу, поэтому часто приходится прибегать к переводу через образ. Поэтому, лишь точное знание

значений лексем, их семантических и стилистических особенностей, стиля и образной системы переводимого текста является основным критерием перевода сниженной лексики.

Сленговую речь англоязычных представителей можно понять на интуитивном уровне, но такой путь перевода может оказаться рискованным, так как этот язык не является для нас родным. Если возникли сомнения при переводе того или иного слова, наилучшим способом будет посмотреть в словарь английского сленга, либо спросить своего собеседника, желательно если вы в неофициальной обстановке, т.к. незнание конкретного слова может указать на Вашу некомпетентность. Хотя Вы и не обязаны знать язык сленга, если Ваш оппонент решил им воспользоваться, обычно это значит, что он уверен в том, что Вы его понимаете.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бархударов, Л. С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода/ Л. М. Бархударов. – Текст: непосредственный// Москва: Международные отношения. – 1975. – С. 237. – ISBN: 978-5-382-00577-5.
2. Комиссаров, В. Н. Современное переводоведение. Курс лекций / В. Н. Комиссаров ; Москва: ЭТС. – 2002. – С. 138. – ISBN5-93386-015-8.
3. Пантелеева, И. И. Сленг в современном английском языке [Электронный ресурс] / И. И. Пантелеева, К. С. Бенционик, А. С. Чобан, А. А. Каленов // Юный ученый. – 2016. – № 5 (8). – С. 28–30. – Текст : электронный. – URL: <https://moluch.ru/young/archive/8/550/> (дата обращения: 15.05.2024).
4. Сдобников, В. В. Теория перевода: учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков / В. В. Сдобников, О. В. Петрова. – Текст : непосредственный // Москва: Восток–Запад, 2007. – С. 448. – ISBN 5-478-00306-9.
5. Снегирёв, Ф. В. К вопросу об определении понятия «сленг» / Ф. В. Снегирёв // Молодой ученый. – 2018. – № 9. – С.199–202. – Текст : электронный. – URL: <https://moluch.ru/archive/195/48587> (дата обращения: 15.05.2024).

АННОТАЦИЯ

Харченко Л. И., Крутских А. С. Проблемы перевода английского сленга в художественной литературе и повседневной речи

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-145-155

Статья посвящена анализу проблем перевода сленга в художественной литературе и повседневной речи. Актуальность обусловлена тем, что сленг постоянно развивается, изменяется и

отходит от стандартного языка. В статье представлены возможные проблемы и особенности перевода упрощённых языковых единиц с примерами.

Ключевые слова: сленг, особенности перевода сленга, переводческие трансформации.

SUMMARY

Kharchenko L. I., Krutskih A. S. The Problems of Translating English Slang in Fiction and Everyday Speech

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-145-155

The article is devoted to the analysis of the problems of slang translation in fiction and everyday speech. The relevance is due to the fact that slang is constantly evolving, changing and moving away from the standard language. The article presents possible problems and features of the translation of simplified language units with examples.

Key words: slang, features of slang translation, translation transformations.

*Л. И. Харченко,
Е. А. Мартыненко
(г. Луганск, РФ)*

УДК 811.111'373.43:821.111-31.09:929Кэрролл

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-155-166

ФУНКЦИИ И ОСОБЕННОСТИ АВТОРСКОГО НЕОЛОГИЗМА В АНГЛИЙСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Л. КЭРРОЛЛА «АЛИСА В СТРАНЕ ЧУДЕС», «АЛИСА В ЗАЗЕРКАЛЬЕ», «ОХОТА НА СНАРКА»)

Современный мир находится в постоянном развитии и изменения, а также социально-значимые открытия в экономической, социальной, технологической и культурной сфере жизни человека оказывают непосредственное влияние на словарный состав языка, образуя тем самым особый пласт лексики – неологизмы.

Неологизмы, согласно Н. М. Шанскому, – «...это слова, которые, появившись в языке в качестве определённых значимых единиц, ещё не вошли в активный словарный запас языка. Они до тех пор лишь и остаются неологизмами, пока окончательно не освоятся и не войдут в активный запас лексики, пока воспринимаются как слова, имеющие оттенок свежести и необычности» [6].

Часть неологизмов приходит в язык из художественной речи писателей и поэтов, в связи с этим, в зависимости от условий

создания, наряду с общеязыковыми неологизмами, появившимися вместе с новыми понятиями или реалиями и составляющими большую часть общего количества неологизмов, исследователи выделяют индивидуально-авторские (авторские) или окказиональные неологизмы, которые, как правило, представляют собой наиболее сложный для перевода пласт лексики, поскольку являются новыми лингвистическими единицами, и, в силу своих особенностей, представляют собой безэквивалентную лексику в языке перевода.

Актуальность данной статьи обусловлена важностью существования авторского неологизма как основополагающей части литературного стиля автора, а также необходимостью осуществления перевода авторского неологизма с особой точностью. Поскольку пренебрежение понятием репрезентативности при переводе приводит к искажению коммуникативной задачи текста и утрате авторскими неологизмами специфических и стилеобразующих черт в произведении.

Цель данной статьи заключается в анализе особенностей и выявлении функций авторского неологизма в художественной литературе на материале произведений Л. Кэрролла «Алиса в Стране чудес», «Алиса в Зазеркалье», «Охота на Снарка» и их переводов на русский язык.

Вопросам неологии и авторской неологии были посвящены труды исследователей: В.Г. Гака, И.В. Арнольда, Н.З. Котеловой, В.И. Заботкиной, Т.В. Поповой, А.А. Брагиной, В.В. Лопатина, Е. А. Земской и других.

Согласно Т. В. Жеребило, авторские неологизмы – это «новообразования, создаваемые поэтами, писателями, публицистами <...> Подобные слова так и остаются неологизмами: они не переходят в активный словарь. Отдельные авторские образования с течением времени входят в активный словарь» [4, с. 216]. В энциклопедическом словаре-справочнике лингвистических терминов и понятий содержится следующее определение авторских неологизмов: «Новообразования, которые создаются различными авторами, но чаще всего не становятся достоянием языка. Они могут очень долго сохранять свою свежесть и долгие годы оставаться окказиональными» [7, с. 416].

Таким образом, можно сделать вывод, что авторские или окказиональные неологизмы – это слова или словосочетания, введённые в употребление конкретными авторами для обозначения новых или выдуманных явлений действительности, предметов и понятий. Цель данных неологизмов – усиление экспрессивности и придание образности художественному тексту для эстетического воздействия на читателя. Как замечает Е. А. Земская: «Авторские неологизмы реализуют индивидуальную творческую компетенцию говорящего <...> они ориентированы не на правила, общие для

носителей языка, но на способности индивидуума использовать возможности, заложенные в системе языка» [5, с. 180]. Заметим, что авторами подобных новообразований могут становиться не только писатели, но и простые люди, в частности дети, например, авторские неологизмы, созданные детьми, «*нахомячился*», «*пантигрята*», «*пчелинник*», «*дыркодел*». Однако, заметим, что бытовые неологизмы (придуманные детьми и взрослыми), как правило, возникают в устной речи непроизвольно, в особенности детской, из-за недостаточного владения словарным запасом языка или возникают на ассоциативном уровне и не фиксируются на письме, тогда как авторские неологизмы являются результатом сознательного словотворчества и создаются с определённой целью.

Индивидуально-авторские неологизмы редко выходят за пределы контекста определённого произведения автора, не получают широкого распространения и часто остаются принадлежностью индивидуального стиля автора, но их новизна и необычность сохраняются. Несмотря на то, что авторские неологизмы своеобразны и неповторимы, автор не ставит перед собой задачу ввести в употребление изобретённые им слова, хотя иногда наиболее удачные и коммуникативно-значимые авторские неологизмы перенимаются языковым коллективом и попадают в словарный состав языка. К основным особенностям, отличающим авторские неологизмы от узуальных слов, следует отнести:

- принадлежность к речи, поскольку авторское словообразование представляет собой нарушение лексической нормы языка;
- творимость, объясняющаяся созданием нового слова для конкретного случая употребления;
- словообразовательная производность;
- зависимость от контекста;
- экспрессивность, заключающаяся в усилении впечатления от речи;
- индивидуальная принадлежность;
- неожиданные форма и содержание.

К основным причинам, побуждающим писателей к созданию индивидуально-авторских новообразований, относятся [1]:

- а) необходимость точного выражения мысли, при невозможности передачи с помощью общеупотребительной лексики;
- б) стремление кратко выразить мысль, поскольку авторский неологизм может заменить словосочетание или предложение;
- в) потребность подчеркнуть своё отношение к предмету речи, дать ему свою характеристику, оценку;
- г) стремление своеобразным обликом слова привлечь внимание на его семантику, деавтоматизировать восприятие;
- д) потребность избежать тавтологии.

Авторские неологизмы – возможность показать, на что способен язык при создании новых слов, поскольку авторское словообразование отличается нарушением законов узуального словотворчества, как отмечает Е. А. Земская. Несмотря на это, существует несколько основных способов образования авторских неологизмов:

1) словообразовательная деривация – образование новых слов из существующих в языке морфем по известным (обычно продуктивным) моделям. Наиболее распространены такие способы словообразования авторских неологизмов, как суффиксация, префиксация, префиксально-суффиксальный способ, сложение основ (словосложение), усечение основ (обратная деривация), сращение и конверсия;

2) семантическая деривация – расширение семантического объёма слова, придание ещё одного значения уже существующему слову;

3) заимствование слов из других языков или из некодифицированных подсистем данного языка – из диалектов, просторечия, жаргонов.

Е. А. Земская отмечает, что основной движущей силой для создания авторских неологизмов является аналогия. Однако, заметим, что при создании собственного неологизма автор вправе использовать любой, наиболее выгодный способ создания слова, благодаря которому будет передан смысл новообразования.

При наличии авторских неологизмов в иноязычном художественном тексте возникает проблема выбора способа перевода, поскольку переводчику необходимо отразить не только коммуникативную задачу текста, но и сохранить, а также передать тон, функциональный стиль и авторское отношение. Основная трудность для переводчика заключается в том, что авторские неологизмы не закрепляются в словарях и справочниках, поэтому их содержание и толкование могут вызвать трудности при поиске эквивалента на другом языке.

Согласно В. С. Виноградову, в сфере перевода при воссоздании общезыковых неологизмов у переводчиков обычно не возникает особых проблем. Объясняется это тем, что такие неологизмы зачастую относятся к научно-технической сфере и переводятся по общим правилам: «либо с помощью эквивалентного неологизма, имеющегося в языке перевода, поскольку схожие процессы научно-технического прогресса, которые присущи развитым странам, а также активное распространение научных, технических, бытовых и культурных инноваций, приводит к практически одновременному возникновению многих равноценных неологизмов в разных языках, либо транскрибируются или переводятся описательно» [2].

Индивидуально-авторское словотворчество же, по мнению В. С. Виноградова, представляет важную особенность прежде всего и в художественной речи, и в переводе, поскольку «окказиональные слова – достояние речи. Они всегда экспрессивны, создаются конкретным автором, порождаются целями высказывания и контекстом, с которым связаны и вне которого обычно не воспроизводятся. Даже в обычной речи основная их функция не номинативная, как у простых неологизмов, а характеристическая <...> Вошедшее в язык слово теряет колорит необычности и новизны, но для окказиональных слов в художественной речи важно быть «неожиданными», важно привлечь внимание к своеобразию своей формы и содержания, важно дать понять читателю, что эти слова не воспроизводятся в речи, а творчески создаются в ней» [2, с. 64].

Обзор литературы позволяет нам выделить следующие основные способы перевода авторских неологизмов:

1. Транскрипция.
2. Транслитерация.
3. Калькирование.
4. Функциональная замена.

В особых случаях при переводе авторских неологизмов могут использоваться метод компенсации и метод опущения.

Также следует отметить, что при переводе авторских неологизмов, для переводчика крайне важным является контекст конкретного произведения, который играет ключевую роль в понимании смысла написанного, которое содержит новые словообразования.

Общепризнанным шедевром не только английской, но и мировой классической литературы, является знаменитая сказка английского писателя Л. Кэрролла “Alice’s Adventures in Wonderland” («Алиса в Стране чудес»), её культовое продолжение “Through the Looking-Glass, and What Alice Found There” («Алиса в Зазеркалье») и не менее знаменитая юмористическая поэма “The Hunting of the Snark” («Охота на Снарка»).

По мнению Н. Демуровой, переводящей данные произведения, книги Л. Кэрролла о приключениях Алисы, относятся «к числу самых трудных для перевода произведений мировой литературы» [3].

Особенность творчества Л. Кэрролла заключается в его необычной манере письма – в своих текстах он активно использовал приём абсурда, игру слов и авторский неологизм.

Для переводчиков особенности текстов Л. Кэрролла представляют собой особую сложность, поскольку информация, являющаяся для английского читателя относительно фоновым знанием, для читателя перевода – незнакома и непонятна. При переводе произведений в жанре фэнтези крайне тяжело передать смысл оригинала в переводе,

сохраняя при этом красочность языка оригинала, поэтому, например, использование сносок или описательного перевода при переводе авторских неологизмов не всегда может быть успешным решением.

Таким образом, основная задача переводчика заключается в воссоздании оригинального произведения на язык перевода с минимальными потерями, а главное – с сохранением образности, заложенной автором оригинала.

Несмотря на то, что книги о приключениях Алисы были переведены на почти 50 языков, причём не единожды, включая такие редкие как суахили, эсперанто и язык австралийских аборигенов, единого принципа их перевода не существует до сих пор, и переводчики прибегают к различным способам перевода для максимально адекватной передачи авторских неологизмов.

Приведём несколько примеров авторских неологизмов для анализа особенностей и функций данного явления в художественном тексте.

В сказке «Алиса в Стране чудес» Л. Кэрролла главная героиня произносит фразу “*Curiouser and curiouser!*”, которая содержит морфологический авторский неологизм, образованный при помощи словообразовательной деривации. Авторский неологизм “*curiouser*”, образован по аналогии со схемой образования степеней сравнения английских прилагательных, но вместо правильного варианта “*more curious*” Л. Кэрролл, для привлечения внимания читателя, использует свой вариант написания данного слова – неправильную форму сравнительной степени прилагательного. Данное словообразование вводится в текст для того, чтобы передать удивление героини, которое было настолько сильным, что она забыла, как правильно разговаривать. Для передачи данного авторского неологизма на русский язык переводчиками были подобраны наиболее удачные способы его перевода, с помощью которых удалось передать стилистически маркированную «ошибку автора», например, «*Чем дальше, тем страньше!*» (перевод Д. Ермоловича при помощи метода калькирования) и «*Странновщина какая-то!*» (перевод Ю. Изотова с помощью метода функциональной замены).

Авторский неологизм “*Seaography*” также образован путём словообразовательной деривации с помощью сложения основ “*sea*” – «*море*», “*graphy*” – «*графика*» и соединительной гласной “*o*”. На русский язык данный неологизм был передан с помощью метода калькирования Ю. Изотовым – «*Мореграфия*» и метода функциональной замены – «*Крабика*» (перевод А. Козлова).

Авторский неологизм “*Jabberwock*”, содержащийся в тексте сказки «Алиса в Зазеркалье», рассматривается как синтез слов “*jabber*” – «*бормотать*», «*тараторить*» и староанглийского “*wocer*” или “*wocor*”, означающих «плод», «отпрыск», то

есть буквально данный неологизм имеет значение – «результат возбужденной болтовни». Следовательно, данный неологизм является морфологическим, образованным с помощью словосложения, путём словообразовательной деривации. На русский язык данный неологизм был передан с помощью полукальки «*Болтобрас*» (перевод И. Сирина), «*Болтохваст*» (перевод И. Трудюлюбовой).

Следующий авторский неологизм “*Brillig*” объясняется как «время, когда начинают готовить обед» (приблизительно четыре часа вечера) и образован с помощью словообразовательной деривации от “*to broil*” – «жарить на открытом огне». На русский язык данный авторский неологизм был передан с помощью функциональной замены, например, Л. Яхнин предлагает вариант «*червело*», который, по нашему мнению, образован путём сложения форм «*вечереть*» и «*чернеть*», И. Трудюлюбова предлагает вариант «*сквернулось*», Е. Ключев переводит авторский неологизм как «*чайнело*» (от «время подавать чай»), И. Сирин предлагает не менее интересный вариант перевода «*был варганец*» (от «время варганить обед»).

Следующий авторский неологизм “*slithy*” также образован с помощью словообразовательной деривации, путём словосложения двух форм “*slimy*” – «слизистый» и “*lithe*” – «гибкий, юркий». А. Щербаков предлагает кальку «*юрзкие*», образованную от слов «юркие» и «мерзкие». В. Орел переводит неологизм как «*скойкие*» с помощью приближённого перевода от форм «бойкие» и «скользкие». Л. Яхнин, основываясь на значении прошлого неологизма, вводит вариант «*ужные*» (от «ужин»), И. Трудюлюбова при переводе данного неологизма воспользовалась методом компенсации и передала неологизм на русский язык как «*в куве прыгскокой*» (от «в кудрявой траве»).

Авторский неологизм “*uffish*” образован Л. Кэрроллом по аналогии с ассоциативным рядом слов, которые описывают такое состояние души, когда «the voice is gruffish («хрипловатый»), the manner roughish («грубоватый»), and the temper huffish («раздражительный»)). На русский язык данный неологизм передаётся с помощью функциональной замены: А. Щербаков предлагает следующий вариант перевода данного окказионализма – «*тяглодумчиво*», И. Трудюлюбова предлагает вариант «*грустел*».

Авторский неологизм Л. Кэрролла “*to chortle*”, образованный путём словообразовательной деривации с помощью словосложения форм “*chuckle*” – «фыркать от смеха» и “*snort*” – «фыркать, пыхтеть, хрюкать (о животном)» вошёл позднее в Оксфордский словарь в значении «фыркать от удовольствия, смеяться сдавленным смехом». В переводах на русский язык нами был выделен креативный перевод И. Сирина, который при помощи функциональной замены предложил вариант «*зачфыркал*».

Авторские неологизмы “*Rocking-horse-fly*”, “*Snap-dragon-*

fly”, “*Bread-and-Butterfly*” были введены Л. Кэрролом для обозначения необычных насекомых зазеркальной страны и созданы с помощью различных способов словообразования. Например, неологизм “*Rocking-horse-fly*”, созданный сложением форм “*rocking-horse*” «лошадка-качалка» и “*horse-fly*» «слепень», в силу объяснения особенностей внешнего вида был переведён Н. Демуровой с помощью функциональной замены как «Баобабочка». Авторский неологизм “*Snap-dragon-fly*” был создан с помощью заимствования слова “*snap-dragon*” – салонная игра, распространенная в Англии с XVI в., и “*dragon-fly*” «стрекоза» и передан на русский язык с помощью функциональной замены А. Щербаковым как «Жук-Пирогач» (перевод основан на схожести внешнего вида насекомого с атрибутами салонной игры). Авторский неологизм “*Bread-and-Butterfly*” был создан с помощью словообразовательной деривации с элементами семантической деривации, поскольку совместил в себе слова “*bread*” – «хлеб» и “*butterfly*” – «бабочка» содержит основу “*butter*” – «масло». Оригинальная игра слов в русском переводе была передана А. Щербаковым – «Хлебабочка». Во многих переводах оригинальные названия насекомых были опущены и заменены на авторские неологизмы переводчиков, однако всем удалось сохранить абсурдную и оригинальную линию повествования и передать таинственность животного мира зазеркальной страны, например, «Конёк», «Сахарница», «Хрусть» (перевод И. Трудюлюбовой), «Бабочка колыбелянка», «Неопалимонница», «Упалонаполлон обмахновенный» (перевод И. Сирина).

Авторский неологизм “*Snark*”, содержащийся в поэме «Охота на Снарка», вызывает представление сразу о нескольких существах и явлениях – например, об улитке (“*snail*”), акуле (“*shark*”), змее (“*snake*”), ловушке, западне (“*snares*”), рычании и ворчании или спутанном клубке (“*snarl*”). При этом считается, что данный неологизм был образован с помощью словообразовательной деривации путём сложения слов “*snake*” – «змея» и “*shark*” – «акула». Большинство переводчиков данный неологизм на русский язык был передан с помощью транслитерации – «Снарк».

Следующий авторский неологизм “*Bandersnatch*” был образован с помощью словообразовательной деривации путём сложения основ “*band*” – «связывать», «банда» и “*snatch*” – «ловить, кусать». Переводчики предложили следующие варианты перевода данного авторского неологизма на русский язык с применением функциональной замены: Г. Кружков – «Кровотир», Е. Клюев – «Бурностаи», А. Москотельников, С. Афонькин и Ю. Орлова – «Брандашмыг».

Еще один неологизм “*frumious*” образован с помощью словообразовательной деривации путём сложения слов “*fuming*” – «дымящийся, рассерженный» и “*furious*” – «разъярённый, яростный, бешеный» и имеет закреплённое в словаре значение – «пылающий злобой». Данный неологизм был употреблён в словосочетании “*frumious jaws*” и переведён на русский язык таким образом: «злыхастая пасть» (перевод А. Москотельникова) (калькирование), «пархоронная пасть» (перевод Е. Ключева) (функциональная замена), «сверломающие жвачки» (перевод В. Гендельсмана) (функциональная замена), «клыки свирепозные» (перевод Ю. Лифшица) (калькирование).

Проанализировав авторские неологизмы Л. Кэрролла и их переводы, мы пришли к выводу о том, что особенность данных словообразований заключается в их уникальности, образности и экспрессивности, а также о том, что в большинстве случаев они зависимы от контекста и могут быть образованы любой частью речи и словообразовательной моделью, а также охватывать широкий спектр лексики в произведении.

Назначение авторского неологизма – выступать в качестве средства художественной выразительности. Именно поэтому неологизмы способствуют расширению лексикона и помогают оживить текст, создают эффект оригинальности и подчёркивают индивидуальность литературного произведения.

Авторские окказионализмы в произведениях Л. Кэрролла охватывают очень широкий спектр лексики. Так, для того, чтобы достичь большей выразительности, автор придумывает новое слово для обозначения уже существующих явлений или создаёт новое, ранее неизвестное понятие.

Первая функция, которую выполняют авторские неологизмы в произведениях Л. Кэрролла – номинативная, поскольку все окказионализмы в произведении являются обозначением новых явлений и понятий, которых раньше не существовало. Например, именно благодаря авторским неологизмам читатель имел возможность познакомиться с образовательной системой подводного мира (“*Seaography*” – «Глубокология» (перевод А. Щербакова), необычным животным миром (“*Rocking-horse-fly*”, “*Snap-dragon-fly*”, “*Bread-and-Butterfly*” – «Баобабочка», «Стрекозёл», «Бегемотики» (перевод Н. Демуровой), “*borogoves*” – вымерший вид бескрылых попугаев с задранными вверх клювами, которые питаются телятиной).

Главная цель поэтики Л. Кэрролла – использование авторских неологизмов для придания большей достоверности созданного мира. Автор не просто создавал новые слова, он интегрировал их в общую структуру текста, что позволило читателю полностью погрузиться в атмосферу произведения и увидеть фантастический мир, наполненный загадками, каламбурами и абсурдом.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что следующая функция, которую выполняют авторские неологизмы в произведениях Л. Кэрролла – стилиобразующая. Основано это на том, что авторские неологизмы не только называют новые явления и понятия в выдуманном мире, но и помогают в полной мере раскрыть образ персонажей, а также создать правильную атмосферу в произведении для того, чтобы описать нужную эмоцию в тексте или добиться её от читателя. Так, например, чтобы передать леденящий страх или, наоборот, удивление и радость, автор создаёт новые слова, в которые вкладывает собственный смысл, например, “*chortle*” – «сдавленный смех», “*frabjous*” – «чудный», “*mimsy*” – «манерный, жалкий», “*vorpal*” – «острый», “*frumious*” – «пылающий злобой».

При анализе авторских неологизмов в произведениях «Алиса в Стране чудес», «Алиса в Зазеркалье», «Охота на Снарка» мы выяснили, что большинство из данных словообразований созданы с помощью словообразовательной деривации (самыми распространёнными способами стали словосложение и аффиксация). Соответственно, поскольку Л. Кэрролл не использовал для объяснения и описания выдуманных им реалий словосочетания или предложения, а создавал новые слова для передачи смысла, мы можем сделать вывод о том, что авторские неологизмы в произведениях Л. Кэрролла выполняют ещё одну функцию – функцию экономии речевых средств. Многие глаголы-неологизмы в анализируемых произведениях могли бы «распасться» на свои составляющие и увеличить не только количество слов, но и стать причиной потери выразительности текста. Например, заметим, что для того, чтобы описать состояние души, когда «*the voice is gruffish*» («хрипловатый»), «*the manner roughish*» («грубоватый»), and «*the temper huffish*» («раздражительный») автор использует только одно слово – неологизм “*uffish*”, а не описывает данное состояние с помощью уже имеющихся в языке средств.

Авторские неологизмы наравне со стилиобразующей функцией, которая по праву может считаться одной из ключевых, выполняют функцию воздействия на адресата (читателя). Авторские словообразования привлекают читателя своей необычной формой, звучанием и толкованием, а особый образ, закреплённый за каждым авторским неологизмом, способствует возникновению у читателя нужной эмоции (в большинстве случаев эмоции радости, страха, непонимания, восторга).

Таким образом, проанализировав авторские неологизмы, их особенности и функции в произведениях Л. Кэрролла «Алиса в Стране чудес», «Алиса в Зазеркалье» и «Охота на Снарка», мы пришли к выводу, что данные лексические новообразования играют важную роль в художественном тексте, поскольку именно благодаря авторским неологизмам, с помощью которых выражены имена

персонажей, их действия, предметы и явления действительности, автор создаёт уникальный фантастический мир и усиливает загадочность повествования, достигает творческой свободы, расширяет границы языка не только литературного произведения, но и языка в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабенко, Н.Г. Оказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ: Учебное пособие / Калинингр. ун-т. / Н.Г. Бабенко. – Калининград, 1997. – 84 с. – ISBN 5-88874-068-3. – Текст : непосредственный.
2. Виноградов, В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). / В. С. Виноградов. – М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
3. Демурова, Н. М. О переводе сказок Кэрролла // Кэрролл Льюис. Приключения Алисы в стране чудес. Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье. М., 1991. – 315 с. – Текст : электронный. – URL: http://lib.ru/CARROLL/carrol0_10.txt_with-big-pictures.html (дата обращения 15.05.2024).
4. Жеребило, Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
5. Земская, Е. А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. – Ин-т рус. Языка РАН. – М.: Наука, 1992. – 221 с.
6. Шанский, Н.М. Лексикология современного русского языка. Пособие для студентов пед. ин-тов. / Н. М. Шанский. – Изд.2-е, испр., М., «Просвещение», 1972. – 368 с.
7. Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык : в 2 т. / А. Н. Тихонов, Р. И. Хашимов, Г. С. Журавлева и др. ; под общ. ред. А. Н. Тихонова, Р. И. Хашимова. – Т. 1. – 2-е изд., стер. – М. : ФЛИНТА, 2014. – 840 с. – ISBN 978-5-89349-788-5 (общ.).
8. КУРС.ИВ.ом – сайт Курия Сергея Ивановича : официальный сайт. – 2023. – Текст : электронный. – URL: <https://www.kursivom.ru/льюис-кэрролл-биография-икритика/> (дата обращения: 15.05.2024).

АННОТАЦИЯ

Мартыненко Е. А. Функции и особенности авторского неологизма в английской классической литературе (на материале произведений Л. Кэрролла «Алиса в Стране чудес», «Алиса в Зазеркалье», «Охота на Снарка»)

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-155-166

Статья посвящена анализу особенностей авторского неологизма как лингвистического явления, а также выявлению основных функций

и способов перевода авторского неологизма в художественной литературе на материале произведений Л. Кэрролла «Алиса в Стране чудес», «Алиса в Зазеркалье», «Охота на Снарка».

Ключевые слова: авторский неологизм, особенности, функции, способы перевода.

SUMMARY

Martynenko E. A. Functions and Features of the Author's Neologism in English Classical Literature (Based on the Material of L. Carroll's Works "Alice's Adventures in Wonderland", "Through the Looking-glass and What Alice Found There", "The Hunting of the Snark an Agony in Eight Fits")

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-155-166

The article is devoted to the analysis of the features of the author's neologism as a linguistic phenomenon, as well as to the identification of the main functions and ways of translating the author's neologism in fiction based on the material of L. Carroll's works "Alice's Adventures in Wonderland", "Through the looking-glass and what Alice found there", "The Hunting of the Snark an Agony in Eight Fits".

Key words: the author's neologism, features, functions, and methods of translation.

*Л. А. Штакина
(г. Горловка, РФ)*

УДК 81 344.811.111

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-166-174

ТОНАЛЬНЫЕ КОНФИГУРАЦИИ ЛОГИКО-СМЫСЛОВОЙ ДИНАМИКИ ДИСКУРСА

Современный этап развития лингвистики ориентирован на многовекторный анализ моделей вербализации коммуникативного замысла в разных форматах общения, что прогнозирует исследование дискурса как процесса реализации различных коммуникативных стратегий. Следует отметить возросший интерес исследователей к просодической проблематике, что, в нашем понимании, обусловлено новыми теоретическими и практическими запросами. Особое внимание к просодической организации речи можно объяснить её тесной взаимосвязью с другими уровнями порождения дискурса и специфической ролью единиц супrasegmentного уровня в ходе актуализации коммуникативного замысла.

Обращение современных теоретических исследований к выявлению взаимосвязи между смыслом дискурса и его

просодической реализацией ориентирует исследователей на глубокий анализ комплексного процесса кодирования и декодирования устной речи с целью решения сложных ситуативно-ментальных задач, связанных, в частности, с использованием фонетических средств. Кроме исследования когнитивного механизма фонетической реализации речи, возникает проблема связи между интонационными моделями и типами дискурсов. Вполне понятно предположение, что просодия, как важный компонент актуализации дискурса, сигнализирует о динамике смыслового развёртывания речевого события, объединяя лексические и грамматические средства в когерентную модель коммуникации. Наблюдения лингвистов над ролью супraseгментных средств в ходе реализации речевого замысла свидетельствуют о том, что интонационно-смысловую связность звучащей речи можно рассматривать как многомерный линейный процесс просодического выделения микро- и макро- единиц и одновременного их объединения в глобальную коммуникативно-речевую единицу – дискурс. Следовательно, анализ информационно-смыслового поля при параллельном анализе просодии дискурса, существенно расширяет поле деятельности для собственно просодических исследований, поскольку просодия рассматривается как важное средство коммуникативной ориентации и взаимодействует с таким аспектом дискурсивной стратегии, как продуцирование содержательной информации.

Обзор теоретических и экспериментальных исследований в этой области даёт основание утверждать, что определение просодии как системы супraseгментных средств даёт возможность анализа её отдельных компонентов, каждый из которых является сложным системным образованием взаимозависимых единиц. Благодаря просодии как системы, что является осознанным и целенаправленным средством воздействия на адресата, осуществляется реализация ораторских интенций и создаётся образ коммуниканта. При этом характерно, что благодаря специфическому использованию просодических компонентов не только осуществляется маркирование ключевых моментов и смысловая градация контента, но и достигается определённый перлокутивный эффект, который обеспечивают средства тональной подсистемы просодии. Вполне понятно, что наша речь в реальном общении не исключает фонетический уровень реализации смысла, однако передача смысла сообщения вербальными средствами происходит в результате интеграции единиц разных языковых уровней, вследствие чего супraseгментные средства создают модель рангового соотношения в комплексе единиц адекватной реализации речевого события.

Необходимо отметить, что процесс мышления осуществляется от «известного» к «неизвестному». Такую последовательность

принято считать «объективным порядком» (В. Матезиус), который существует рядом с обратным «субъективным порядком мыслительного процесса», что создаёт контраст мыслительных шагов, которые приобретают соответствующие черты просодического моделирования коммуникативной динамики информационного потока [2]. Следует также обратить внимание на то, что с целью адекватной передачи информации, необходимо выработать «систему приёмов» просодического оформления речевого замысла, который должен соответствовать требованиям звукового отражения и восприятия. Важно подчеркнуть, что своеобразие «тональной упорядоченности» речи может выступать в роли психологического инструмента, ориентированного на эффективность восприятия предложенной информации. Таким образом, рассматривая теоретико-экспериментальные исследования в этом направлении, целесообразно обратить внимание на то, что предметная сфера этих разработок совпадает. Это объясняется общими идеями в отношении дальнейшего исследования функциональной специфики просодии дискурса.

В нашем понимании, особую актуальность приобретает вопрос о роли просодии как трансляторного регулятора информационного потока с присущей ему логико-смысловой динамикой. Вполне понятно, что изучение особенностей функционирования супraseгментных единиц на разных уровнях коммуникативной иерархии, использование просодии как средства оптимальной реализации речевого замысла доказывает возможность определения специфики тональной, временной и динамической подсистем – «контекстуально зависимых» коммуникативно-релевантных компонентов просодической структуры [4].

Как сложный коммуникативный феномен, дискурс с определённой топикальностью и семантико-синтаксической связностью отражает широкий социальный контекст общения, процессы продуцирования и восприятия. Все виды дискурса имеют свои особенности. В современных исследованиях дискурса как макро-коммуникативной единицы различают глобальную структуру, что, в нашем понимании, состоит из топикальных блоков, которые имеют локальную структуру со своими составляющими вербального контекста. Связность является важным признаком с определёнными параметрами, отражающими норму развёртывания пространственно-временных отношений. Аналогично глобальной и локальной структурам, различают глобальную и локальную связность [3].

С учётом особенностей продуцирования дискурса как макро-речевой единицы подчёркивается, что дискурс – это модель смысловой динамической системы, которая отражает два плана реализации – модель дискурсивной ситуации, что связана со стратегическим планированием коммуникации, и модель тематической ситуации

(MTS), которая отражает содержание коммуникации [1]. С нашей точки зрения, пересечение стратегического планирования и тематической ситуации, как составляющих модели смысловой динамической системы, обуславливает динамику композиционно-жанровой формы дискурса. Эволюция модели тематической ситуации, прогнозируемая моделью дискурсивной ситуации, раскрывает логико-смысловую динамику коммуникативного замысла в реляции «topic-comment» i.e. соотношения «объективного порядка» в пределах тематического поля и «субъективного порядка», что формирует фигуры модификаций фактового содержания на уровне «нового факта», «новых связей между известными фактами», «прогноза». «итога», элементов экспрессии [6]. В центре нашего внимания именно фигуры модификаций модели тематической ситуации, комментивные кванты и их супraseгментная репрезентация.

Объектом нашего исследования является лекционный дискурс тематических полей «Лингвистика» и «Искусство». Как институциональный дискурс, лекция имеет специфические черты модели смысловой динамической системы, с характеристиками стратегического планирования речевого замысла и содержания коммуникации в зависимости от конкретной проблематики. В рамках этой публикации, что является фрагментом комплексного анализа просодии дискурса на фоне межуровневой интеграции, изложены наши наблюдения в отношении тональных конфигураций ключевой информации фактового содержания.

Корпус экспериментально-фонетического анализа составляют фрагменты лекционного дискурса, продуцированного носителями британского стандарта английского языка с противоположными гендерными характеристиками. Перцептивные характеристики звуковых моделей англоязычных лекций сопоставлены с акустическими показателями речевого сигнала. Протоколом анализа предусмотрен учёт направления движения основного тона и его уровневых модификаций в ядерных участках фоносинтагм. Акустическая обработка звуковых файлов проводилась с помощью компьютерной программы Wavesurfer 1.8.3. Общая продолжительность эмпирического материала – 4,5 часа.

Как явствует из вышеизложенного, предметом нашего исследования является тональная конфигурация коммуникативно значимых смысловых квантов, которые объединяются в интегративные просодические модели, отражающие направление коммуникации. Принимая во внимание классификацию тональных комплексов, необходимо отметить, что целесообразным является анализ особенностей сложных интонационных структур, актуализаторов смысла. По нашему мнению, объединение простых,

составных интонационных контуров в интегративные тональные комплексы просодической координации и субординации подчинено смысловому развёртыванию информационного поля.

Модификации тематической ситуации лекции отражены в специфических фигурах «коммента» i.e. коммуникативного фокуса, которые характеризуются отношениями *тональной постпозиционной субординации*.

Например: MTS 1 (“Received Pronunciation”) – *уровень нового факта*:

*The first problem I want to discuss with you is the question of defining what is Received Pronunciation 1) because Received Pronunciation has had a rather bad *press 2) as we *say 3) in Britain *recently [8].*

Как «новый факт», маркированный специфическим интегративным тональным контуром, сигнализирующим развитие доминантной темы лекции “Received Pronunciation”, продуцированной лектором-мужчиной, прежде всего, отражает локальную связность комментивного кванта. Фокус информации этого фрагмента с характеристиками постпозиционной тональной субординации на семантико-синтаксическом уровне отражает регрессивную экспликацию мысли лектора. В приведённом примере *нового факта*, как и в следующих значимых отрезках вербального контекста, указан номер фоновсинтагмы и графически отмечен ядерный слогиноситель. Заметим, что ядерные участки трёх компонентов интегративной тональной модели отличаются переломом нисходящего движения и соответствующими высотнотональными характеристиками: 1) нисходящий эмфатический с инициальным подъёмом полного падения высокого уровня; 2) нисходящий низкого уровня неполного падения; 3) равно-восходящий тон низкого уровня.

Другой фрагмент постпозиционной тональной субординации и регрессивной экспликации мысли представлен следующим отрезком вербального контекста. Например: MTS 1 (“Received Pronunciation”) – уровень *новой связи между известными фактами*:

*... I have rather taken a different point of view, I've said: all right, Received Pronunciation, the language is changing, languages do change and 1) my job is to up*date 2) the *model 3) that we *have 4) and describe something that is more in line with current *usage 5) and to ensure that what we *teach 6) from the point of view of English as a foreign *language 7) is something *relevant 8) to the present *day [8].*

Следует отметить, что интегративный тональный контур, маркирующий уровень *новой связи между известными фактами*, отличается от предыдущего динамикой развёртывания смыслового кванта, что, в нашем понимании, является корреляцией между

объёмом информации и смысловой нагрузкой речемыслительного движения в этой модификации тематической ситуации.

В следующем образце MTS 2 (“Pronunciation of English for International Communication”) гипертемы «Лингвистика» (лекционный дискурс продуцирован лектором-женщиной) сохраняется тенденция постпозиционной тональной субординации. Например: MTS 2 – *уровень нового факта*:

*... There are several areas of difficulty which present themselves in English intonation. 1) For example *segments 2) that's individual *sounds. 3) *Syllables 4) What you have in a syllable in *your language 5) and what is *possible 6) at the beginning or the *end of a syllable 7) might be very *different 8) from what's possible in *English [7].*

Регрессивная экспликация основной мысли маркируется как направлением движения основного тона, так и его уровневыми характеристиками. Инициальный тональный контур имеет доминирующие показатели в этом отношении, а именно сложный перелом в ядерном участке и высокий регистр реализации в сравнении со следующими за ним ядерными участками интегративного тонального контура (неполное падение нисходящего тона, средний и низкий уровень реализации). Представляет интерес специфика мелодического контура интегративных тональных моделей, которые коррелируют с регрессивной экспликацией мысли.

В следующем отрывке вербального контекста сохраняется регрессивная экспликация базовой мысли и интегративный тональный контур её реализации. Например: MTS 2 – (Pronunciation of English for International Communication) – *уровень новой связи с известными фактами*:

**Weakening is also something 2) which is often cited by English teachers as being *important. 3) Weakening is the di*stressing of such words as and 4), *but 5) modal verbs like *could 6) *can [7].*

Специфическая черта фонетического феномена представлена лектором как действительно *новая связь между известными фактами*. Интегративный тональный контур в позиции коммуникативного фокуса принципиально сохраняет тенденцию постпозиционной тональной субординации с вариативными характеристиками на уровне высотно-тональных характеристик и перелома основного тона : 1) высокий с инициальным подъёмом нисходящий тон ; 2) низкий неполного падения нисходящий тон в ядерном участке; 3) ровно-восходящий тон низкого уровня; 4) ровно-восходящий тон низкого уровня; 5) низкий неполного падения нисходящий тон в фоносинтагме; 6) сохраняется эта идентичная тональная реализация.

Следует отметить, что особенности презентации указанной проблематики в лекциях тематического поля «Лингвистика», продуцированных лекторами

мужчиной и женщиной, имеющих высокий социальный статус, дают основание утверждать, что лекторы придерживаются фоностилистической нормы коммуникативной роли, прежде всего, на уровне решения сверхзадачи общения с аудиторией – *обеспечения высокой трансляторной силы* (Е. Селиванова) потока информации, средством оптимизации которой, с нашей точки зрения, является просодия, адекватно маркирующая модель тематической ситуации.

Наши наблюдения над особенностями интонационного маркирования лекций тематического поля «Искусство» позволяют констатировать тенденцию, аналогичную актуализации предыдущего тематического поля. Например : MTS 3 – (“Music and Architecture”) – *уровень нового факта* :

*The Italian composer Luigi Nono was also a hugely influential figure in exploring the inner life of sounds, creating a musical universe where we, the listeners are drawn into the internal workings of timbre. Returning to the inner processes of the mind of our guinea pig composer, as the physical dimensions of sound become apparent within the composer's mind, so they create a virtual environment of musical space. 1) During the ges*tation process 2) this internal imaginary *landscape 3) adapts to the transfor*mations 4) taking place within the musical ma*terial [5].*

Этот фрагмент лекции, продуцированной лектором-мужчиной, иллюстрирует общую тенденцию тонального соотношения в рамках комплексной интонационной модели «уровень нового факта» как ключевой информации на фоне регрессивной экспликации замысла коммуниканта: 1) высокое с инициальным подъёмом нисходящее движение ядерного тона; 2) средний уровень нисходящего тона неполного падения; 3) нисходящий тон неполного падения среднего уровня; 4) нисходящий тон низкого уровня неполного падения.

Следующий фрагмент лекции тематического поля «Искусство» также подтверждает ярко выраженную тенденцию постпозиционной тональной субординации. Например: MTS 3 – (“Music and Architecture”) – *новые связи между известными фактами*:

*Our awareness and knowledge of the physicality of sound components has greatly increased with the development of electro-acoustic technologies. France is a country whose composers have long been experts in creating refined timbres, so it is no surprise that in the 1970's a group of French composers developed a technical and aesthetic approach which has since become known as spectralism. 1) This involves analysing the *structure of sound waves 2) using a *system named 3) fast fourier *transform 4) which enables *details 5) of the timbral com*ponents 6) to be identified and *used 7) within the compositional *method [5].*

Таким образом, ключевая информация в этом фрагменте имеет следующее сочетание ядерных тональных реализаций в информативно значимых фоносинтагмах, а именно: 1) нисходящий

тон высокого уровня неполного падения; 2) ровно-восходящий тон низкого уровня; 3) нисходящий тон неполного падения среднего уровня реализации; 4) нисходящий тон низкого уровня неполного падения; 5) нисходящий тон неполного падения низкого уровня; 6) ровно-восходящий тон низкого уровня; 7) нисходящий тон неполного падения среднего уровня.

Следует также обратить внимание на тот факт, что в условиях общей тенденции постпозиционной субординации в интегративном тональном контуре варьирует объём модели, в частности, репрезентация «новых связей между известными фактами», а именно количественный состав компонентов в этом случае увеличивается у всех лекторов независимо от проблематики. В то же время, статистические показатели различны, что может быть обусловлено психологическими особенностями гендера.

Результаты экспериментально-фонетического анализа лекционного дискурса разных тематических полей позволяют сделать вывод о том, что тональная, базовая подсистема просодии служит риторическим целям репрезентации речевого события, объединения смысловые кванты в ранговое соотношение, отражающее тенденции актуализации дискурса как смысловой динамической системы, маркированной супraseгментными средствами – регуляторами раскрытия коммуникативного замысла.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жданов, Ю. Н. Динамическое смысловое представление текста / Ю. Н. Жданов // Язык, коммуникация и социальная среда. В 1. – Текст : электронный. – URL: <http://tp11999.narod.ru/Web LSE 2001/Zdana/.htm>.
2. Пирогова, М. А. Фонетический уровень реализации смысловых связей в спонтанном монологическом тексте / М. А. Пирогова // Весник Амурского государственного университета. – Текст : электронный. – URL: http://www.amurs.ru/vestn: k/711_7_99.html. (дата обращения: 22.05.2024 г.).
3. 3.Тюрина, С. Ю. Дискурс как объект лингвистического исследования, 2001/ С. Ю. Тюрина. – Текст : электронный. – URL: <http://vfingin-wladimir.ru/files/netmag.v3/ar11.doc>. (дата обращения: 22.05.2024 г.).
4. Crystal, D. The Cambridge Encyclopedia of Language / D. Crystal. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – 250 p.
5. Gresham College: Gresham College Free Public Lectures. – London, 2008. – Текст : электронный. – URL: <http://www.gresham.ac.uk>. (дата обращения: 22.05.2024 г.).
6. Linguistika/gumanitarnye_nauki/Linguistika/AKTUALNOE_CHLENENIE_PREDLOGENIYA.html. – Текст : электронный. –

URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki. (дата обращения: 22.05.2024 г.).

7. Setter, J. The Pronunciation of English for International Communication / J. Setter. – К: Lenvit : KNLU, 2002. – P. 20–25.
8. Wells, J. Contemporary English Pronunciation /J. Wells. – К: Lenvit : KNLU, 2006. – P. 35–45.

АННОТАЦИЯ

Штакина Л.А. Тональные конфигурации логико-смысловой динамики дискурса

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-166-174

Статья отражает специфику интегративного тонального контура тематико-комментивной реляции лекционного дискурса. На основе аудитивного и акустического анализа установлены характеристики тональных реализаций ядерных участков комплексных интонационных моделей. Определены особенности тональной конфигурации и уровневых характеристик значимых смысловых квантов интегративных моделей, отражающих отношения постпозиционной тональной субординации. Выявлена степень корреляции между семантической нагрузкой речемыслительного движения в модели тематической ситуации и её тональной экспликацией.

Ключевые слова: дискурс, тон, уровень, конфигурация, интегративный, корреляция.

SUMMARY

Shtakina L.A. Tonal Configurations of the Discourse Logical-Semantic Dynamism

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-166-174

The article highlights specifics of the integrated tune contour of the topic-comment relational scheme of a lecture discourse. The focus of this research is primarily on the characteristics of terminal tones revealing the significant semantic quants of the post-positional tonal subordination. The data obtained expose the degree of correlation between the speech-and-thought move of the situation model and its tonal explication. Characteristics of the tone configuration and level, physical and perceptual dimensions, marking the key information, are singled out within the framework of the auditive and acoustic analysis of the discourse samples.

Key words: discourse, tone, level, configuration, integrated, correlation.

УДК 81 + 81'4 + 81'42

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-175-187

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ И РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ УЧЕБНО-НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ ПОЛИЦЕЙСКОГО ДИСКУРСА КАК ОСНОВА ДЛЯ АКАДЕМИЧЕСКОГО ЧТЕНИЯ

О необходимости уточнения понятия «анализ текста» свидетельствуют работы Н.С. Болотновой [3, с. 210-214], Е.А. Петровой, И. Ричарда [16], Д.Н. Шлепнева [14, с. 174-177]. Специализирование понятия «анализ текста» открывает широкие возможности детализированного изучения текста с лингвистической и с профессиональной сторон. Полезно оно и для обучающихся образовательных организаций высшего профессионального образования системы МВД России. Предлагаем рассмотреть анализ текста посредством изучения интертекстуальных характеристик, с выходом на внешний компонент связности (референтность) на примере англоязычного учебно-научного подстиля, поскольку референциальный анализ может облегчить задачу эффективного деления текста на компоненты для их изучения и более глубокого понимания семантики текста, более правильной его интерпретации с наименьшим расхождением смыслов, поскольку в толковании полицейского дискурса не допустимо некорректное понимание. Исследовательская деятельность, представленная технологиями академического чтения и направленная на поиск информации для ведения научной деятельности, станет более простой, если текст проанализирован и понят. Необходима модель аналитической работы с профессиональными текстами, позволяющая изучать англоязычный материал в рамках академического чтения как способа познания научно-правовой действительности. Модель анализа могла бы способствовать детальному пониманию, эффективности научной оценки и применения текстов полицейского дискурса, способствующих переходу от академического чтения к созданию собственного научного знания, имеющего потенциал дискурсивной включённости в систему знаний об изучаемом объекте права.

Исследование **актуально**, поскольку ранее ещё не была установлена взаимосвязь между понятиями «интертекстуальность», «референциальный анализ текста» и «академическое чтение для англоязычных учебно-научных текстов полицейского дискурса»; ещё не был предложен алгоритм анализа учебно-научных текстов, позволяющий изучить данный подстиль именно на примере

полицейского дискурса, в референциальном ключе, с позиции связности текстов и их внутренних структурно-уровневых репрезентант с именуемыми и оцениваемыми объектами внешней правовой реальности.

Целью исследования является разработка модели референциального анализа учебно-научных текстов полицейского дискурса. Оценивается значимость модели анализа для работы с технологиями академического чтения. **Задачи:** уточнение теоретического базиса и методологических основ исследования; разработка с опорой на интертекстуальные связи и особенности текстов полицейского дискурса референциальной модели анализа; оценка её эффективности. **Методы исследования:** эмпирия, изучение специальной литературы, сбор и анализ теоретического материала, метод сплошной выборки (начальный этап работы); анализ, синтез, классификация, обобщение (создание модели анализа); системный подход (оценка результатов).

Научная новизна – разработка референциальной модели анализа учебно-научного текста полицейского дискурса, позволяющей изучать связь референции текста с системой подобных текстов и совокупностью знаний об изучаемом объекте правовой реальности, что даёт возможность исследовать и текст, и сам объект, выйти с семантико-языкового на абстрактно-философское и профессионально-контентное понимание текста посредством технологий академического чтения, верно трактовать научно-профессиональное значение изучаемого явления, исследовать его. **Теоретическая значимость** сопряжена с уточнением понятий интертекстуальности, референциального анализа, текста и академического чтения для англоязычных учебно-научных текстов полицейского дискурса в русле уровневого подхода с теоретическим обоснованием их взаимосвязи. **Практической ценностью** считаем применимость модели анализа, для извлечения, структурирования информации для работы с академическим чтением как основой научного поиска, переоценку значимости феномена анализа англоязычного полицейского текста в аспекте академического чтения через призму дискурсивности и интертекстуальности.

Гипотеза: понятия интертекстуальности и референциального анализа текста, академического чтения англоязычных учебно-научных текстов полицейского дискурса связаны. Взаимосвязь проявляется на интертекстуальном, темпоральном, лексико-грамматическом, интенциональном уровне, а также на уровне референтных свойств текстов. Референциальная модель анализа может помочь в извлечении, структурировании информации для работы с академическим чтением. Она состоит из 3 этапов: 1) интратекстовый (языковой); 2) экстратекстовый (поисково-аналитический, сравнительный);

3) комплексный (интерпретативно-соотносительный). Выполнение каждого этапа соотносено с технологиями академического чтения. 1-й этап соотносится с правовым комментированием, рациональным чтением и составлением интеллект-карт; 2-й этап – с семантическим развёртыванием, комментированием цитат, экспертным мнением, 3-й этап сопряжён с технологией компетентностной культуры специалиста, сравнительной, акмеологической технологией. При помощи модели анализа тексты можно изучить в лингвистическом аспекте с позиции содержания и семантики с внешней и внутренней сторон, что позволит понять систему связей с реальностью и совокупностью знаний по теме. Это может стать основой для научной работы с помощью академического чтения.

Термин «интертекстуальность» был введен Ю. Кристевой [15]. **Интертекстуальность**, в рамках интегративного подхода, в референциальном понимании, по И.В. Арнольд [1, с. 15-16], А.В. Кремневой [8, с. 57-71], М.М. Бахтину [2], О.И. Федотову [12, с. 244], Ю. Кристевой [15], И.Р. Гальперину [4], позволяет соотносить объекты реальности кодируемые средствами языка, с системами их представлений в разных текстах. Текст состоит из фрагментов культурных кодов: формулировок, цитат, ссылок, идиом, профессиональных концептов и прочих элементов картины мира. Интертекстуальность представлена системой концептов профессиональной деятельности и является понятием, более широким, чем дискурс. Она определяется в процессе создания текста и его соотношения с другими текстами, во временном аспекте диалогически соединена с системой представлений об объекте в прошлом, настоящем и связана с будущими взглядами на него, способна к продуцированию новых смыслов, оценочна, для институциональных контекстов в большей степени нейтральна, обладает стилистическим потенциалом для декодирования возможных смыслов, позволяет интерпретировать тексты на основе тезауруса, лингвокогнитивной базы, эрудиции и профессиональных знаний.

Изучением **анализа текстов** занимались Н.С. Болотнова [3, с. 210-214], Е.М. Верещагин, М.В. Кулибина, В.Г. Костомаров. Особенности актуализации референциальных средств профессионального текста были исследованы Р. Бартом, П. Рикером, Е.А. Петровой, значимость анализа референтных средств профессионального текста институционального юридического и полицейского дискурса исследовалась Д.Н. Шлепневым [14, с. 174-177], Ю.С. Степановой, И. Ричардом [16], Дж.Х. Бейкером. Интралингвистические особенности профессионального текста изучались Н.С. Болотновой [3, с. 210-214], Л.М. Никулиной, Н.В. Добрыниной, Ю.Г. Пыхтиной [11, с. 59-66].

Академическое чтение изучалось с позиции этапов предтекстовой, собственно-текстовой и послетекстовой работы А.Н. Олейником [9, с. 251-265], П.Н. Костылевым [7]. В исследованиях не представлена связь характеристик интертекстуальности с референциальным анализом текста как выходом на академическое чтение текстов полицейского дискурса.

Интертекстуальность в референциальном понимании, по М.М. Бахтину [2], О.И. Федотову [12, с. 244], А.В. Кремневой [8, с. 57-71], И.В. Арнольд [1, с. 15-16], Ю. Кристевой [15], И.Р. Гальперину [4], Е.С. Кубряковой, является диалогичным свойством текстов иметь общие внетекстовые прототипы – объекты окружающей действительности, проецируемые в тексты как составляющие дискурса соответствующей тематики, кодируемые языковыми знаками, содержащими семантическое наполнение, обусловленными профессиональными или культурно-историческими традициями. **По типам взаимодействия культурных кодов** может быть: 1) соприсутствие в тексте других текстов в виде цитат, аллюзий; 2) паратекстуальность (отношение текст – часть текста); 3) метатекстуальность как форма вариаций; 4) гипертекстуальность (перекодирование источников); 5) архитекстуальность как обозначение жанровых связей. Классификация интертекстуальности с позиции **создания множественности семантических характеристик и генерации плана содержания и выражения текста**: 1) обновление цитат; 2) общность элементов текстового пространства; 3) эволюционные характеристики развития текста; 4) возможные смыслы в интерпретации; 5) генерирование новых смыслов. Характеристики интертекстуальности в **парадигмальном внетекстовом аспекте**: 1) экспансионизм; 2) антропоцентризм; 3) функционализм; 4) экспланаторность. **Референциальная природа** интертекстуальности на семантическом уровне актуализуется посредством профессионально-культурологической кодировки символов, темпоральности; на лексико-грамматическом уровне встречаем цитаты и перифразы, метареалии; на интенциональном уровне она включает метаинтенции, общее волеизъявление, ценностность, профессиональные концепты; на объектно-референтном уровне присутствуют аллюзии и реалии, плагиат и пр.

Под учебно-научными текстами полицейского дискурса мы будем понимать тексты или их фрагменты учебно-научного подстиля речи, используемые при обучении иностранному языку: научные статьи, монографии, энциклопедические или академические словарные статьи, диссертации и прочие научные источники или составленные на их основе тексты учебного характера, используемые в целях обучения [13, с. 19]. **Дискурсом**, по Т. ван Дейку [5], можно считать совокупность текстов одной тематики, имеющих сходные с

позиции родовидовых признаков и сфер жизни экстратекстовые прототипы объектов речи, сходные условия создания, особенности структуры, интенцию и модальность. **Полицейским дискурсом**, по И.А. Исаковой [6, с. 132-137], считаем один из подтипов институционального дискурса полицейской тематики официально-делового, публицистического или научного (в том числе учебно-научного) стиля, содержащий средства языковой репрезентации юридической и полицейской направленности (лексику; фразеологизмы, цитаты, аллюзии, реалии; устойчивые конструкции), выполняющий регулятивно-предписывающую функцию. Данный дискурс интенционально задан, связан с профессиональной, учебной, научной сферой коммуникации, особенностями профессионального восприятия реальности.

Под **референцией (номинативно-референциальными средствами) текста полицейского дискурса** будем понимать процесс связно-соотносительного характера, обеспечивающий проекцию выбранного объекта правовой действительности в текст посредством номинаций-лексем, выражающих замысел автора и его волеизъявление, имеющих культурологическую, темпоральную и профессиональную принадлежность и совокупно образующих ментальный концепт, денотирующий явление профессиональной реальности.

Академическое чтение в дискурсивном и интертекстовом аспекте определяем как сумму возможностей антиципации и интерпретации содержания текста с опорой на данный текст, или на основе совокупности знаний по изучаемой проблеме, представленной множеством подобных текстов устного и/или письменного характера, по Поповой Т.В. [10, с. 188-193], Олейнику А.Н. [9, с. 251-265]. **Академическое чтение текстов полицейского дискурса** – это процесс распознавания текстовых знаков, кодирующих информацию на учебно-научные темы полицейского дискурса, направленный на анализ, декодирование, интерпретацию и научную интеграцию содержания текста на основе фоновых знаний полицейского характера, полученных из схожих устных или письменных текстов. Технологии академического чтения требуют детальной подготовки содержания текста для правильного применения в научной деятельности. К ним относятся: 1. **Технология правового комментирования** – решение проблемной ситуации; развитие умений работы с текстовой информацией, характеризующих высокий уровень исследовательской культуры чтения посредством актуализации знаний, рефлексии, чтения с остановками и пометами, «известно» / «исследовать в таком-то аспекте» / «исследовано». 2. **Технология рационального чтения** – чтение с выделением смысловых пунктов текста формирует

приёмы запоминания информации, максимальную скорость восприятия текста, составление вопросов, умение формулировать цели изучения текста; даёт детальное усвоение материала.

3. Технология составления интеллект-карт позволяет графически изобразить содержание понятия / текста в виде ментальной карты. Предполагает прочтение текста, изображение карты, с установкой логических связей материала текста с научными фактами об объекте.

4. Технология семантического развёртывания развивает творческое мышление и профессионализм; требуется читать с высокой скоростью, запоминая информацию, понять научную идею, оценить её перспективы, выстраивать, пояснять собственную позицию, выдвигать гипотезы, прогнозировать результаты.

5. Технология комментирования цитат связывает прочитанное с проблемами профессии. Цитата конспектируется и интерпретируется в контексте дискурса.

6. Технология «экспертное мнение» заключается в прочтении текста в группах с изучением новой информации посредством поискового чтения и критической оценки, использования объяснительных технологий, обмена опытом.

7. Технология компетентностной культуры специалиста нацелена на развитие всех видов речевой деятельности и предполагает комплексную работу с текстом: составление схем, таблиц, конспектов, аннотирования, реферирования, подготовки сообщений, докладов, дискуссию.

8. Сравнительная технология позволяет сопоставить ожидания от текста с результатами чтения (используя фоновые знания, научный поиск и знания со спецпредметов). Следует сравнить записи, сделанные в ходе чтения, получить объективное представление об изучаемом объекте.

9. Технология акмеологического академического чтения формирует профессиональную картину мира, навык продуктивной работы с информацией, гибкие стратегии чтения, повышает его эффективность посредством аналитических и синтетических приёмов, формирования критического отношения. Реализуется в алгоритме смыслового восприятия и анализа текста.

Референциальная модель анализа профессионального учебно-научного текста англоязычного полицейского дискурса как основа для академического чтения в аспекте интертекстуальности – это инвариантный алгоритм действий, ведущий к глубокому пониманию иноязычного текста в оригинале, включающий деление текста на внешние и внутренние уровневые компоненты, нацеленный на понимание механизмов проецирования объектов и явлений правовой реальности на текстовую основу, на выявление механизмов интертекстуального концептологического описания языковых и внеязыковых составляющих текста и дискурса профессиональной учебно-научной сферы. **Цель:**

помощь в извлечении, структурировании информации для работы с академическим чтением как основой научного поиска.

Приведём пример фрагмента научной статьи для анализа каждого этапа, найденного методом сплошной выборки. (Streamlining out-of-court disposals: Assessing the impact on reoffending and police practice by M. Rowe, A. Amankwaa, P. Biddle, L. Bengtsson; *Criminology & Criminal Justice*, 2000, P. 1-22) *Police services in England and Wales have developed varied approaches to the use of conditional cautions, and this study examines the effectiveness of one set of reforms: a Revised Conditional Caution Framework. [...] If an offender fails to complete the activity within the relevant pathway, without good reason, they revert back through the court system. The aim of the Revised Conditional Caution Framework was to apply meaningful conditions to the conditional caution (e.g. alcohol educational intervention), to focus upon addressing the root cause of the offending behaviour. In this study, the authors evaluated the effectiveness of the Revised Conditional Caution Framework in reducing reoffending. The research was conducted between January 2018 and May 2019 and adopted a mixed methodology of qualitative and quantitative research; notably, focus groups with police officers, semi-structured interviews with offenders and pathway providers and an analysis of police data on offender compliance levels. We found that the Revised Conditional Caution Framework is perceived by many professionals and offenders to provide a platform for tackling the root cause of recidivism and thereby reducing reoffending. It is argued that the premise of Revised Conditional Caution Framework is one that conceives of offending in individualistic terms that pay insufficient attention to the social and economic context in which offending is situated. The article also raises questions about the impact of the Revised Conditional Caution Framework on police professionalism and argues that it might be understood as a restriction on the exercise of discretion since it further restricts officers' scope to respond to offenders and criminal behaviour. [...]*

Референциальная модель анализа **состоит из 3** этапов.

Этап 1. Интратекстовый (языковой) – изучение общего авторского замысла и средств его языковой актуализации на различных уровнях.

Задачи: общая оценка интенции и модальности текста, языковая работа с его содержанием. **Языковые средства:** общезыковой уровень: профессионально-культурологическая кодировка

символов (частотные способы словообразования); темпоральный: лексические и стилистические особенности представления времени; лексико-грамматический уровень: цитаты, перифразы, метареалии; интенционально-модальный уровень: метаинтенции, общее волеизъявление, ценностность, профессиональные концепты; объектно-референтный уровень: аллюзии, реалии, плагиат. **Способ реализации интертекстуальности:** общие языковые средства

вербализации концептов профессионально-научного характера; средства модально-семантической кодировки. **Действия:** 1. Оценить, о чем текст. 2. Сформулировать тему текста (общую авторскую интенцию и модальность). 3. Описать использование наиболее частотных языковых средств на различных уровнях (общезыковом, темпоральном, грамматическом, интенционально-модальном).

Результат: получение представления о цели создания текста и языковых средствах его выражения (сигнификативно-денотативная парадигма знаний). **Актуализация в технологиях академического чтения:** научная оценка проанализированного материала может давать выход на средства правового комментирования; позволять составить интеллект-карты как способ обобщения изученного материала; может соотноситься с рациональным чтением как общим способом усвоения и структурирования изученного материала.

Пример анализа фрагмента текста: 1. *The text is about a research concerning various developed approaches to the use of conditional cautions, and the effectiveness of the set of reforms, i.e. the Revised Conditional Caution Framework.* 2. *The overall intention relates to the idea of necessity of the Revised Conditional Caution Framework in reducing reoffending; the modality concerns the evaluation of the effectiveness thereof.* 3. *The frequent lexical peculiarities are noun chains typical for professional speech (Police services, Caution Framework, court system, police data, etc.), verbal adjectives (offending behaviour, reducing reoffending, etc.). On the grammar level there are passive voice constructions to state legal actions (The research was conducted..., It is argued that...), complex sentences, conditional sentences often with parenthesis (If an offender fails ... without good reason, they revert back through the court ...) or legal phenomena (criminal behaviour; semi-structured interviews; offending behaviour(s), alcohol educational intervention) which states the argumentation description. Temporal relations are represented by strict research time specification (between January 2018 and May 2019). The intentional-and-modal level is shown by means of research description half-stable constructions (...have developed varied approaches to...; The research was conducted...; The article also raises questions about...). The language belongs to the British variant for the authors are published in British scientific journal.*

Этап 2. Экстратекстовый (поисково-аналитический, сравнительный) – интертекстуальный поиск внешних референтов текстовых объектов. **Задачи:** поиск внетекстовых референтов и их связей с системой внутритекстовых репрезентант. **Референциальные средства:** внетекстовые объекты правовой действительности и их проекции в текст (номинации), способ указания на объекты вне текста, способ связи объектов реальности с текстовыми наименованиями и между собой. **Способ реализации**

интертекстуальности: референтная парадигматика концепта. **Действия:** 1. Определить ключевые объекты речи в тексте. 2. Выявить их внетекстовые референты (именуемые объекты правовой реальности). 3. Определить систему номинаций каждого ключевого объекта с языковой, страноведческой, исторической, культурологической, профессиональной, научной и прочей позиции. 4. Выделить внешние связи каждого описываемого объекта и системы его наименований и внутренние связи между его наименованиями. **Результат:** получение представления о внешних объектах правовой реальности, описанных в тексте и языковых средствах их репрезентации, причинах выбора языковых средств (референтная парадигма знаний). **Актуализация в технологиях академического чтения:** семантическое развёртывание фрагмента, комментирование цитат, экспертное мнение. **Пример анализа фрагмента текста:** 1. *The key objects noted in the scientific text are England and Wales, Northumbria Police, Revised Conditional Caution Framework, recidivism, reducing reoffending, qualitative and quantitative research.* 2. *The extratextual referents of the first three nominations will be the real countries existing within the UK of Great Britain and Northern Ireland and one of the regions and public organizations thereof. [There may be given some additional information concerning the objects]. These realities are used to state the area of the research. Revised Conditional Caution Framework, recidivism, reducing reoffending belong to the sphere of criminological and criminal justice research and the first one is not only the subject of the article, but also the new developed special term, the last two ones are used as universal in the special criminological research sphere. These concepts mean the following [the definitions from the dictionaries of special terms, normative acts (Russian and British if possible), scientific articles or from the given article]. The expression and concept of qualitative and quantitative research is taken from the sphere of general science and means [given explanation using some academic or encyclopedic dictionaries] of measuring of qualities and number of the objects under study.* 3. *The system of nominations may be exemplified with the term “the Revised Conditional Caution Framework” not only in the given fragment but also in the whole article. It has the following nominations: “set of reforms”, “Conditional caution”, “reducing recidivism”; the review, and a number of reiterations of the term’s name, “RCCF”, etc. The studied phenomenon is a special criminological police term from the scientific point of view, as well as it is a complex of reform that minimize the repeating offences from professional standpoint, and it is a research program under testing that was described within the article. Nominating it often for speeding and accenting the attention of the reader on the actions, the authors use the abbreviation “RCCF” and other abbreviations common for police activity.* 4. *Exemplified with the main*

object of this study, I can say that the RCCF nomination system belong to the typical term description systems of scientific articles, thus we have a great deal of term reiterations, though there can be seen the positive attitude of the authors towards its function for it is “reducing recidivism”. The outer reference connections are bound with the philosophical description of the process and its social meaning, so it is an abstract object in a scientific system of knowledge, and a real object under study and experiment.

Этап 3. Комплексный (интерпретативно-соотносительный) – сравнительная деятельность, направленная на толкование текста с учётом взаимосвязи его внутриязыковых особенностей и внешних условий его создания. **Задачи:** логическое членение текста на фрагменты и поиск возможных смыслов текста, подбор наиболее подходящего смысла в аспекте вероятности выражения авторского замысла в рамках рассматриваемой правовой ситуации. **Семантические средства:** интенциональный уровень: профессионально-культурологическое декодирование языковых знаков; модальный уровень: способы выражения концептов и ценностей учебно-научной, профессиональной сферы. **Способ реализации интертекстуальности:** полисеманτικότητα и моносеманτικότητα сигнификации объектов речи. **Действия:** 1. Описать возможный способ декодирования авторской интенции в тексте (связь с объектами действительности; тип номинации: прямой / оценочный / переносный; способ организации фактуальной и концептуальной информации. 2. Определить адресность интенции текст-производителя потенциальному текст-реципиенту. 3. Определить основной смысл текста, его возможные подтексты и периферийные смыслы. 4. Сделать вывод об актуализации семантики концептов текста на интертекстуальном и дискурсивном уровне. **Результат:** получение представления о наиболее вероятностной семантике текста, авторском замысле, модальности в аспекте интерпретации и оценки информации в интертекстовой дискурсивной системе знаний об объекте (интерпретативная интертекстуальная парадигма знаний). **Актуализация в технологиях академического чтения:** сравнительная, акмеологическая, технология компетентностной культуры специалиста. **Пример анализа фрагмента текста:** *1. The author’s intention in the text may be decoded in connection with the police work really objects dealing with streamlining out-of-court disposals and the assessing of the impact on reoffending and police practice. Most nominations of the studied objects within not only this abstract but the whole article are the terms thus they turn out to have the direct way of nomination (the Revised Conditional Caution Framework – RCCF, the complex of actions, the service pathway), when stating the positive effect of the approbation thereof they tend to have*

a positive semantics (this research, the effectiveness of the RCCF in addressing the root causes of offending behaviour and its impact on reoffending). The concepts are described through the minor definitions of the components of the Revised Conditional Caution Framework (RCCF), such as “out-of-court disposals (OOCs)”, “Victim awareness (V-aware)”, “Unpaid work”, etc. and the links to the normative acts (Ministry of Justice (MOJ), 2020). These links typical for scientific law texts are minimized here, as well as there is no distinct definition of the phenomenon under study. 2. The text is addressed to the police officers working in the same country (the UK), but it may be used for their foreign colleagues for restructuring out-of-court disposal system or may be useful for research of the criminological scientists in the given aspect. 3. The intention was to describe own theoretical and practical experience in the sphere of disposal system for recidivists jointly with the obtained results. The subtexts may have some negative impact of the implementation of the RCCF, described in the introduction section (an extensive consultation, a lack of transparency) which was further transformed into positive periphery semantics correlating with “the potential positive impacts ... on Northumbria Police”. 4. So, the semantics of the concept of RCCF is bound with the phenomenon as an object of scientific special criminological police research, as a complex of practical testing measures that reform the disposal system and provide the recidivism minimization. This conceptual semantics allow us to refer to discourses connected to the practical usage thereof as well as to the discourses related to the practical police work. Different discourses bind the understanding of the phenomenon and allow us to speak on the intertextual practical description of the phenomenon under study.

Итак, обращаясь к референциальной модели анализа учебно-научных текстов полицейского дискурса, можно детально изучить эти тексты в лингвистическом ключе в контентно-семантическом аспекте с внешней и внутренней сторон, что даст детальное понимание как текста, так и системы его связей с действительностью и совокупностью знаний по изучаемой теме. Дополнение концептуального понимания изучаемого посредством анализа текста феномена профессиональной реальности может стать основой для дальнейшей профессиональной работы с научными текстами при помощи одной или нескольких технологий академического чтения в рамках ведения научной деятельности для переосмысления прочитанного и преобразования системы знаний об объекте в собственный научный текст.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд, И.В. Проблемы диалогизма, интертекстуальности и герменевтики / И.В. Арнольд. – СПб., 1995.

2. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: 1979.
3. Болотнова, Н.С. Филологический анализ текста: учебное пособие. Учебное пособие / Н.С. Болотнова. – 4-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. – С. 210–214.
4. Гальперин, И.Р. Информативность единиц языка. / И.Р. Гальперин. – М.: Высш. школа, 1974. – 173 с.
5. Дейк, Т. ван. Язык: понимание и коммуникация. Пер. с англ., под ред. В.И Герасимова / Т. ван Дейк. – М.: Прогресс, 1989. – 310 с.
6. Исакова, И.А. Средства языкового манипулирования в институциональном полицейском интернет-дискурсе / И. А. Исакова // Трибуна ученого. – Вып. 7. – 2022. – С. 132-137.
7. Костылев, П.Н. Академическое чтение в гуманитарных науках / П. Н. Костылев // Альманах Пространство и Время. – 2015. – Т. 10. – Вып. 1: Пространство и время текста – Текст : электронный. – URL: 2227-9490e-aprovtr_e-ast10-1.2015.22 (дата обращения 21.03.2024).
8. Кремнева, В.А. Интертекстуальность как предмет изучения литературоведения и лингвистики : интегративный подход / В. А. Кремнева // Филология и человек: Языкознание и литературоведение. – №2. – 2017. – С. 57–71.
9. Олейник, А.Н., Кирдина, С.Г., Попова, И.П., Шаталова, Т.Ю. Академическое чтение: пределы понимания интерпретации. // Политическая концептология. – № 4. – 2013. – С. 251–265.
10. Попова, Т.В. Академическое чтение как средство формирования коммуникативной компетенции студентов / Т. В. Попова // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – Т. 7. № 3(24). – 2018. – С. 188–193.
11. Пыхтина, Ю.Г., Якимов, П.А. Уровневый анализ пространственных образов и моделей в художественной литературе. // Вестник Оренбургского государственного университета: Филологические науки. – № 11 (211). – 2017. – С. 59–66.
12. Федотов, О.И. Интертекстуальность. // Энциклопедия гуманитарных наук, знание. Понимание. Умение. – 2008. – №1. – С. 244.
13. Шаркунова, О.В. Референтные отношения в художественном тексте как один из аспектов характеристики идиостиля писателя (на материале англоязычных и немецкоязычных художественных текстов): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Шаркунова Ольга Владимировна; УрГПУ; науч. рук. М.Л. Кусова. – Екатеринбург, 2013. – 823 с. – С. 19.
14. Шлепнев, Д.Н. Юридический перевод, юридический текст, юридический дискурс: к вопросу об определении /

- Д. Н. Шлепнев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 12-2(78). – 2017. – С. 174-177.
15. Christeva, J. Bakhtine, le mot, le dialogue et le roman / J. Christeva // Critique. – №. 23. – Paris, 1967. – P. 101–112.
16. Richard, I. Is legal lexis a characteristic of legal language? [Электронный ресурс]: научная статья // Lexis in Languages for Specific Purposes – №11. – 2022. – Текст : электронный. – URL: [https:// journals.openedition.org/lexis/1173](https://journals.openedition.org/lexis/1173). (дата обращения 23.02.2024).

АННОТАЦИЯ

Шуныкова О.В. Интертекстуальность и референциальный анализ англоязычных учебно-научных текстов полицейского дискурса как основа для академического чтения

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-175-187

В статье рассматривается связь интертекстуальности, референциального анализа текста и академического чтения для англоязычных учебно-научных текстов полицейского дискурса, интертекстуальные и референтные характеристики текстов. С опорой на интертекстуальные связи и особенности текстов предлагается референциальная модель анализа, позволяющая извлечь, структурировать, запомнить информацию, этапы которой соотнесены с технологиями академического чтения. Оценивается значимость данной модели анализа.

Ключевые слова: интертекстуальность; референциальный анализ; англоязычные учебно-научные тексты; полицейский дискурс; академическое чтение.

SUMMARY

Shunyakova O.V. Intertextuality Phenomenon and Referential Analysis of the English-language Educational and Scientific Texts of Police Discourse as a Basis for Academic Reading

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-175-187

The article examines the relations between intertextuality, referential text analysis and academic reading for the English-language educational and scientific texts of police discourse, intertextual and referential characteristics of texts. Based on intertextual connections and peculiarities of texts, a referential analysis model shall be proposed. It allows extracting, structuring, and memorizing information. The stages thereof are correlated with academic reading technologies. The significance of this analysis model is evaluated in the given article.

Key words: intertextuality; referential analysis; the English-language educational and scientific texts; police discourse; academic reading.

УДК 811. 111'342

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-188-194

ИНТОНАЦИОННАЯ СТРУКТУРА СПЕЦИАЛЬНЫХ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

Цель нашей статьи – анализ интонационной структуры специальных вопросов учебных текстов «Говори правильно» К. Мортимера на прагматико-коммуникативном, логико-синтаксическом и функциональном уровнях. В современной отечественной лингвистике существует точка зрения, в соответствии с которой вид вопроса служит критерием, определяющим состав темы, ремы и парадигматические свойства высказывания. Но в то же время мы отмечаем, что вопросно-ответная методика выделения темы и ремы высказывания является наиболее формализованной процедурой, так как каждое утвердительное высказывание можно отождествлять содержанием того вопроса, ответом на который оно служит, а реме – с той частью высказывания, которая и составляет непосредственно ответ на вопрос.

Что касается вопросительных высказываний, в частности специальных вопросительных высказываний, Л. Л. Графова предлагает дифференцировать специальные вопросы по рематической или фразоакцентной структуре, которая связана теснейшим образом с логическим аспектом и обусловлена им.

С учётом специфики рематической структуры Л.Л. Графова предлагает разделить специальные вопросы на 1) 1.1 одноремные специальные вопросы, например: “‘Why?’”, “‘Why did you decide?’”; 1.2. двухремные специальные вопросы, например: “‘Why are ‘you going home?’”; 2) с централизованным фразовым ударением, например: “‘Why are you ‘going ‘home?’”; 3) неконтрастные, например: “‘Why are you ‘going ‘home?’”; 4) с однословной ремой, например: “‘Why are you going home?’”; 5) позиционно-маркированные, например: “‘Why are you going home?’”.

Рассмотрим на следующих примерах результаты анализа рематической структуры специальных вопросов из учебных диалогов «Говори правильно»: 1) “‘What can you ‘see?’”. Приведенное вопросительное высказывание является одноремным, с однословной ремой, с децентрализованным фразовым ударением, неконтрастным позиционно-немаркированным; 2) “‘What’s the trouble?’”. Анализируемое вопросительное высказывание является одноремным, с однословной ремой, с централизованным фразовым ударением; 3) “‘Jim, it’s silly to criticize everybody’”.

“‘Now!, ‘‘why ‘‘are you ‘criticizing ‘‘me?” Данное вопросительное высказывание является двухречным, с однословной ремой, с децентрализованным фразовым ударением, сильно контрастным, эмфатически маркированным.

Итак, результаты подсчётов показали, что наибольшей рекуррентностью обладают одноречные вопросительные высказывания с однословной ремой (75% одноречных высказываний и 72% вопросительных высказываний с однословной ремой). Наибольший процент составили специальные вопросы с децентрализованным фразовым ударением (64% от общего числа специальных вопросов) и неконтактные, позиционно-немаркированные вопросительные высказывания (60% от общего числа специальных вопросов).

Кроме тема-рематической дифференциации специальных вопросов, Л.Л. Графова так же исходит из принципа классификации специальных вопросов по признакам модальности, эмоциональности и количеству повторений.

По принципу модальности специальные вопросы делятся на: 1) настоятельные вопросительные высказывания и 2) ненастоятельные вопросительные высказывания.

По признаку эмоциональности специальные вопросы делятся на: нейтрально окрашенные и особо окрашенные.

По количеству повторений специальные вопросы дифференцируются на: 1) первичного употребления; 2) вопросы, повторяющиеся говорящим.

Наши наблюдения свидетельствуют о том, что:

- по признаку модальности 45% специальных вопросов, изучаемых текстов «Говори правильно» являются настоятельными;
- ненастоятельные специальные вопросы составляют 55% от общего числа изучаемых текстов «Говори правильно» и являются настоятельными.

Рассмотрев специфику реализации специальных вопросов по признаку эмоциональности, нами было установлено:

- эмоционально нейтральные специальные вопросы составляют 11% от общего числа специальных вопросов;
- эмоционально окрашенные – 48,5% специальных вопросов;
- эмоционально насыщенные – 40,5% специальных вопросов.

По количеству повторений все специальные вопросы текстов «Говори правильно» являются вопросами первичного употребления, исключение составляет 1 пример, где ответная реплика представляет «эхо вопрос».

Как известно, окончательное отнесение высказывания к тому или иному коммуникативно-прагматическому типу осуществляется в конкретном контексте в условиях

определённой интонационной оформленности. При оформлении интонационной структуры специальных вопросов следует отметить, что интонация выступает неизолированно, а в сочетании с другими сегментными просодическими средствами: вершинным тоном, шкалой, тембром, темпом, громкостью. Современная лингвистика предлагает системный подход в изучении интонации. Этот подход предлагает системное комплексное рассмотрение просодических характеристик речи как единого целого.

Выступая в роли системного явления, интонация выполняет следующие функции: коммуникативную, структурирующую функцию, эмоционально-модальную, ритмообразующую. Каждая из этих функций привлекала и привлекает в настоящее время внимание исследователей. К числу наиболее изученных аспектов просодии относят её коммуникативный аспект, выявляющий тип просодии в формировании коммуникативных типов высказываний.

Все функции интонации тесно взаимосвязаны в процессе коммуникации. Саморазграничение функций носит относительный характер. Все компоненты интонации участвуют в реализации указанных функций.

Как известно, ведущими компонентами интонации являются мелодика, фразовое ударение, ритм, темпоральные оттенки, громкость голоса и темп.

Перейдём к описанию терминальных тонов, которые наиболее характерны для специальных вопросов. Но прежде отметим, что в специальной литературе различаются простые тоны и сложные.

Теоретически в английском языке выделяют простые тоны: низкий нисходящий, высокий нисходящий, низкий восходящий, высокий восходящий и сложные тоны: высокий нисходяще-восходящий, низкий нисходяще-восходящий, высокий восходяще-нисходящий, низкий восходяще-нисходящий тон.

Важным компонентом интонационной группы является шкала. Хотя теоретически возможно большое количество шкал, но учитывая задачи настоящей статьи и характер экспериментального материала, мы будем базироваться на следующих характеристиках типов шкал: нисходящие шкалы, скользюще-восходящие шкалы, скандентно-восходящие шкалы.

Анализируемые нами специальные вопросы учебных текстов «Говори правильно» маскируются всеми тремя разновидностями интонационных контуров: простыми, составными и сложными. Например, простой интонационный контур «‘What was the ‘row about?»; сложный интонационный контур: «‘What has that ‘fool put in the ‘boot?»; составной интонационный контур: «‘Well, if he’s had a ‘broken Ōshoulder| ‘how could he Ōrow?».

Согласно проведённым подсчётам, 73% специальных вопросов оформлены простыми интонационными контурами. Сложные интонационные контуры представлены в 8,5% специальных вопросов, составные контуры реализованы в 18,5% специальных вопросов.

Мы считаем возможным предположить, что простой интонационный контур может быть эмоционально-нейтральным, эмоционально-окрашенным, эмоционально-насыщенным. Сложный интонационный контур может быть эмоционально-окрашенным или эмоционально-насыщенным. Составной интонационный контур может быть как эмоционально-нейтральным, так и эмоционально-окрашенным или эмоционально-насыщенным.

Нами установлено, что преобладающей тенденцией является функционирование простых контуров в эмоционально-окрашенных специальных вопросах (40%), простые контуры, оформляющие эмоционально-насыщенные специальные вопросы, также достаточно репрезентированы (22%). Что касается рекуррентности простых контуров в эмоционально-нейтральных высказываниях, то следует отметить, что она минимальна (11%).

Наше предположение относительно функционирования сложных и составных контуров подтверждается лишь частично. Сложные контуры в силу своей высокой степени эмоциональной окраски маркируют лишь эмоционально-насыщенные специальные вопросы (8,5%), а составные контуры встречаются в эмоционально-окрашенных специальных вопросах (8,5%) и эмоционально-насыщенных специальных вопросах (10%).

Теперь перейдём к рассмотрению интонационной структуры специальных вопросов. Вопросы, независимо от их коммуникативной принадлежности, характеризуются рядом константных просодических признаков, к числу которых относятся: тональное повышение на одном из участков фразы, высокий тональный уровень реализации вопросов, выделения вопросительного центра, темпоральная сжимаемость предтерминальной части вопроса. Просодические параметры обладают различной степенью активности в формировании национально-языковой специфики английского вопроса. Интенсивность действия этих параметров различна в зависимости от коммуникативной принадлежности вопросов. К конкретно языковым чертам специальных вопросов относят высокий уровень начала вопроса, высокую частотность нисходящей конфигурации фразы, наибольшую скорость частотных изменений в терминальной части.

В отечественной научной литературе отмечается, что наиболее употребляемыми контурами в специальных вопросах является интонационный контур с низким и высоким нисходящими тонами.

Ведущие отечественные фонетисты Т. А. Бровченко, В. А. Васильев, Н. Д. Лукина, Е. Б. Карневская описывают низкий нисходящий тон в английской речи как более широкий по диапазону, чем русский нисходящий тон. Что касается его семантики, то низкий нисходящий тон выражает относительную завершенность, уверенность говорящего в реальности совершаемого факта и категоричность высказывания.

Интонационный контур с высоким нисходящим тоном, в отличие от низкого нисходящего тона, звучит живо, заинтересованно. Высокий нисходящий тон делает специальные вопросы оживленными и чаще всего употребляется в тёплых, дружеских беседах.

Стоит упомянуть об эмфатической зависимости разновидности высокого или низкого нисходящего тона, который делает специальные вопросы эмоционально-насыщенными. Обычно в вопросительных высказываниях с эмфатическими нисходящими тонами говорящий передаёт наивысшую степень эмоциональности, как то: удивление, радость, восторг, отчаяние, досаду. Приведем пример наивысшей степени удивления говорящего:

- *Jim, it's silly to criticize everybody.*
- *Yes, Jill, it is. Now ``why are you 'criticizing ``me?*
- Следующий пример указывает на выражение раздражительного состояния собеседника:
 - *You can't keep a pet in these apartments.*
 - *'Why not 'try a 'parrot for instant?*

Нисходящим тонам противопоставляются восходящие тоны, которые создают своего рода семантическую избыточность выражения убедительности в специальных вопросах, в результате чего возникают эмоционально-модальные созначения, усиливающие разговорные стороны вопросительности, которые составляют условия осуществления речевого акта вопроса. Условия искренности требуют, чтобы субъект желал получения известной ему информации. Появление созначения заинтересованности может рассматриваться и как реализация вежливого отношения к адресату.

Анализ простых интонационных контуров указал на рекуррентность специальных вопросов с высоким нисходящим тоном, которые составляют 31,4% специальных вопросов, с низким нисходящим и высоким нисходяще-восходящим – 13% специальных вопросов. Вопросительные высказывания с разделённым нисходяще-восходящим тоном выражаются в 4% от общего числа специальных вопросов, специальные вопросы с низким нисходяще-восходящим – в 3%. В 2,8% выражаются специальные вопросы с низким восходящим тоном и эмфатическим низким нисходящим тоном. Реализация специальных вопросов с использованием восходяще-нисходящего,

среднего ровного тона и эмфатического высокого нисходящего тона выражается в 1% специальных вопросов, рассмотренных с простыми интонационными контурами.

Итак, мы видим, что наибольшая рекуррентность специальных вопросов реализуется простым контуром “высокая шкала + высокий нисходящий тон” (40% от общего числа специальных вопросов с простыми интонационными контурами).

Меньшую рекуррентность составляет контур:

- “высокая шкала + низкий нисходящий тон” (14%);
- “низкая шкала + высокий нисходящий тон” (8%);
- “высокая шкала + нисходяще-восходящий тон” (8%);

– “нисходящая ступенчатая шкала + высокий нисходящий тон” (8%).

Перейдём к описанию специальных вопросительных высказываний, оформленных сложным интонационным контуром.

Анализ специальных вопросов учебных текстов “Говори правильно” показал, что 18,5% специальных вопросов реализовано с помощью составных интонационных контуров. Преобладание высоких/низких тонов указывает на завершённость высказывания, а использование нисходяще-восходящих тонов указывает на заинтересованность, дружелюбие, желание получить информацию от собеседника. Все анализируемые специальные вопросы реализуются в сочетаниях “высокая шкала + высокий/низкий нисходящий тон”. Однако, три примера специальных вопросов учебных текстов “Говори правильно” указывают на сочетание высокого нисходящего/нисходяще-восходящего тона в сочетании со скользящей шкалой.

Результаты исследования позволяют сделать ряд выводов:

1. В интонационной структуре специальных вопросов наиболее частотными являются однотиповые шкалы.

2. Все рассмотренные специальные вопросы реализованы с простыми, сложными и составными интонационными контурами. Наибольшую рекуррентность составили специальные вопросы с простыми интонационными контурами в сочетании “нисходящая ступенчатая шкала + высокий/низкий нисходящий терминальный тон”. Наличие специальных вопросов со сложными контурами невелико, однако, их анализ указывает на преобладание в интонационной структуре специальных вопросов высоких/низких нисходящих тонов. Большой процент специальных вопросов, реализованных в составных интонационных контурах, выражает отношение просодического подчинения.

3. В результате проведённого фонетического исследования выявлены константные интонационные признаки, совокупность которых представляет интонационный инвариант специальных вопросов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антипова, А. М. Ритмическая система английской речи/ А. М. Антипова Учебное пособие для институтов – М.: Высшая. шк., 1984. – 149 с.
2. Графова, Л. Л. Интонационная структура специальных вопросов в американском варианте английского языка (в сопоставлении с британским): автореф. диссертации... канд. филол. н., – Моск. гос. пед. ин-т иностр. яз. им. М. Тореца, – М. 1971. – 29 с.
3. Лукина, Н. Д. Фонетический вводно-коррективный курс английского языка: Учеб. Пос. Для ин-тов и факт. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1985. – 224 с.
4. Sokolova, M. A. English Phonetics: a Theoretical Course. – М.: Vysshaya shkola, 1991. – 223 p.
5. Sound Right. Selected Sounds in Conversation by Colin Mortimer. Centre for English Study, Bletchington, Oxford. – London : Longman, 1975. – 57 p.

АННОТАЦИЯ

Баранова О. И. Интонационная структура специальных вопросительных высказываний

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-188-194

В статье рассматриваются интонационные модели специальных вопросительных высказываний из курса “Говори правильно”, интонемы специальных вопросов, рекуррентность элементов их интонационной структуры.

Ключевые слова: специальный вопрос, интонационная модель, типы шкал, терминальный тон.

SUMMARY

Baranova O. I. The intonation structure of the special questions

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-188-194

The intonation pattern, the intonemes and the recurrence of the elements of the intonation structure are discussed in the article on the basis of the Course “Sound Right” by Colin Mortimer.

Key words: a special question, the intonation pattern, types of heads, a terminal tone.

УДК: 811.111'25

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-195-200

**ПЕРЕВОД КАК СРЕДСТВО МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
РЕЦЕПЦИИ И СПОСОБ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ
КОММУНИКАЦИИ**

Ни для кого не является секретом тот факт, что взаимодействие языка и культуры – тема, существующая вне рамок обозримого времени. С тех самых пор, когда в истории цивилизации начал происходить процесс деления людей на группы, в основном по географическому принципу, пользующихся разными языками, – тогда же появилась проблема декодирования речи для возможности осуществления общения и деловых контактов между ними. Учитывая тот факт, что с течением времени, народы всё чаще стали вступать в торговые, военные, политические и, наконец, культурные отношения, – перевод явился одним из первых и наиболее востребованных видов осознанной человеческой деятельности, выполняя задачу межкультурной коммуникации. И сегодня, беря во внимание постоянно растущий интерес к переводу как взаимодействию культур, следует отметить, что его роль посредника и репрезентатора в этой области является актуальной темой исследования не только в переводоведении, но и культурологии, а также рецептивной эстетике.

Перевод, кроме непосредственного фактического материала, безусловно, даёт представление о культуре носителей исходного языка и заслуженно считается мощным фактором культурного обмена. Как отмечает Попова Т.Г., «перевод помогает проникнуть в мир культуры того или иного народа, взглянуть на духовные ценности глазами представителя иной культуры и может стать неотъемлемой частью духовного воспитания и становления наций» [2, с. 197].

Мы разделяем мнение исследователей в сфере межкультурной коммуникации и рецепции о том, что одной из задач переводчика и перевода в целом является необходимость «почерпнуть из культурной жизни другого народа некое достояние и как можно бережнее донести его до отечественного читателя или слушателя» [2, с.197]. То, насколько успешно, точно и качественно произойдёт процесс взаимодействия триады автор-переводчик-читатель (особенно художественного произведения) – будет зависеть уровень культурной рецепции иноязычного произведения. Грамотно выполненный перевод, с учётом когнитивных познаний получателей перевода, дополненный безусловным знанием предмета перевода переводчиком, открывает для читателя новые горизонты в понимании неизвестной ранее культуры; произведение, переведённое на язык

реципиента, обретает своё законченное звучание и подлинный смысл.

Являясь средством межкультурной и межкультурной коммуникации, перевод, безусловно, служит средством общения людей разных национальностей и вероисповедания. А.Д. Швейцер, один из основоположников теории перевода, советский и российский лингвист, практический переводчик с английского языка, в своей книге «Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты» отмечает, что «перевод может быть определен как однонаправленный и двухфазный процесс межкультурной и межкультурной коммуникации, при котором на основе подвергнутого целенаправленному («переводческому») анализу первичного текста создается вторичный текст (метатекст), заменяющий первичный в другой языковой и культурной среде...» [3, с.76].

Конечно, этот процесс первостепенной своей задачей (со стороны переводчика) ставит передачу коммуникативного эффекта оригинального текста, но при этом частично модифицируется различиями между разными языками, разными культурами и разными коммуникативными ситуациями. О другой, не менее важной задаче перевода, помимо осуществления межкультурной коммуникации, а именно межкультурной рецепции, говорит в своей работе Е.Г. Метельникова, которая считает межкультурную рецепцию «процессом заимствования и приспособления определенным обществом разнообразных текстов культуры, возникших в другой стране или в другую эпоху» [1, с. 239]. Она полагает, что при использовании рецептивного подхода особенно к литературному творчеству «произведение начинает изучаться как исторически открытое явление, ценность и смысл которого исторически подвижны и поддаются переосмыслению» [1, с. 240].

Одним из ярких примеров и подтверждений вышеупомянутых взглядов на явление перевода как средства межкультурной рецепции и межкультурной коммуникации является, на наш взгляд, перевод на английский язык неподражаемого по своей языковой необыкновенности и лексической сложности для передачи смысла, и языковых реалий роман М.А. Шолохова «Тихий Дон». Роман был переведён на десятки языков мира, но наше внимание привлёк один из первых переводов нетленного произведения, который датируется 1934 годом и был выполнен Гарри С.Стивенсоном, работавшим под псевдонимом Стефан Гарри. Притом, что Стефан Гарри был известен как переводчик классической русской литературы, перевод романа «Тихий Дон» в его исполнении не только не явился мостиком к пониманию англоязычным читателем русской, а именно донской культуры и быта того времени, описанного в романе, во многих отрывках текста перевод, выполненный переводчиком, просто

искажил заложенный автором смысл. Либо отдельные части романа, не поддавшиеся переводу, были просто опущены. Однако, можно предположить, что Стефан Гарри всё-таки сделал шаг навстречу англоязычному читателю, и тем самым шаг в сторону осуществления межкультурной рецепции, когда не дословно перевёл название романа, а дал вариант “And Quiet Flows the Don”. По его мнению, слово «*Дон*» у англоязычного читателя в последнюю очередь могло ассоциироваться с названием реки, скорее с испанским титулом, – потеряв при этом, конечно, тождество с заложенным автором в название романа смыслом.

На контрасте с этим переводом, перевод, сделанный Робертом Даглишем, известным в 60-е годы прошлого века по переводам «Поднятой целины» и рассказам Шолохова, – выгодно отличается именно проникновением, насколько это было возможно сделать средствами английского языка, в особенности речи автора, создание ярких и понятных образов героев романа, природы и событий. Что само по себе явилось событием в мировой переводческой литературе, и, конечно, послужило на пользу межкультурной рецепции русской классики и межкультурной коммуникации.

Роберту Даглишу, понимающему всю ответственность данного предприятия, прежде чем принять предложение перевести роман заново, по-своему, в процессе работы над переводом, пришлось решить огромное количество задач. Среди основных проблем, решаемых Даглишем, были проблемы, связанные с переводом названия романа, передачей самобытных шолоховских диалогов, описания природы и казацкого быта, изобилующих в оригинале огромным количеством языковых реалий. Точность или хотя бы близкий смысл перевода которых дали бы читателю возможность не только понять общий смысл, но и почувствовать веяние эпохи, описанной в произведении, ощутить самобытность речи героев.

«Проблему» языка казаков, местного колорита Даглиш решил, используя где-то английский просторечный язык, где-то речевые языковые реалии были переведены приближенно, при помощи описаний или аналогий, где-то, особенно если это касалось бытовых реалий, смысл которых был понятен из контекста, при помощи транскрипции. Одним из примеров подобного решения проблемы перевода является перевод Даглишем часто повторяющихся в романе Шолохова слов «*хутор*», «*станция*». Слова, безусловно, не имеющие точного аналога в английском языке. Используя английские слова “*farm*”, “*village*” в первоначальном варианте, переводчик, понимая, что они несут несколько другое значение, позже уходит от этого решения, отдавая предпочтение транслитерации и использует в переводе слово “*stanitsa*”, что помогает ему передать гораздо больше казачьего колорита, дать больше представления о культуре народа.

И даже если сам Даглиш не ставил перед собой конкретной задачи межкультурного просвещения англоязычного читателя, либо полной рецепции русского произведения англоговорящими, считая, что его потребитель больше заинтересован в том, «что» сказано, чем то, «как» сказано – ему удалось своими переводами выстроить своеобразный канал для постижения чужой для его читателя культуры. Родившийся в Лондоне, получивший образование в Кембридже, но проживший большую часть своей жизни в СССР, – Роберт Даглиш много лет проработал переводчиком в Британском посольстве в Москве, изучая культуру страны, в которой жил, и которую по возможности транслировал в своих переводах на английский язык.

В этой связи было бы правильным как раз отметить ключевую роль переводчика, осуществляющего перевод. Любой перевод отражает индивидуальность лингвокогнитивных компетенций переводчика. Безусловное знание языка, на который, или с которого переводится художественное произведение, научно-популярный текст или речь выступающего, не исключает, а скорее подразумевает безусловное владение переводчиком сведениями и о культурной составляющей переводимого. Насколько этот уровень мастерства высок и неподражаем, не всегда может судить реципиент перевода. Читатель, слушатель, не должен задумываться, какими трансформациями пользовался переводчик для передачи жанровой специфики текста, как миновал узуальные расхождения исходного языка и своего, как сумел донести до реципиента понимание культурно-языковых реалий оригинала, не нарушая смысла, как передал в своем переводе ментальность культуры, к которой относится исходный материал. И, естественно, получатель перевода вряд ли задумывается над тем, что именно все вышеперечисленные компетенции составляют и определяют, насколько высок уровень подготовки переводчика, отличают его индивидуальность, его непосредственное влияние на конечный продукт.

Нигде так полно не проявляется индивидуальность переводчика /как в рамках лингвокультурологического подхода к переводу. Адекватность перевода во многом зависит от того, насколько переводчик умело преломляет значение оригинального текста, выступая в роли представителя как своей родной, так и чужой культуры. Он создаёт свою собственную картину мира, которая формирует его сознание как билингва. Читатель же воспринимает значение переведённого текста сквозь призму своего национального сознания и культуры. Переводчик может принадлежать к той же культуре, что и автор, а может быть и представителем иной культурной традиции, но именно он играет роль связующего звена между разными культурами. Это в его задачи входит обладать пониманием и чувством своей культуры и культуры переводимого

языка, понимать их разницу, находить подходящие эквиваленты для языковых явлений, в которых отражаются особенности иноязычной культуры, сглаживать острые углы между коммуникантами, подбирая корректный, но точный перевод, особенно при переводе переговоров и встреч на высоком уровне, тем самым способствуя установлению межкультурного диалога между его участниками.

Тема перевода и его значения в построении межкультурной коммуникации никогда не теряла своей актуальности и продолжает обсуждаться многими исследователями и сегодня. Именно благодаря переводу, во многих случаях, продлевается жизнь художественного произведения, получая своё новое измерение, сглаживаются острые углы при решении иногда самых сложных вопросов по достижению взаимопонимания в политических дебатах. Перевод не просто заменяет один язык на другой – при его осуществлении сталкиваются разные представления о добре и зле, разные взгляды на мироустройство, разные культуры и их представители. Качественно выполненный перевод действительно может стать как способом межкультурной рецепции, так и средством межкультурной коммуникации, исполняющим важную роль в диалоге различных культур и в обмене эстетико-культурными ценностями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Метельникова, Е.Г. Понятие рецепции: современные исследовательские подходы к анализу текстов культуры / Е.Г.Метельникова // Ярославский педагогический вестник. 2012. – № 3. – Т. 1. – С. 239–242.
2. Попова, Т. Г. Процесс перевода во взаимодействии культур / Т.Г. Попова // Личность. Культура. Общество. 2011. Т. XIII. Вып. 2. № 63–64. – С. 197–204.
3. Швейцер, А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты / А.Д. Швейцер. – М.: Наука, 1988. – 215с.
4. Sholokhov, M. And Quiet Flows the Don [Электронный ресурс] / Mikhail Sholokhov ; [a translation from the Russian by Stephen Garry ; revised and compiled by Robert Daglish]. – Moscow : Progress Publishers, 1967. – Текст : электронный. – URL: https://archive.bookfrom.net/mikhail-sholokhov/4880and_quiet_flows_the_don.html. (дата обращения: 16.06.2024).

АННОТАЦИЯ

Жиденко Л.А. Перевод как средство межкультурной рецепции и способ межкультурной коммуникации

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-195-200

В статье рассматривается феномен понятия «перевод» с точки зрения его важности в процессе рецепции другой культуры,

делается акцент на ключевую роль перевода в рамках межъязыковой и межкультурной коммуникации, в частности, во взаимодействии культур автора оригинального текста и его иноязычного реципиента. Отмечается, что перевод в качестве важного международного средства массовой коммуникации играет значительную роль в диалоге различных культур и в обмене эстетико-культурными ценностями.

Ключевые слова: перевод, рецепция, коммуникация, иноязычная культура, реципиент.

SUMMARY

Zhidenko L.A. Translation as a Means of Intercultural Reception and a Method of Interlingual Communication

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-195-200

The article examines the phenomenon of the concept of “translation” from the point of view of its importance in the process of reception of another culture, focuses on the key role of translation in the framework of interlingual and intercultural communication, in particular, in the interaction of cultures of the author of the original text and its foreign-language recipient. It is noted that translation, as an important international means of mass communication, plays a significant role in the dialogue of different cultures and in the exchange of aesthetic and cultural values.

Key words: translation, reception, communication, foreign language culture, recipient.

*И. Г. Коловерова
(г. Горловка, РФ)*

УДК 811.134.2(045)

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-200-208

**ЕДИНИЦЫ УСТНОГО ДИСКУРСА В РАЗГОВОРНОМ
ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ**

Разговорный язык на протяжении многих лет является объектом исследования для большого количества лингвистов. Такой интерес к этому вопросу вызван, в первую очередь тем, что состав средств языка пополняется каждый день. Это связано с появлением новых образований и новых сочетаний, которые уже существовали в речи как языковые единицы. Из этого следует, что устный дискурс является не только материалом для исследователей, но и определённым маркером каких-либо структурных или функционально-семантических изменений единиц, ставших уже привычными для общества. Швейцарский лингвист Шарль Балли отмечал, что «историческое

языкознание, вынужденное самым предметом своим основываться на текстах, досадным образом приучило нас пренебрегать живыми формами, которые нам удастся находить во всей их свежести и непосредственности в современных языках. Учитывая, что язык создан, прежде всего, для устного употребления, было бы ошибкой не принимать последнее за норму» [1, с. 34].

Исследованием таких «живых форм» занимаются разные направления современной лингвистики. Например, полевая лингвистика, под которой понимается «лингвистическая дисциплина, разрабатывающая и практикующая методы получения информации о неизвестном исследователю языке на основании работы с его носителями» [Кибрик А.Е. 2007] занимается сбором и систематизацией речевого материала с использованием метода анализа корпусных данных. Коллоквиалистика, как ещё одна область современной лингвистики, занимается исследованием специфики разговорной речи.

Сегодня при анализе единиц устного дискурса подход обычно основывается на разговорной речи, не принимая во внимание трудности, с которыми мы сталкиваемся при анализе других типов регистра, в которых, например, реплики обширны и в них трудно увидеть определённое тематическое единство или предполагаемую связность. Этот недостаток привёл к возможности создания такой единицы, как «высказывание» между речью и актом, а также другой единицы: полуакт. Кроме того, важно различать два типа актов: иерархический и линейный. Такие единицы могут не только сделать сегментацию в определённых типах текстов более эффективной, но они также помогут нам лучше различать определённые маркеры дискурса (коннекторы, реформаторы и организаторы). Таким образом, мы увидим, что когда между актами существует иерархическая функция, иерархические акты, маркеры, которые их связывают, являются коннекторами, если инференциальное ограничение двунаправленное, и реформаторами, если оно однонаправленное. Когда между актами нет иерархической функции, но есть интеграция, мы обнаруживаем линейные акты, а связывающие маркеры будут организаторами.

В большинстве работ по разговорному языку, посвящённых изучению взаимодействия, именно единицы этого типа неоднократно привлекали внимание различных школ (этнометодологическая, школа дискурса в аудитории Бирмингема, женевская школа разговорной прагматики, лионская школа и т.д.). Речь для этих школ – основная единица диалога, состоящая из речевых актов, и они наделяются иллокутивными функциями, которые бывают трёх типов: иницирующие, ответно-иницирующие, ответные.

Первая, иницирующая, связана с первой репликой в обмене и является той, которая управляет тематическим и иллокутивным направлениями диалогической последовательности. Функции ответа связаны с репликами, завершающими обмен, и зависят с точки зрения цепочки и когерентности иницирующих функций. Наконец, ответно-иницирующие функции связаны с репликами, которые следуют за иницирующей (реплицирующей) репликой и обладают свойством быть посредниками в структуре диалога. Эти единицы представляются нам не самыми подходящими для изучения дискурсов, в которых присутствуют длинные речи: интервью, политические речи, лекции или проповеди.

Те, кто больше занимался монологическими аспектами дискурса, признавая, что именно прагматическое намерение определяет связность текста, отказались от вопроса о самостоятельной коммуникативной единице, рассматривая, согласно Таннену [5], как вторичный аспект попытку установить связность текста.

Иерархическое описание монологического дискурса должно основываться на его разделении на коммуникативные единицы и на признании отношений дискурсивной зависимости, которые устанавливаются между ними. Такие единицы не должны сводиться к заранее определённым синтаксическим или семантическим категориям; они не совпадают систематически ни с одной единицей синтаксиса или семантики.

Интерес к единицам того, что мы можем определить как устную коммуникацию, с одной стороны, мы должны связывать с теми, кто занимался процессом производства речи, особенно в области психолингвистики; с другой стороны, с теми, кто больше занимался вопросами, связанными с лингвистическим дискурсом, в значительной степени дистанцируясь от традиционных грамматических элементов.

В наиболее известных на сегодняшний день описаниях единиц устной коммуникации речь обычно является высшей монологической единицей; акт – низшей. Мы считаем, что между речью и дискурсивным актом должна существовать ещё одна промежуточная единица, которую мы назовём «высказывание». Этот термин позволит нам определить, как речевые акты связаны, иерархически или линейно, в возможных структурах этих высказываний и как они интегрируются в речь. Кроме того, мы считаем, что должна существовать другая единица, меньшая, чем акт, которую мы будем называть полуактом.

Как правило, речь говорящих по очереди людей является непрерывной, но когда это не так, то прерывание будет кратким и эпизодическим. В следующем примере мы можем увидеть две разных речи, одна – интервьюера (А), другая – интервьюируемого (В):

A. – *Pero al final, ¿tú fuiste a verlo?*

(Но, в конце концов ты отправился к нему?)

B. – *El otro día sí me acerqué a verlo / y estaba el pobre molido / así con vendas con el suero con la pierna estirada /// ¿Sabes de qué me acordé después? / de cuando nos íbamos nosotras en la bicicleta / y pasábamos por aquellos peñascos /// Tú te imaginas ahora nosotras dos en aquella bici hecha polvo... / no llegamos ni a la esquina /// ¿Me vas a preguntar más cosas? // es que mi amiga tiene un poquillo de prisa. (На днях я зашёл к нему, а бедняга был весь избитый, в бинтах, пропитанных сывороткой, с вытянутой ногой /// Знаешь, что я потом вспомнил? Я вспомнил, как мы катались на велосипедах и мы проезжали через эти камни /// Представляешь, сейчас мы вдвоём на этом велосипеде, превращённом в пыль... / мы даже не доехали до угла //// Ты будешь задавать мне еще вопросы? // Просто моя подруга немного торопится).*

Если между диалоговыми единствами, предпочтительно разговорными, реплики могут осуществляться по очереди, учитывая их больший или меньший разговорный эффект воздействия, то в более формальных регистрах (политическая речь или интервью) может случиться так, что в таком высказывании связность между различными фрагментами может быть такой, что мы можем считать, что появилась новая единица коммуникативности, отличная от предыдущей. Именно это происходит в приведённом выше примере, в речи В, где мы видим, что есть четыре единицы «коммуникативности» с переменными структурами, разделёнными широкими паузами (///), отношения между которыми практически не существуют. Между первыми тремя связность минимальна, хотя и не отсутствует (во втором блоке есть «после», в третьем – «мы» и «на этом велосипеде», что и заставляет нас так думать); в четвёртом блоке даже нет «после», что заставляет нас так думать). В четвёртом блоке нет даже связности и согласованности с остальной частью речи. В этом случае можно сказать, что речь состоит из четырёх небольших блоков, которые и называются высказываниями.

В тех случаях, когда высказывание состоит только из одного акта, обе единицы, высказывание и дискурсивный акт, будут совпадать; именно это происходит в речи А и В в следующем примере:

A. – *Según tu opinión: ¿ayuda la televisión a hablar mejor o a hablar peor? ///*

B. – *yo pienso que ayuda: a hablar mejor ///*

Рассмотрим еще пример:

Bueno, yo en mi casa estoy a gusto // pero me falta una habitación más para los niños / que están los tres en un cuarto //o sea, poner los dos pequeños en uno y al mayor en otro // entonces: si me toca la lotería, lo emplearía en eso ///

Мы имеем дело с высказыванием, состоящим из четырех дискурсивных актов, один из которых является главным или направляющим: *yo en mi casa estoy a gusto*, которому подчинены остальные три. Соединительные элементы *pero, o sea, entonces* оказывают влияние на ограничительные, пояснительные и итоговые оттенки, которые предусматривают разные подчиненные акты. Итак мы видим, что перед нами сложный текст, который имеет определённую аналогию со структурой предложения: обязательное ядро несколько незначительных элементов, имеющих разные характеры.

Тип иерархического структурирования высказывания, например:

Mi hijo menor va a correr un día sí y otro también // eso dice le da la vida /// позволяет разделить его на две единицы, поддерживающие отношения дискурсивной зависимости: вторая может выполнять интерактивную функцию аргумента по отношению к первой. Эта функция может быть чётко выражена соединительными элементами, такими как *pues /porque/ pues que*, которые указывают благодаря своей значимости на аргументированную функцию введенного компонента.

Наоборот, в следующем высказывании *Aquel tío nos dijo que: / bueno / que nos preparáramos para el día siguiente ///* нет такого иерархического структурирования, поскольку в этом случае невозможно разложить на две единицы, способные вступить в отношения дискурсивной зависимости, поскольку союз *que* не осуществляет никакой интерактивной функции.

Как уже отмечалось, в процессе дискурсивного производства единицы информации не только вводятся простым и последовательным добавлением, но говорящий в определённые моменты организует структуру дискурса таким образом, что слушающий может синтетическим и суммарным образом «хранить» в «дискурсивной памяти» всю информацию, охватываемую более крупным компонентом дискурса.

Создание дискурсивного акта – это одновременно: акт повествования, поскольку через него мы передаем описательное содержание (*dictum*), акт высказывания (*modus*), а также акт отношения с другими предложениями (эксплицитными или нет). Рассматривая этот третий пункт как определяющий, мы думаем, что для того, чтобы существовал дискурсивный акт, который мы можем назвать иерархическим, должен существовать фрагмент, способный вступать в отношения дискурсивной зависимости и, следовательно, осуществлять дискурсивную, называемую интерактивной, по отношению к другой минимальной единице или нет.

Отношения, которые устанавливаются между одним иерархическим дискурсивным актом и другим как составляющими высказывание, автономная дискурсивная единица, следовательно,

с полным смыслом, может включать двунаправленное инференциальное ограничение между двумя иерархическими актами или однонаправленное инференциальное ограничение.

Рассмотрим еще два примера:

1. *to(d)a la noche estuve despierta.: to(d)a entera // pero a mí no me llamó nadie ///*

2. *yo aquel día reconoció que estaba muy mal // es decir que estaba muy nervioso muy mal ///*

В первом тип причинной связи является двунаправленным, и функция союза *pero* будет заключаться в том, чтобы заставить слушателей сделать соответствующие выводы из двух символических полей, открываемых соответствующими глаголами, а также помочь создать это духовное единство смысла. Во втором случае инференциальное ограничение имеет обратную силу: оно позволяет говорящему вернуться к предыдущему элементу и присвоить ему новую интерпретацию; в отличие от первого примера, где существует взаимное инференциальное ограничение, во втором первый элемент не влияет на причинные связи, которые могут быть получены из второго, а лишь задаёт обратное направление, но это не означает, что между этими иерархическими актами нет синтактико-прагматических отношений. Но наряду с этими актами, которые мы называли иерархическими, есть и другие, которые мы будем называть линейными.

Не все дискурсивные акты интегрируются одинаково: одни функционально интегрируются в другой фрагмент; другие остаются между ними на одном и том же дискурсивном уровне, а потому тип отношений, устанавливаемый на том же дискурсивном уровне, не влечёт за собой никаких инференциальных ограничений и лишь указывает на место, занимаемое дискурсивным актом в высказывании в целом. В следующем примере *Ese siempre trabaja mucho // pero se gasta todo en el juego // además su madre es viuda: y tiene muchos problemas ///* отношения, установленные с помощью *pero*, предполагают инференциальное ограничение, поскольку они являются связанными единицами, минимальными коммуникативными единицами, функционально интегрированными в более высокую моноклеарную единицу. И наоборот, *además* вводит акт, введение которого в высказывание не подразумевает никакой причинной связи с оставшейся частью, а является чисто линейной интеграцией. Дискурсивные акты, интегрированные таким образом и, следовательно, обладающие большей семантической автономией, чем иерархические, и называются линейными. Поскольку они не вступают в связь дискурсивной зависимости, т.к. они не обладают интерактивной функцией, их включение в высказывание не влечёт за собой причинной связи остальной

частью предложения, особенно если они вводятся с помощью таких аддитивов, как: *además, junto a esto* и т.д. Некоторые линейные акты связаны с другими линейными актами для формирования высказывания, в данном случае полядерного; не будет, как в случае с иерархическими актами, одного ядра (главного акта) и одного или нескольких полей или субполей (вторичных актов), но будет несколько ядер (главных актов).

Следует помнить, что для того, чтобы существовал линейный акт, должен существовать фрагмент, способный вступать в отношения, содержащие перечисление, по отношению к другому фрагменту. Оба фрагмента, в данном случае линейные акты, будут интегрированы в единицу, высказывание, которое, в свою очередь, будет интегрировано в речь.

Анализируя любой дискурсивный фрагмент, можно заметить, что даже внутри актов есть ещё и другие, более мелкие единицы, другие, ещё более мелкие содержательные блоки, имеющие смысл, но меньшую семантическую нагрузку, чем акты, составными частями которых они являются: полуакты. Разница между полуактом и актом заключается в том, что первый является частью одного из актов высказывания и неотделим, в момент понимания, от этого акта, который, в свою очередь, также неотделим – иерархически или линейно – от другого или от других актов, составляющих высказывание.

Рассмотрим следующие примеры:

1. // *porque le dije que para qué la había dejado en el pub / que pasara mañana por la tarde / y que se la daría* ///

2. *Él decía que no /que era el sueldo de de varios empleados / que se los tenía que: dar por la mañana* ///

В первом примере есть три разных информации: а) *porque le dije que para qué la había dejado en el pub*, б) *que pasara mañana por la tarde* и в) *y que se la daría*, которые поддерживают между собой внутреннюю семантическую связь.

Во втором примере, как и в первом, тоже три информации: а) *Él decía que no*, б) *que era el sueldo de de varios empleados* и в) *que se los tenía que: dar por la mañana*.

Кроме того, между а, б и в, в двух фрагментах, осуществляется механизм перечисления. В обоих случаях можно говорить, что акт состоит из трёх полуактов. Полуакт будет зависеть от конфигурации акта и, как всегда, от контекста.

В дополнение ко всему вышесказанному стоит отметить также, что существуют такие формы, которые служат подсказками для связности между компонентами дискурса, делая явным тип устанавливаемых отношений, изучение которых необходимо при переходе от грамматики предложения к грамматике дискурса.

На самом деле, лингвистика предложения, по сути, сосредотачивает свой анализ на синтаксических и семантических компонентах, не обращая внимания на ряд лингвистических знаков и общих принципов, регулирующих интерпретацию дискурса. С точки зрения этого подхода, маркеры дискурсивных отношений, в той мере, в какой они не являются нексусами между суждениями, а скорее элементами, которые соотносят и направляют интерпретации и дискурсивные стратегии – контраргументативные, контраргументативные, реформаторские, организующие и т.д. – становятся необходимыми инструментами для компоновки дискурсивной структуры.

В заключение следует отметить, что мы должны с самого начала отделить предложение (синтаксическую единицу) от высказывания (единицы «коммуникативности»). Первое определяется только наличием специфической внутренней структуры, задаваемой типом компонентов (составляющих его частей) и отношениями, которые их связывают. Высказывание является преимущественно коммуникативной единицей, что не освобождает его от формального разграничения с помощью пауз. Мы считаем, что коммуникативную единицу, меньшую, чем высказывание, минимальный дискурсивный акт можно представить как иерархическую, минимальную дискурсивную единицу, выполняющую дискурсивно-интерактивную функцию по отношению к другой единице, минимальной или нет, как линейную, дискурсивную единицу с большим коммуникативным значением, чем предыдущая, поскольку она интегрирована не функционально, а линейно в целое высказывание; следовательно, она не выполняет никакой дискурсивно-интерактивной функции по отношению к другой единице. Взаимосвязь между этими актами не влечёт за собой инференциального ограничения, и, хотя первый из них объявляет или требует последующий, он лишь указывает на место дискурсивной единицы в комплексе всего высказывания, минимальной единицы «коммуникативности», внутренняя организация которой заставляет, чтобы составляющие её элементы появлялись связанными или формально, или случайно.

Высказывание может состоять из нескольких иерархических актов или из нескольких линейных актов. Речь как высшая монологическая единица может состоять из одного или нескольких высказываний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балли, Шарль Общая лингвистика и вопросы французского языка / Шарль Балли. – Москва : Изд. иностр. лит., 1955. – 416 с.
2. Бюлер, К. Теория языка / К. Бюлер. – Москва : Прогресс, 1993. – 501 с.
3. Кибрик, А.Е. Методика полевых исследований (к постановке проблемы) / А.Е. Кибрик // Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики. – Вып. 10. – М., 1972. – 182 с.

4. Дейк, ван Т. Язык. Познание. Коммуникация / Т. ванн Дейк. – Благовещенск : БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000ю – 308 с.
5. Tannen, Deborah Talking voices : repetition, dialogue, and imagery in conversational discourse / Deborah Tannen. – New York : Cambridge University Press, 1989. – 240 p.

АННОТАЦИЯ

Коловерова И. Г. Единицы устного дискурса в разговорном испанском языке

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-200-208

В данной статье предлагаются новые дискурсивные единицы для облегчения сегментации и изучения формальных регистров разговорного испанского языка. Устанавливается единица дискурса – высказывание, между репликой и актом. Кроме того, различаются два типа актов: иерархический и линейный. Эти единицы не только позволят более эффективно сегментировать определённые типы текстов, они также позволят лучше различать определённые маркеры дискурса.

Ключевые слова: единицы дискурса, устный дискурс, маркеры дискурса.

SUMMARY

Koloverova I. G. Units of Oral Discourse in Spoken Spanish

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-200-208

This paper proposes new discourse units to facilitate the segmentation and study of the formal registers of spoken Spanish. A discourse unit, the utterance, is established between the cue and the act. In addition, two types of acts are distinguished: hierarchical and linear. These units will not only allow us to segment certain types of texts more effectively, they will also allow us to better distinguish certain discourse markers.

Key words: units in discourse, spoken discourse, discourse markers.

*М.А. Кораблёва
(г. Милан, Италия)*

УДК 372.881.161.1

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-208-220

ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ НЕЙРОСЕТИ СНАТГРТ В ПРЕПОДАВАНИИ РКИ НОСИТЕЛЯМ ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА

В стремительно развивающейся области языкового образования интеграция искусственного интеллекта (ИИ) радикально меняет подход к преподаванию и изучению иностранных языков, и

нейросеть ChatGPT (и её аналоги) находится в авангарде этой трансформации. Этот технологический прогресс открывает беспрецедентные возможности для педагогов, особенно тех, кто занимается преподаванием русского языка как иностранного. Его значение невозможно переоценить; используя возможности ChatGPT, преподаватели могут предоставлять более персонализированный, привлекательный и эффективный опыт обучения, с гораздо меньшими энергетическими и временными затратами [1]. Это не просто совершенствование традиционных методов обучения, а революция, которая могла бы изменить педагогический ландшафт.

В данной статье рассматриваются некоторые возможности применения ChatGPT преподавателями русского языка в итальяноязычной аудитории: в планировании уроков, интерактивных методиках обучения, процессах оценки и обратной связи. Хотим подчеркнуть, что фокус нашего внимания направлен на изучение использования нейросети только преподавателями РКИ, мы не будем освещать принципы и возможности использования нейросети ChatGPT студентами или самостоятельно изучающими русский язык.

Одним из первых препятствий к использованию нейросетей в преподавании является неосведомлённость о возможностях их использования и скептицизм по поводу качества полученного материала. Как только мир узнал и начал пользоваться в широком доступе услугами нейросетей, каждый так или иначе попробовал «сделать запрос» и получил ответ, не всегда удовлетворительный, «машинный», с трудом применимый в полной мере в преподавательской практике.

На самом деле ChatGPT, будучи компаньоном по изучению языка, открывает множество возможностей для преподавателей. Этот инструмент, основанный на ИИ, является не просто пассивным хранилищем информации, а активным участником учебного процесса, способным вовлечь учащихся в содержательный диалог и практику. Этот инструмент постоянно развивается и анализирует не только имеющуюся информацию, но и запросы, составляет статистики, «набирается опыта», то есть «растёт» с невероятной скоростью.

Перейдём к конкретным рекомендациям о возможном применении данной нейросети преподавателями.

С помощью нейросетей очень быстро можно создать множество учебных фраз, направленных на изучение каких-либо особых грамматических или лексических конструкций. Одним из самых простых использований нейросети в этом качестве может быть запрос на создание 20-30 фраз с определённым грамматическим или лексическим ключом. Пример такого запроса: «Напиши 30 простых

фраз, содержащих глаголы писать, читать, смотреть, давать, жить, есть, пить, работать в настоящем времени в разных лицах для студентов, изучающих русский язык, уровень A1». Очень важно указать уровень учащихся и добавить «простых, разговорных» или «фразы на каждый день», чтобы сеть сгенерировала действительно полезный материал, который можно использовать сразу же для перевода на родной язык, или тут же в нейросети перевести их на родной язык учащихся для последующего перевода на русский язык. Благодаря возможностям нейросети можно перевести эти фразы на разные языки, если учащиеся являются носителями разных языков, таким образом, персонализируя обучение. С подобными сгенерированными фразами можно работать как на занятии, так и для закрепления пройденного материала, а также в качестве домашнего задания. Посмотрим, что получилось с нашим запросом:

1. Я пишу письмо.
2. Я читаю газету.
3. Я смотрю фильм.
4. Он смотрит футбол.

Это некоторые из получившихся фраз. Изменим уровень, то есть попросим сеть сгенерировать фразы посложнее, причём оставим эти же фразы в качестве основы. Вот что у нас получилось:

Уровень A2

1. Я пишу письмо своему другу(дательный падеж, местоимение «свой»).
2. Я читаю газету на русском языке (предложный падеж).
3. Я смотрю фильм с субтитрами (творительный падеж).
4. Каждый вечер он смотрит футбол с друзьями (указатели времени, творительный падеж).

Как видим, помимо глагола и прямого дополнения, на уровне A2 мы можем предложить для перевода более сложные грамматические конструкции, с падежными отношениями, с некоторыми синтаксическими конструкциями. Усложним фразы до уровня B2:

Уровень B2

1. Я пишу письмо своему другу на русском языке и надеюсь, что он поймёт то, что я ему написал.
2. Я читаю интересную газету на русском языке, из которой я узнаю много нового.
3. Когда я смотрю русский фильм с субтитрами, я понимаю почти всё.

4. Каждый вечер он смотрит футбол со своими новыми друзьями, с которыми он посещает лекции по русскому языку.

Нейросеть осталась в рамках настоящего времени, исходя из нашего первого запроса, усложнив фразы и лексику до требуемого уровня. Естественно, эти фразы можно использовать не только для студентов с определённым уровнем, а и все вместе, начиная с простых и усложняя их во время занятия, с целью объяснения иностранному учащемуся построения русских фраз от простых к сложным. Учитель может варьировать материал по своему усмотрению, и нейросеть как инструмент генерирования текстового материала оказывает нам неоценимую помощь и экономит время.

Генерирование учебных диалогов: «Искусственное общение».

В свете развития информационных технологий и уже привычного для всех присутствия «роботов», созданных для обслуживания чатов, так называемых чат-ботов, появилась возможность изучения так называемого «искусственного общения» [5].

Чат-боты уже прочно вошли в нашу жизнь в качестве помощников, и умение «общаться» с голосовыми помощниками с целью решения определённой задачи может быть одним из практических методов, применимых в обучении иностранному языку. Достижение цели и решение проблемы с помощью чат-бота может быть тестовым заданием на уровень знания языка.

Использование ChatGPT для создания диалогов, где студенты могут практиковать разговорный русский язык, одновременно развивает коммуникативные навыки и позволяет иностранным студентам понять типичные структуры и «примитивные» ответы искусственного интеллекта. Но ИИ может также исправлять ошибки или предлагать более идиоматические способы выражения мыслей, таким образом обеспечивая мгновенную обратную связь, которая имеет решающее значение для усвоения языка. Ход «общения» зависит во многом от источника, или промта, который направляет и обуславливает всё содержание конечного текста.

В уже упомянутой выше статье А. Янелла предлагает список полезнейших фраз, которые должен иметь на вооружении преподаватель, делающий запрос ИИ в учебных целях. Приведём лишь некоторые примеры: «реагируй как если бы/ истолкуй/

ответь как если бы ты/ процитируй/ классифицируй/ выдели/ перефразируй/ сделай абстрактным/ приведи примеры/ организуй в алфавитном порядке/ найди различия/ выяви аналогии/ составь библиографию...» и т.д. [5]:

Livello		Verbi e espressioni d'azione	
Chi	Ruolo da interpretare	Agisci come... / Interpreta... / Rispondimi come se fossi... [..]	
Cosa*	Ricordare	Rievoca... / Cita... / Ricostruisci... / Riconosci... / Trova... / Individua... [..]	
	Comprendere	Descrivi... / Riformula... / Parafrasa... / Rappresenta... / Illustra... / Esempifica... / Classifica... / Categorizza... / Sussurmi... / Riassumi... / Astrai... / Generalizza... / Inferisci... / Estrapola... / Interpola... / Spiega... / Dimostra... [..]	
	Applicare	Esegui... / Calcola... / Risolvi... / Implementa... / Applica la teoria... / Adotta il modello... [..]	
	Analizzare	Analizza... / Individua corrispondenze... / Individua differenze... / Rievoca analogie... / Seleziona... / Esamina... / Organizza... / Trova coerenza tra... / Integra... / Delinea... / Struttura... / Attribuisce... / Deconstruisci... / Identifica intenti... [..]	
	Valutare	Controlla... / Monitora... / Verifica... / Critica... / Giudica... / Giustifica... [..]	
	Creare	Genera... / Ipoteizza... / Immagina... / Associa in maniera creativa... / Problemattizza... / Trasferisci i seguenti concetti tra differenti contesti... / Pianifica... / Progetta... / Idea... / Elabora una strategia... / Riorganizza... / Risolvi... / Crea... / Produci... [..]	
Per chi	Destinatari coinvolti	Considera come target... / I contenuti devono essere adatti a... [..]	
Come	Scegliere metodologie e/o di contesto	Rispetta il documento di indirizzo... / Considera che... / Impiega il seguente... / Adotta uno stile... / Forniscimi fino a... / Proponi più alternative secondo... / Cignivolta che io... / Inclui... / Riprova esempi riferiti a... [..]	
[Altre]	[..]	Prodotti una bibliografia di riferimento... / Forniscimi link utili per approfondire... / Offrimi ulteriori spunti per... [..]	

Пример запроса: «Напиши смешной диалог на уровень A2 для студентов, изучающих русский как иностранный, в котором бы использовались возвратные глаголы. Максимум 500 слов».

Интересно, что нейросеть WriteSonic, аналог ChatGPT, приняв подобный запрос, предложит вам переформулировать его, сделав его более подробным, и предложит также варианты развития диалога: в кафе, на железнодорожной станции, в парке; указать персонажей диалога; указать, в чём вы хотите увидеть «весёлость» – в недопонимании, в культурных различиях... Посмотрим, что у нас получилось:

Анна: Привет, Мария! Как долго мы не виделись!

Мария: Привет, Анна! Да, сколько лет, сколько зим!

Анна: Что нового?

Мария: Ну, я только что вернулась из Италии.

Анна: Ого! И тебе нравится в России?

Мария: Да, мне очень нравится. Но я всё ещё привыкаю к русским обычаям и адаптируюсь к климату.

Анна: А-ха-ха, не расстраивайся, я тебе всегда помогу.

Мария: Спасибо, Анна. Например, я не знаю, как здесь заказывается кофе.

Анна: Ну, сначала ты говоришь «Я бы хотела...», а потом называешь кофе, который хочешь заказать.

Мария: Ах, я поняла. Как называется «кофе и молоко»? Так и будет?

Анна: Можешь сказать просто «латте»!

Мария: Но это же только молоко по-итальянски!

Анна: Вот так просто! Здесь тебе принесут кофе с молоком! Добро пожаловать в Россию, Мария!

Мы выделили подчёркиванием все возвратные глаголы, которые нейросеть употребила в этом небольшом диалоге. Как видим, лексический минимум выдержан, грамматическая задача выполнена, культурное недопонимание присутствует. С небольшими доработками этот диалог может быть использован как для работы в аудитории, для чтения по ролям, для обсуждения «трудностей» с заказами в России блюд и напитков, для обсуждения возвратных глаголов, использования междометий и т.д.

Диалоги, сгенерированные ИИ, обладают рядом преимуществ для обучения РКИ, т.к. ИИ может создавать индивидуальные диалоги, основанные на уровне знаний и интересах учащегося. Это позволяет преподавателям адаптировать обучение к потребностям каждого ученика. Не всегда аудитория достаточно однородна в плане возраста, исходного уровня языка, целей обучения. В запросе в нейросети можно всегда указать нужную информацию, чтобы получившийся результат как можно лучше отвечал нашим намерениям. Например, для студентов, уже проживающих на территории РФ, можно готовить диалоги более «практичные», реплики из которых они бы смогли применить сразу же «в жизни»: покупка билета, оформление документов, вызов такси и т.д. Для студентов, учащихся на подготовительном факультете, можно предложить диалоги, связанные со студенческой жизнью и возможными трудностями адаптации; для студентов с определённым родным языком можно составить диалоги и тексты на типичные ошибки носителей этого языка, самые частотные «недоразумения».

Диалоги, сгенерированные ИИ, создаются с использованием естественного языка, что помогает учащимся развивать слуховое понимание и навыки беглой речи. Фразы могут быть построены с учётом возрастных особенностей учащихся и их предпочтений. Стиль речи и наличие сленговых выражений, междометий можно регулировать в запросе (или «промте», термине, который используется в контексте нейросетей).

Диалоги предоставляют контекст для изучения грамматики, лексики и культурных особенностей русского языка. В конечном итоге, знание грамматики, владение различными языковыми конструкциями, идиоматическими оборотами, словарный запас – всё это проявляется именно в форме диалога, когда изучающий язык должен применить свои знания на практике. Диалог – это и исходный инструмент для изучения грамматических и синтаксических конструкций, и конечный продукт одновременно.

Диалоги, сгенерированные ИИ, часто более увлекательны, чем традиционные учебные материалы. Это может повысить мотивацию и вовлечённость учащихся. Естественно, сгенерированный диалог

должен быть проверен и «отточен» преподавателем, чаще всего это источник идеи, готовая форма, которую опытный преподаватель модифицирует под личные нужды. Таким образом, от того, насколько точным и подробным будет промт для диалога, настолько удачным окажется конечный результат [6].

ИИ может автоматизировать создание диалогов, освобождая преподавателей от этой трудоёмкой задачи и предоставляя им больше времени для занятий с учащимися. Более того, из-за возможности иметь практически бесконечное количество вариантов диалогов, преподаватель может создать за минимальное время персонализированные задания для каждого конкретного учащегося, что уменьшит риск списывания в аудитории.

Нейросети могут генерировать диалоги на различные темы, включая продвинутую грамматику и культурные нюансы. В запросе необходимо указывать языковой уровень учащихся, для которых предназначен материал, и нейросеть автоматически подберёт соответствующий лексический минимум. Помимо этого, нейросети могут быть обучены для создания диалогов, которые соответствуют конкретным учебным целям, таким как подготовка к экзаменам или сосредоточение внимания на конкретных грамматических структурах. Нейросети могут анализировать ответы учащихся и предоставлять обратную связь, адаптируя диалоги в соответствии с их прогрессом.

Создание текста и грамматическое объяснение: «Искусственное мышление»

Говоря об искусственном интеллекте, мы даже не задумываемся, что же мы имеем в виду конкретно. Для каждого индивидуума ИИ представляется чем-то особенным, с чем он сталкивался или не сталкивался в реальной жизни. Для одного ИИ – это «Алиса», для другого – это голосовой помощник на банковском сайте, для третьего – ChatGPT. ИИ имеет своё «реальное» воплощение в виде программ, устройств, сайтов, чат-ботов. Тем не менее, именно в силу того, что ИИ постоянно развивается на основе вопросов и ответов, которыми постоянно пополняется его база, можно определить ИИ и как конечный продукт, и как процесс [2]. То есть с таким определением имеет смысл говорить об «искусственном мышлении».

Помимо простого разговора, возможности ChatGPT распространяются на генерацию текстов, которые включают в себя конкретные словарные или грамматические правила. Эта функция может быть особенно полезна для создания специальных материалов для чтения или для объяснения сложных грамматических концепций в более простых терминах.

Возможность запрашивать конкретный контент, например, короткие рассказы, включающие в себя только что изученную лексику, позволяет преподавателям настраивать учебные материалы в соответствии с потребностями своих учеников. Такая персонализация может сделать обучение более актуальным и интересным для студентов.

ChatGPT может трансформировать сложные тексты в более простые версии, что облегчает учащимся понимание материала и взаимодействие с ним. Это может быть особенно полезно, когда речь идёт о сложных предметах или элитарной литературе. Типичное задание на пересказ текста может стать примером вариативности использования различных языковых конструкций. Попробуем сделать несколько пересказов с помощью нейросети.

Напишем промт: «Сгенерируй небольшой текст о разных российских телевизионных передачах, которые могут быть полезными для изучающих русский язык как иностранный, уровень B1». Вот результат:

«Российские телевизионные передачи для изучающих русский язык как иностранный, уровень B1

1. Полиглот

Эта популярная образовательная программа обучает зрителей иностранным языкам, включая русский. Каждая серия посвящена определённой теме или грамматической структуре. Язык преподаётся в доступной и увлекательной форме, с акцентом на разговорную речь.

2. Говорим по-русски

Эта программа предназначена для начинающих и продолжающих изучать русский язык. Она включает в себя короткие видеоролики на различные темы повседневной жизни, такие как покупки, путешествия и общение в социальных сетях. Язык в передаче естественный и практичный.

3. Поехали!

Это трэвел-шоу, которое следует за ведущим во время его путешествий по России. Передача даёт возможность зрителям познакомиться с русской культурой, историей и языком. Ведущий общается с местными жителями, посещает достопримечательности и пробует традиционную кухню.

4. Большой вопрос

Эта интеллектуальная игра-викторина затрагивает широкий круг тем, от истории до науки. Участники отвечают на вопросы, используя свой интеллект и знание русского языка. Передача расширяет словарный запас и улучшает понимание различных тем.

Просмотр этих передач не только поможет изучающим русский язык улучшить свои языковые навыки, но и позволит им узнать больше о русской культуре и менталитете».

Следующий промт: «Перескажи этот текст другими словами». И сразу же перед нами переформулированный текст:

«Для изучающих русский язык как иностранный на уровне В1 существуют увлекательные российские телевизионные программы, которые могут значительно помочь в освоении языка.

1. Полиглот:

Ведущая образовательная программа, доступно и увлекательно обучающая иностранным языкам, включая русский. Каждая серия посвящается конкретной теме или грамматической структуре, фокусируясь на разговорной речи.

(...)».

Критический подход к использованию ChatGPT: «Искусственная социальность»

Хотя ChatGPT предлагает множество идей и возможностей, важно подходить к его использованию критически. Нейросеть не всегда может давать адекватные с точки зрения контекста ответы, и поэтому ее следует дополнять другими учебными ресурсами и реальным знанием языка. Сочетание ChatGPT с традиционными методами обучения, такими как учебники, программы языкового обмена и опыт, может практически гарантировать полный охват обучения. Преподаватели должны поощрять учащихся к поиску путей взаимодействия с носителями языка и погружению в аутентичную языковую среду для всестороннего понимания русского языка и культуры. Очень важно использовать ChatGPT в качестве дополнения к традиционным методам обучения и реальному опыту для обеспечения целостного изучения языка.

ИИ – неотъемлемая часть онлайн-культуры. Для того, чтобы взаимодействовать с ИИ, необходимо быть подключённым к интернету, соответственно, иметь доступ к базе данных, из которой ИИ черпает информацию. Бытие онлайн и оффлайн всё больше и больше определяют наше сегодняшнее существование. Мы всё больше привыкаем к тому, что, находясь «в интернете», мы так или иначе взаимодействуем с ИИ, даже не отдавая себе в этом отчёта. Отсюда возник термин «искусственная социальность», который сформулирован в статье А. В. Резаева: «Искусственная социальность представляет собой эмпирический факт участия агентов ИИ в социальных взаимодействиях в качестве активных посредников или участников этих взаимодействий» [2].

Планирование уроков с помощью ChatGPT

Одним из самых частотных запросов в ChatGPT является планирование уроков или создание различных презентаций. Также можно создать контент для презентации, и, что самое увлекательное, создать идеи для занятий. Сегодня к услугам преподавателя вся база нейронных сетей и все возможные уже имеющиеся запросы других преподавателей. Чтобы не изобретать горячую воду, можно просто ввести: «Накидай мне идей для урока на тему «Знакомство»» или «Сгенерируй план урока для группы из 10 человек с ролевыми играми на тему «Синонимы и антонимы прилагательных» для уровня В1». Такой подход позволяет разрабатывать структурированные и интересные планы уроков, которые согласуются с образовательными целями. Кроме того, педагоги могут изменять детали в запросах, моделируя их по ходу выполнения, например, уточнить тему урока или добавить возрастную группу учащихся. Такая гибкость в быстром создании позволяет учителям создавать планы уроков, которые одновременно являются новаторскими и актуальными для их конкретного контекста преподавания.

Создание индивидуальных заданий и оценок – еще одна область, в которой работает ChatGPT. Преподаватели могут запросить ИИ, чтобы объяснить грамматические понятия в более простых терминах или использовать другие слова, что облегчает учащимся понимание сложных грамматических структур. Кроме того, способность ChatGPT генерировать различные типы тестов, такие как заполнение бланка или вопросы с несколькими вариантами ответов, позволяет создать индивидуальные оценки, которые могут эффективно оценить понимание студентом предмета. Способность этого инструмента готовить адаптированные тексты также позволяет преподавателям разрабатывать задания, которые одновременно являются уникальными и согласуются с учебными целями их курса. Используя ChatGPT таким образом, педагоги могут гарантировать, что их оценки и задания не только эффективны в измерении обучения студентов, но также привлекательны и актуальны.

Способность ChatGPT служить в качестве персонализированного словаря и генерировать творческий контент может быть использована для создания лексических игр, которые делают обучение более увлекательным. Например, преподаватели могут попросить ChatGPT определить слова или фразы, связанные с уроком, а затем использовать эти определения для разработки викторин или словесных игр. Кроме того, генерирование цитат или наводящих на размышления вопросов по конкретным темам может служить отличным стимулом для обсуждения и размышления, что ещё больше укрепляет словарный запас и навыки критического мышления.

Процесс написания сценариев для виртуальных туров можно значительно ускорить с помощью таких инструментов, как ChatGPT. Например, если преподаватель хочет создать виртуальный тур в русскоязычном регионе, он может предоставить ChatGPT оперативную информацию и контекст. Такой подход не только экономит время на исследования, но и позволяет создавать персонализированный и информативный контент, который может обогатить образовательный опыт. Кроме того, использование ИИ для обеспечения качественного и точного отображения местоположений добавляет дополнительный уровень погружения и реализма к виртуальным турам, что делает их инновационным инструментом культурного образования.

Используя эти интерактивные методы, ChatGPT способствует более динамичному и интересному подходу к изучению русского языка. Включив в учебную программу имитацию разговоров, лексические игры и виртуальные туры, преподаватели могут предоставить учащимся богатый и разнообразный опыт обучения, который не только улучшает языковые навыки, но и углубляет культурное понимание [6].

ChatGPT, благодаря своим возможностям искусственного интеллекта, предлагает учителям инструмент для автоматизации оценки устных и письменных заданий, он способен генерировать связный и релевантный текст на основе предоставленной информации, что помогает быстро и эффективно создавать разделы отчета, предоставляя детальные и структурированные описания.

Важно отметить, что человеческий контроль остаётся необходимым. Учителя должны проверять и корректировать сгенерированный текст, чтобы убедиться, что он точен, соответствует и выровнен с конкретными образовательными целями.

Итак, в представленной статье показан трансформационный потенциал ИИ в ландшафте изучения языка, в частности через призму применения ChatGPT в обучении русскому языку. В ней подчеркивается, что индивидуализированный опыт обучения может значительно повысить эффективность и активизировать процессы изучения языка. Анализ планирования уроков, интерактивных методологий и инструментов оценки подчеркивает революционный переход от традиционных образовательных парадигм к более динамичным, чутким и ориентированным на учащихся подходам [4]. Этот переход не только расширяет возможности преподавателей, предоставляя им инновационные инструменты, но и открывает новые горизонты для изучения русского языка и взаимодействия с ним способами, которые ранее были невообразимыми.

Размышляя о более широких последствиях включения ИИ в языковое образование, становится ясно, что появление таких

технологий, как ChatGPT, устанавливает новый эталон в образовании. Представленные выводы и аргументы свидетельствуют в пользу сочетания технологии ИИ с традиционными методологиями преподавания, способствуя созданию более насыщенной учебной среды, которая была бы инклюзивной и адаптированной к различным потребностям в обучении [3].

Однако диалог по вопросу об интеграции ИИ в систему образования не завершается. Это открывает возможности для дальнейших исследований, особенно в области использования полного потенциала ИИ при обеспечении этических стандартов и решении проблем персонализированного образования. По мере того, как ландшафт языкового образования продолжает развиваться, преподавателям и учащимся предлагается идти по этому пути, используя технологии для преодоления традиционных барьеров и пересмотра контуров усвоения языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петрова Н. Е. Использование интеллектуальных технологий в обучении русскому языку как иностранному в вузе / Н.Е. Петрова // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (DHTE 2023): сб. статей IV Международной научно-практической конференции. 16–17 ноября 2023 г. / под ред. В.В. Рубцова, М.Г. Сороковой, Н.П. Радчиковой. – М.: ФГБОУ ВО «МГППУ», 2023. – С. 381-389.
2. Резаев А. В. Высшее образование в эпоху искусственного интеллекта /А.В. Резаев // Высшее образование в России.– 2024. – Т. 33.- № 4.– Текст : электронный. – URL: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-4-49-62> (дата обращения: 13.07.2024).
3. Brinton C. G. The implications of artificial intelligence for Russian language education // Journal of Russian Language and Literature. – 2022. – V. 55(2). – Pp.185-202.
4. Gabbiadini, A., (2022). La rivoluzione dell'Intelligenza Artificiale: sfide e linee di ricerca future verso un'intelligenza aumentata // A. Gabbiadini, S. Dal Lago. – The Inquisitive Mind. – 2022. – № 22. – Текст : электронный. – URL: <https://it.in-mind.org/article/la-rivoluzione-dellintelligenza-artificiale-sfide-e-linee-di-ricerca-future-verso> (дата обращения: 13.07.2024).
5. Iannella A. Lingua, didattica e intelligenza artificiale. Milano: FrancoAngeli, 2019. – Текст : электронный. – URL: https://www.researchgate.net/publication/371293286_Lingua_Didattica_e_Intelligenza_Artificiale (дата обращения: 13.07.2024).
6. Torresin L. La “competenza comunicativa interculturale” nell’insegnamentodelrussocomeLS(RKI).Teorieepraticheedidattiche,

problemì e criticità / L. Torresin // Русский язык зарубежом. – 2019. – № 3. – С. 3–10.

АННОТАЦИЯ

Кораблева М.А. Практическое применение нейросети ChatGPT в преподавании РКИ носителям итальянского языка.

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-208-220

Данная научная статья исследует использование нейронной сети ChatGPT в преподавании русского языка как иностранного итальянским студентам. Речь идёт об эффективности использования искусственного интеллекта и обработки лингвистических конструкций для улучшения навыков разговорной практики, чтения и коммуникации.

Ключевые слова: AI, РКИ, преподавание РКИ итальянцам, РКИ и искусственный интеллект.

SUMMARY

Korablova M.A. Practical Application of the ChatGPT Neural Network in Teaching RCT to Native Speakers of the Italian Language

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-208-220

This scientific article explores the use of the ChatGPT neural network in teaching Russian as a foreign language to Italian students. We are talking about the effectiveness of using artificial intelligence and processing linguistic constructs to improve conversational practice, reading and communication skills.

Key words: AI, RCT, RCT teaching to Italians, RCT and artificial intelligence.

*Р. С. Малахов
(г. Горловка, РФ)*

УДК 81'272

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-220-228

ФОРМИРОВАНИЕ ОТРИЦАТЕЛЬНОГО ОБРАЗА ГОСУДАРСТВА С ПОМОЩЬЮ ЛЕКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ НА ПРИМЕРЕ ПУБЛИКАЦИЙ TELEGRAM- КАНАЛА «UKRAINE NOW» В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Актуальность данного научного исследования обусловлена современной геополитической картиной мира и развитием методов информационной войны. 4 июля 2023 года на саммите ШОС в Нью-Дели В. В. Путин заявил, что против России

ведётся гибридная война. Определение «гибридная война» можно увидеть в научном труде «Гибридная война: сущность и специфика» доктора политических наук Н. А. Комлевой. Она даёт следующее определение термина: «гибридная война – это совокупность действий, направленных на разрушение всех основных геополитических пространств общества-соперника, то есть на его абсолютное сокрушение. При этом агрессия во всех основных типах геополитических пространств осуществляется одновременно» [2, с. 130].

Одним из элементов гибридной войны является информационная война. Согласно определению доктора политических наук Н. И. Панарина, «информационная война – это прежде всего управление информационными потоками в своих целях, управление явное и тайное, для достижения определенных результатов» [4, с. 24]. В истории существует множество примеров информационной войны. Ещё во времена Второй мировой войны пропаганда играла важную роль в достижении целей каждой из сторон. Так немцы были искусными манипуляторами, которые использовали для своих целей листовки с вводящей в заблуждение информацией. Эти агитационные листовки старались убедить советского солдата, что истинный враг находится у них за спиной.

Основной целью информационной войны является создание «образа врага». Лексические средства могут варьироваться в зависимости от конечного адресата публикаций. Манипулятивные публикации могут быть нацелены на граждан своей страны, а могут быть нацелены на граждан страны-противника. Таким образом, в этом научном исследовании мы разделяем публикации на 2 вида:

1) публикации, направленные на своих граждан. Как правило, публикации для «внутреннего использования» несут в себе больше слов с пейоративной коннотацией для описания страны, её граждан и верховного лидера. Кроме того, они имеют более агрессивную риторику;

2) публикации, направленные на граждан страны-противника. В свою очередь, публикации для граждан страны-противника более сдержанные и целью диффамации является страна-противник и её лидеры.

Выбор telegram-канала обусловлен принадлежностью канала одному из участников информационной войны, а именно Украине.

При поиске материала для анализа был использован метод сплошной выборки. В этой научной работе было проанализировано 100 публикаций украинского telegram-канала «Ukraine NOW» на предмет лексических средств для формирования отрицательного образа России.

На диаграмме (рис. № 1), мы можем увидеть, что в рамках 100 публикаций чаще используется топоним *Россия* (46 %), а не аббревиатура *РФ* (23 %) и словосочетание *страна-агрессор* (31%).

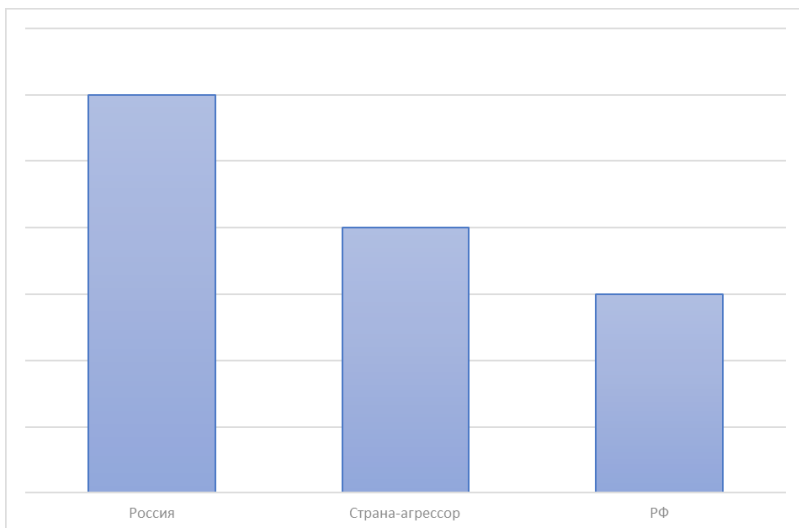

Рис. № 1. Слова и словосочетания, которые используются для обозначения России.

Слова *Россия* и *РФ* являются топонимами и не несут в себе пейоративную или мелиоративную окраску. Однако, если рассматривать топоним *Россия* в контексте публикации, то можно заметить, что автор специально подбирает определенную лексику для демонизации её образа. Рассмотрим пример использования топонима во фрагменте публикации:

«...*На жаль, на тимчасово окупованих територіях, росія систематично порушує усі фундаментальні права людини...*» [9] / «...*К сожалению, на временно оккупированных территориях, россия систематически нарушает все фундаментальные права человека...*» (перевод наш – Р. М.).

Данный фрагмент включает в себя лексику с пейоративной коннотацией (*оккупированная, нарушает все фундаментальные права человека*). Кроме того, мы можем заметить лексику, которая обозначает частотность (*систематически*), которая усиливает эффект от лексики с пейоративной коннотацией.

На следующей диаграмме (рис. № 2) мы рассмотрим прилагательные, которые используются для обозначения принадлежности к России. Такие как:

1. российский – 80 %,
 2. пророссийский – 6 %,
 3. прокремлёвский – 4 %,
 4. рашистский – 2 %,
 5. враждебный – 2 %.
-

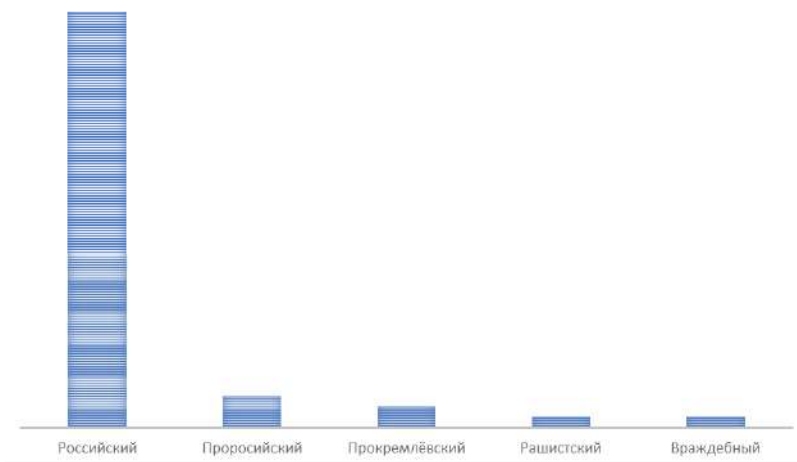

Рис. № 2. Прилагательные, которые используются для обозначения принадлежности к России.

Как мы можем заметить, наиболее часто употребляется прилагательное *российский*, в котором отсутствуют какие-либо отрицательные характеристики. Однако, стоит рассмотреть в каких словосочетаниях используется прилагательное *российский*. Далее мы предоставим часть словосочетаний, которые используются в публикациях:

- *российский теракт*,
- *российские нацисты*,
- *российские захватчики*,
- *российский фашизм*,
- *российское вторжение*,
- *российские оккупационные войска*,
- *российский террор*.

Безусловно, как мы говорили ранее, само по себе прилагательное *российский* не наделено какими-либо оценочными характеристиками. В связи с этим, автор употребляет это прилагательное исключительно совместно со словами, которые наделены пейоративной коннотацией, а именно: *теракт*, *нацисты*, *захватчики*, *фашизм*, *вторжение*,

оккупационные войска, террор. Данные слова используются для того, чтобы вызвать в реципиенте негативные эмоции по отношению к объекту обсуждения.

Опять же можно заметить пейоративное прилагательное *враждебный*, которое имеет схожую коннотацию со словосочетанием *страна-агрессор*.

Появляется прилагательное *раиистский*, которое имеет окказиональную природу, т. к. не зафиксировано ни в одном официальном словаре. Кроме того, прилагательное *раиистский* является контаминацией, которая состоит из двух фрагментов: *русский* + *фаиистский*. Создание данной контаминации дополнительно подтверждает, что украинские СМИ стараются демонизировать образ России через создание мифологизированной связи с фашистской Германией.

Следующими мы рассмотрим слова и словосочетания, которые используются для упоминания В. В. Путина (рис. № 3), а именно:

1. Путин – 37 %.
2. Российский диктатор – 16 %.
3. Гитлер – 11 %.
4. Диктатор – 5 %.
5. Московский диктатор – 5 %.
6. Глава кремля – 5 %.
7. Правитель России – 5 %.
8. Российский агрессор – 5 %.
9. Президент России – 5 %.
10. Агрессор – 5 %.

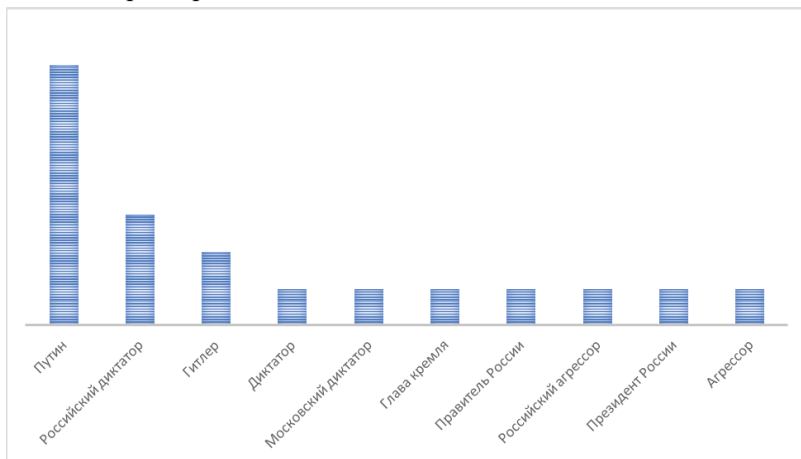

Рис. № 3. Слова и словосочетания, которые используются для упоминания В. В. Путина

В предоставленных словах и словосочетаниях мы можем найти антропоним *Гитлер*, который также является именем нарицательным. Ниже мы рассмотрим данный антропоним во фрагменте публикации.

«...Всі на Землі знають історію й пам'ятають, як боротися з нацизмом. Коли людство об'єднується, протидіє гітлеру, а не купує в нього нафту і не приходить до нього на інаугурацію...» [10] / «... Все на Земле знают историю и помнят, как бороться с нацизмом. Когда человечество объединяется, противодействует гитлеру, а не покупает у него нефть и не приходит к нему на инаугурацию...» (перевод наш – Р. М.).

Как мы можем заметить, автор не пишет прямо «Путин = Гитлер», однако он делает это имплицитно с помощью слов-маркеров (*нефть, инаугурация*), которые связаны с В. В. Путиным. Насколько мы знаем, многие страны покупают нефть у Российской Федерации, даже не смотря на события 2022 года, на что идёт отсылка в данном фрагменте. Кроме того, наиболее известная инаугурация, о которой сейчас говорят СМИ, это инаугурация В. В. Путина 7 мая 2024 года.

Причины использования антропонима *Гитлер* для обозначения В. В. Путина можно найти в научном труде доктора филологических наук А. Г. Голодова «Политическая стигматизация как вербальная технология информационной войны (на материале немецкой массовой прессы)»: «Попытка создать тождество ярлыков Путин = Гитлер приводит автоматически к постепенному отождествлению Третьего рейха (гитлеризма) и СССР (сталинизма) и соответственно уравнивания их вины в развязывании Второй мировой войны, что призвано скрыть вину практически всей Европы в развязывании Второй мировой войны и участие в ней (в прямой или косвенной форме). А кроме того, фактически происходит попытка полной нейтрализации решающей роли СССР в уничтожении мирового зла – фашизма» [1, с. 7].

Далее мы рассмотрим слова и словосочетания, которые используются для обозначения армии России (рис. № 4):

1. оккупанты – 44 %,
2. россияне – 14 %,
3. враг, противник – 13 %,
4. армия России – 8 %,
5. российские захватчики, захватчики – 6 %,
6. российские солдаты – 5 %,
7. рашисты – 3 %,
8. российские террористы – 3 %,
9. российские нацисты – 1 %,
10. нацисты Москвы – 1 %,
11. москали – 1 %,
12. российские-оккупационные войска – 1 %.

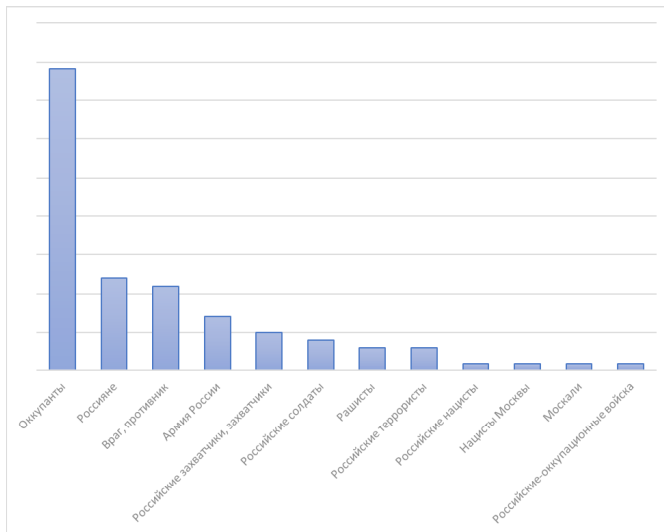

Рис. № 4. Слова и словосочетания, которые используются для обозначения армии России.

В данной группе мы можем заметить огромное разнообразие слов и словосочетаний для обозначения армии России. Также стоит отметить, что большинство этих слов имеют негативную коннотацию, единственным исключением можно определить слово *россияне*, но оно используется в публикациях по аналогии с топонимом *Россия*.

«Зафіксовано 67 ворожих ударів: росіяни пошкодили 6 багатоповерхівок, 1 приватний будинок, приміщення пошти, банку, торгового центру, ательє, навчальний заклад, цех одного з підприємств, бульдозери, екскаватори та ЛЕП» [11] / «Зафиксировано 67 вражеских ударов: россияне повредили 6 многоэтажек, 1 частный дом, помещение почты, банка, торгового центра, ателье, учебное заведение, цех одного из предприятий, бульдозеры, экскаваторы и ЛЭП» (перевод наш – Р. М.)

Автор намеренно использует слова и словосочетания *многоэтажка*, *частный дом*, *учебное заведение*, *ЛЭП*, *торговый центр*, *помещение почты* и т.д. в одном ряду со словосочетанием *россияне повредили*. Необходимо это для того, чтобы подтвердить мысль из прошлых публикаций *«россия систематически нарушает все фундаментальные права человека»* и создать «образ врага» в сознании реципиентов. Кроме того, стоит отметить, что информация в таких публикациях, как правило, неполная и автор может утаивать какие-либо скрытые факты, которые могут полностью изменить восприятие публикации.

Кроме того, мы можем заметить продолжение создание «образа зла» для Российской Федерации с помощью таких слов и словосочетаний, как *раиисты, российские нацисты, нацисты Москвы, российские-оккупационные войска* и т.д.

В заключении научной публикации, можно сделать вывод, что telegram-канал «Ukraine NOW» старается диффамировать Российскую Федерацию, В. В. Путина и армию Российской Федерации с помощью обилия пейоративной лексики. Данная выборка относится к публикациям, направленным на своих граждан. Риторика публикаций агрессивная и несдержанная, несмотря на то, что данный telegram-канал является официальным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голодов, А. Вербальные технологии информационной войны. Политическая стигматизация / А. Голодов. – Текст : электронный. – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01010555399> (дата обращения: 16.05.2024).
2. Комлева, Н. А. ГИБРИДНАЯ ВОЙНА: СУЩНОСТЬ И СПЕЦИФИКА / Н. А. Комлева. – Текст : электронный. – URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/52504/1/iuro-2017-167-14.pdf> (дата обращения: 16.05.2024).
3. Конституция Российской Федерации : [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001> (дата обращения: 16.05.2024).
4. Панарин, И. П. Первая мировая информационная война. Развал СССР / И. П. Панарин. – Пб : Питер, 2010. – 256 с.
5. Современный русский язык: Система основных понятий : учеб. пособие. В 2 ч. / М-во образования Рос. Федерации. Волгогр. гос. ун-т ; под общ. ред. Л. Б. Селезневой. – Волгоград : Изд-во Волгогр. ун-та, – 1999. – 21 см.
6. Солганик, Г. Я. Язык СМИ и политика / Г. Я. Солганик. – М. : Изд-во Москов. ун-та ; Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2012. – 952 с.
7. Толковый словарь иноязычных слов : Ок. 25000 слов и словосочетаний / сост. Л. П. Крысин. – М. : Рус. яз., 1998. – 846 с.; 25 см. – (Библиотека словарей русского языка); ISBN 5-200-02517-6.
8. Толковый словарь русского языка : 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Азъ, 1994. – 907 с.

9. Ukraine NOW. – Текст : электронный // telegram.org : [сайт]. – URL: <https://t.me/UkraineNow/52368?single> (дата обращения 10.05.2024).
10. Ukraine NOW. – Текст : электронный // telegram.org : [сайт]. – URL: <https://t.me/UkraineNow/52583> (дата обращения 10.05.2024).
11. Ukraine NOW. – Текст : электронный // telegram.org : [сайт]. – URL: <https://t.me/UkraineNow/52590> (дата обращения 10.05.2024).

АННОТАЦИЯ

Малахов Р. С. Формирование отрицательного образа государства с помощью лексических средств на примере публикаций telegram-канала «Ukraine NOW» в условиях информационной войны

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-220-228

Статья посвящена лексическим средствам, используемым для формирования «образа зла» для государства на примере публикаций в telegram-канале «Ukraine NOW» в условиях информационной войны. Рассмотрены примеры лексических средств, которые используются для обозначений Российской Федерации, В. В. Путина и армии Российской Федерации. В заключении научной публикации делается вывод, что telegram-канал «Ukraine NOW» старается диффамировать Российскую Федерацию с помощью обилия пейоративной лексики.

Ключевые слова: лексические средства, пейоративный, манипулятивный, имплицитный.

SUMMARY

Malakhov R. S. Formation of negative image of the state with the help of lexical means on the example of publications of telegram-channel “Ukraine NOW” in the conditions of information warfare

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-220-228

The article is devoted to lexical means used for the formation of the “image of evil” for the state on the example of publications in the telegram channel “Ukraine NOW” in the conditions of information warfare. Examples of lexical means used for labelling the Russian Federation, V. V. Putin and the army of the Russian Federation are considered. The conclusion of the scientific publication is that the telegram channel “Ukraine NOW” tries to diffuse the Russian Federation with the help of abundant pejorative lexicon.

Key words: lexical means, pejorative, manipulative, implicit.

УДК 811.161.1

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-229-235

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА *МЕБЕЛЬ* В ПОВЕСТИ «ЯР» С. А. ЕСЕНИНА

Изучение лексических единиц остается важным аспектом при исследовании лексики. Это способствует более глубокому пониманию не только особенностей языка, но и исследованию специфики мировидения этноса, его культуры. В разные периоды изучением лексических явлений занимались такие выдающиеся ученые, как Л. П. Крысин, Т. В. Ларина, В. М. Мокиенко, Е. И. Зиновьева, А. А. Уфимцева, М. Л. Апажев, Дж. Н. Коков и многие другие. В числе их научных интересов и изучение лексико-семантические группы слов, под которыми понимают «лексические объединения с однородными, сопоставимыми значениями», представляющие собой «специфическое явление языка, обусловленное ходом его исторического развития» [12, с. 71]. Лексическое значение слов зависит от контекста, но и само слово предопределяет авторский стиль и форму изложения. Стоит отметить, что сегодня недостаточно изучена лексико-семантическая группа (далее – ЛСГ) слов, вербализирующих образ дома, что обуславливает актуальность для данного исследования.

Цель исследования – описание слов ЛСГ *мебель* как средства выражения образа дома в повести «Яр» С. А. Есенина.

Система языка состоит из взаимосвязанных компонентов. Каждый компонент развивается в соответствии с собственными законами и в то же время интегрируется в общую систему различными способами. Понятие системы применимо ко всем языкам. Без осознания связей между словами и без контекста иногда невозможно точно определить значение конкретной лексической единицы.

Лексический состав языка – это комплекс связей, традиционно представленных с точки зрения парадигматических и синтагматических сочетаний, он состоит из семантических групп с различными видами отношений. Они образуют определенные ЛСГ и поля. Один из основных методов научного анализа этой системы – последовательное описание лексического состава с упором на семантические поля и значения единиц. При таком подходе выявляются различные связи внутри системы, что приводит к классификации и выделению разных лексических и тематических групп лексики.

Систематизация лексики, как правило, происходит от значения к форме: связь между словами устанавливается преимущественно через их общее значение, что позволяет делать выводы о системности самих слов. [2, с. 120]. Таким образом, системность лексики зависит от взаимосвязи языковых единиц, отражающих аналогичные связи и взаимодействие объектов и явлений реального мира. При таком понимании лексическая система – это «внутренне организованная совокупность языковых элементов, закономерно связанных между собой относительно устойчивыми отношениями и постоянно взаимодействующих» [5, с. 170].

ЛСГ рассматривается как микросистема, которая объединяет слова по их сходству и противопоставлению. Эта система включает в себя синонимические ряды и антонимические пары, а также омонимы и паронимы как результат взаимодействия между знаками-лексемами. ЛСГ исследуют через призму гиперо-гипонимических связей, синонимии и антонимии. Проблема синонимии является одной из ключевых в лингвистической семантике, поскольку синонимы могут быть абсолютными или частичными, в зависимости от степени взаимозаменяемости слов. Антонимы, в свою очередь, представляют собой слова с противоположными значениями и зависят от многозначности лексики в различных ЛСГ.

В своих «Очерках по теории языкознания» Ф. П. Филин анализирует концепции *тематической* и *ЛСГ*, подчеркивая их взаимосвязь и неопределенность границ между ними. Лингвист считал, что в *тематических* группах ключевую роль играют признаки, объединяющие слова по классификации. Тематические группы, по мнению ученого, могут включать как основные элементы, так и ЛСГ, которые, в свою очередь, представляют собой более мелкие, но тесно связанные между собой группы слов в рамках одной темы.

Ф. П. Филин выделяет общие и отличительные черты понятий тематических и ЛСГ в языке. Общим для них является то, что значения слов в этих группах отражают знания об объективной реальности. Отличительной чертой ЛСГ слов выступает результат законов развития лексической семантики языка, в то время как состав тематических групп слов зависит от способности народа классифицировать реальность и присваивать ей словарные обозначения. Таким образом, тематическая группа представляет собой более широкое понятие, чем лексико-семантическая.

Структурирование словарного состава языка осуществляется на различных уровнях как на лингвистических, так и на внелингвистических. Ученый М. М. Покровский выдвигал идею существования различных групп или «полей слов» в лексической системе языка.

Некоторые из этих групп представляют собой внутриязыковые объединения (по сферам представлений), в то время как другие – это объединения внеязыковые (по предметным областям). Эта концепция М. М. Покровского получила дальнейшее развитие в современном языкознании при изучении семантической организации словарного состава языка, включая теорию семантических полей, ЛСГ и тематических групп.

В. И. Кодухова считает, что «лексико-семантическая группа объединяет слова одной и той же части речи одинаковой предметной направленности, и в этом отношении они сближаются с тематическими, терминологическими и синонимическими группами слов» [12, с. 178].

ЛСГ можно назвать самой обширной по числу своих элементов группировкой слов, которая объединена общим семантическим компонентом. Этот компонент включает в себя одну и ту же сему принадлежности слова к определенной части речи, и сему, обозначающие лексико-грамматические категории этой части речи. К таким группам относятся, например, существительные, обозначающие предметы комнатной обстановки, глаголы зрительного восприятия и т.д.

Основное отличие ЛСГ заключается в том, что ее базовый компонент не сводится к одной гиперсеме (сема, обозначающая класс объектов); обычно он включает несколько различных родов сем (например, ‘диван’, ‘кресло’ – гиперсема ‘мебель для сидения’; ‘холодильник’, ‘буфет’ – гиперсема ‘мебель для хранения продуктов и напитков’).

Таким образом, описание языковых единиц, входящих в ЛСГ *мебель*, производим по такому алгоритму:

1. Выделение имён существительных с гиперсемой ‘предмет для сидения, лежания, размещения вещей и других потребностей быта’.
2. Определение значения с помощью толкового словаря.
3. Представление синонимического и антонимического ряда.
4. Представление этимологии слова.
5. Особенности использования данной лексемы в прозе.

К ЛСГ *мебель* в повести «Яр» С. А. Есенина относим следующие слова: *стол, лавка, скамья, сундук, лежанка, кровать, печь, полати, донце*.

Лексема *стол* употребляется в значении «(в виде широкой доски или нескольких досок, соединенных вместе и укрепленных в горизонтальном положении на одной или нескольких ножках), на которую ставят или кладут что-л. при работе, еде и т. п.» [11, с. 271].

Стол – особенно почитаемый предмет домашнего интерьера. Он был местом связи и общения для семьи. У каждого её члена было свое место за столом. Самое почетное место – во главе стола –

принадлежало хозяину дома. В обычное время на столе могли быть только хлеб, завернутый в скатерть, и емкость с солью. Русский человек верил, что постоянное присутствие хлеба на столе должно принести достаток и благополучие в семью: *хлеб на стол, так и стол престол, а хлеба ни куска – так стол доска* (см. [6, с. 71]).

Так, в произведении «Яр» С.А. Есенина описано данное действие: *На тиленом столе в граненом графине шипела сивуха. Филипп, опоражнивая стакан, прислонял к носу хлеб и, понюхав, пихал за поросишие, как мианиной, скулы* [4, с. 8]. Также здесь используется прилагательное *тиленом*, что указывает на то, каким образом был изготовлен стол.

Стоит отметить, что у Сергея Александровича Есенина в текстах функционирует не только лексема *стол*, но и ее производные. Например, *Вошел, снял картуз и уселся за столик* [4, с. 49]. Суффикс *-ик-* используется со значением уменьшительности, которое сопровождается экспрессией ласкательности.

Также в повести употребляются историзмы, которые тоже относятся к ЛСГ *мебель*. Они имеют гиперсему 'предмет для сидения, лежания'. Например, *полати* называет старинную русскую кровать [3, с. 898]. Ср.: *За печурками фенькал сверчок, а на полатах дремал, поджав лапы калачиком, сивоухий кот* [4, с. 24]. Словом *донце* номинировали дощечку, на которую садится пряжа и в которую вставляется гребень и куделя. Ср.: *Затыкала в стенку веретена свои, скомкала шерсть на кудели и привесила с донцем у бруса* [4, с. 60].

В русском языке есть слова, тождественные или очень близкие по своему значению. Такие лексические единицы называются синонимами. Обратим внимание на синонимичные слова, встречающиеся в повести «Яр»: *кровать, лежанка, лавка, скамья*. Все перечисленные слова обозначают мебель для сидения или лежания. Однако их существенное отличие заключается в особенностях устройства денотатов.

Слово *кровать* заимствовано из греческого языка и обозначает ложе из дуба: *Филипп, поджав живот, катался, сдавленный смехом, по кровати и, дергая себя за бороду, хотел остановиться* [4, с. 12].

Напротив, *лежанка* – это «выступ у печки для лежания» [9, с. 171]: *– Где ж Аким-то? – спросил, оглядывая пустую лежанку* [4, с. 55].

Отмечаем, что лексема *лавка* употреблялась для номинирования «в старом русском жилище и крестьянской избе: широкой доски для сидения и лежания, укрепленной неподвижно вдоль стены» [9, с. 158]. Ср.: *Костя сел на лавку и закачал ногами; теперь еще ясней показалось ему все* [4, с. 21].

Скамья – «приспособление для сидения, сделанное обычно из доски или тонких досок на стойках» [11, с. 103]. Данная лексема также заимствована из греческого языка (производна от *scabere*

«строгать, тереть»). Скамья буквально – «сиденье из строганой доски» Ср.: – *Чи-их! – фыркнуло около печки, и с кособокой скамьи полетела куча пыли* [4, с. 15].

Также в повести С. А. Есенина «Яр» употребляется дериват скамейка. Ср.: *Лимпида почуяла, как упало ее сердце; она соскочила со скамьи и бросилась за ним вдогон* [4, с. 110]; *У окна на скамейке рядом с Лимпидой он увидел Карева и, поманув пальцем, подошел к нему* [4, с. 109].

Стоит отметить, что лексемы лавка и скамья называют объекты, которые с давних пор отличались определённым назначением. Лавка крепилась вдоль стен избы и в большинстве случаев не имела ножек, в то время как скамья была снабжена ножками и ее можно было передвигать. Гости могли судить об отношении хозяина к ним по тому, сидят ли они на скамье или на лавке. Сегодня различие между этими объектами утрачено. Однако в разных местах эта мебель называется по-разному, например, в Москве – лавка, а в Санкт-Петербурге – скамья.

Слово *печь* также относим к ЛСГ *мебель*, так как оно имеет гиперсему 'предмет для сидения, лежания, размещения вещей и других потребностей быта'. В русском языке лексема *печь* обозначает «каменное или металлическое сооружение для отопления помещений, приготовления горячей пищи» [10, с. 119]. Так, лексемы, имеющие значение предметов для сидения, лежания, размещения вещей и других потребностей быта, объективируют представление о месте, в котором человек живет, которое является для него родным, знакомым, где он чувствует себя максимально комфортно. Слово *печь* указывает на духовную сферу. Печь с давних времен была очагом тепла в доме. На ней обретали свой последний приют пожилые люди, а самые маленькие члены семьи спали здесь. Ср.: *Залез только он ранее срока на печь и, свесив голову, как последней тайны, ждал конца* [4, с. 62].

Печь всегда согревала своих хозяев в холодную погоду, поэтому люди с любовью отзывались о ней. В данном тексте используется применение мелиоративного существительного, т.е. существительное с положительной оценкой: *Печка-согревушка засопела березняком, и огоньки запрыгали, свивая бересту в свиной высушенный пузырь* [4, с. 39]. Образ дома в данном примере репрезентирован как «психологическое пространство, которое трудно отделимо от мира этических оценок» [5, с. 93].

При изучении этимологии выбранных лексем обращает на себя внимание тот факт, что большинство из них – общеславянские слова (*печь, лавка, стол, лежанка*), также в ЛСГ *мебель* входят вербальные знаки греческого происхождения (*сундук, кровать*) и древнерусское слово (*скамья*).

Таким образом, ЛСГ слов является важным классом слов. Они объединяются не только общей грамматической семьей, но и гиперсемей. В повести «Яр» С.А. Есенина слова *печь, лавка, стол, скамья, лежанка, кровать, полати, донце, скамейка* относим к ЛСГ *мебель*. Анализ наименований мебели в данном художественном произведении выявил национально-культурную специфику отобранных слов. В состав группы входят как общеславянские и древнерусские слова, так и заимствования из греческого языка. Кроме того, номинации мебели рассматриваем как средство вербализации образа дома как особого места, в котором человек живет, которое является для него знакомым, где он чувствует себя максимально комфортно, т.е. выражают образ дома. Лексические наименования, репрезентирующие названия мебели, активно участвуют в процессе метафоризации и концептуализации. Однако данное описание не является исчерпывающим, что обуславливает перспективу дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов, Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М. : Русские словари, 1999. – Текст : электронный. – URL: https://gufo.me/dict/synonyms_abramov (дата обращения: 10.05.2024).
2. Азимов, Э. Г. Словарь методических терминов / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. – СПб : Златоуст, 1999. – 472 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 1998. – 1534 с.
4. Есенин, С.А. Полное собрание сочинений : в 7-ми томах. Т. 5. Проза / С.А. Есенин ; Подготовка текста и коммент. С.И. Субботина. – М. : Наука-Голос, 2005. – 560 с.
5. Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте / Р.Н. Порядина, Л.Г. Гынгазова, Ю.А. Эмер и др. Отв. ред. проф. З.И. Резанова. – Томск: UFO-Plus, 2007. – 384 с.
6. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2-х т. Т. I. / Вступ. слово М. Шолохова; Худож. Г. Клодт. – М.: Худож. лит., 1989. – 431 с.
7. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – Изд. 5-е, испр-е и дополн. – Назрань : Изд-во «Пилигрим», 2010. – 486 с.
8. Словарь русского языка : в 4-х т. Т. 1 / РАН, Ин-т лингвистических исследований ; под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., стер. – М. : Полиграф-ресурсы, 1985. – 696 с.
9. Словарь русского языка : в 4-х т. Т. 2 / РАН, Ин-т лингвистических исследований ; под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., стер. – М. : Полиграф-ресурсы, 1986. – 736 с.

10. Словарь русского языка : в 4-х т. Т. 3 / РАН, Ин-т лингвистических исследований ; под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд., стер. – М. : Полиграф-ресурсы, 1987. – 752 с.
11. Словарь русского языка : в 4-х т. Т. 4 / РАН, Ин-т лингвистических исследований ; под ред. А.П. Евгеньевой. – 3-е изд., стер. – М. : Полиграф-ресурсы, 1988. – 800 с.
12. Филин, Ф.П. Историческая лексикология русского языка / Под общ. ред. и с предисл. В.Я. Дерягина. Изд. 2-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 176 с.

АННОТАЦИЯ

Малахова Л. В. Лексико-семантическая группа мебель в повести «Яр» С. А. Есенина

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-229-235

В работе рассматриваются слова лексико-семантической группы *мебель*, выявлены функционально-семантические особенности использования данных семантических единиц в повести «Яр» С.А. Есенина. Проанализирована этимология слов *печь, лавка, стол, скамья, лежанка, кровать, полати, донце, скамейка*.

Ключевые слова: лингвокультура, лексико-семантическая группа, мебель, образ, лексика, синоним.

SUMMARY

Malakhova L. V. Lexical-semantic Group of Furniture in the Story «Yar» by S.A. Esenin

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-229-235

The paper examines the words of the lexico-semantic group furniture, identifies the functional and semantic features of the use of these semantic units in the story “Yar” by S. A. Esenin. The etymology of the words oven, bench, table, bench, couch, bed, floor, bottom, bench is analyzed.

Key words: linguoculture, lexical-semantic group, furniture, image, lexicon, synonym.

УДК 81'373.612.2:006.91:811.112.2:811.161.2
DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-235-243

**МЕТОНИМИЧЕСКИЙ ПЕРЕНОС
'СОМАТИЗМ → ЕДИНИЦА ИЗМЕРЕНИЯ'
В СИСТЕМЕ МЕТРОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ
В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ НА МАТЕРИАЛЕ
НЕМЕЦКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ**

1. Вводные замечания.

Современная лингвистика всё чаще обращается к проблемам меры и веса, привлекая данные метрологии [5, с. 522]. Исследование метрологической лексики (далее – МЛ) осуществлялось учёными на материале разных языков: английского (С. А. Швачко), башкирского (Х. З. Абдрахимов), белорусского (А. М. Сементовский, К. В. Скурат, Е. К. Юревич, Е. И. Янович), бурятского (Д. Д. Дондокова), голландского (К. М. Зевенбум), грузинского (Г. И. Джапаридзе), датского (Н. Э. Нёрлунд), казахского (Е. Н. Жанпеисов), киргизского (С. М. Абрамзон), латышского (Я. К. Земзарис), литовского (З.П. Даунене), монгольского (Ч. Содном), немецкого (А. Брахнер, Х. Виттхёфт, Х. Минов, В. Трапп, Х.-Д. Хауштайн), польского (Я. Шевич, Э. Штамм), русского (О. И. Каменцева, И. И. Кауфман, Г. В. Лебединская, А. И. Никитский, Ф. И. Петрушевский, Д. И. Прозоровский, Б. А. Рыбаков, Л. В. Черепнин, Н. А. Шостьин), таджикского (Х. А. Каюмова), украинского (В. А. Винник, Н. А. Герасименко, В. Гнатюк, И. А. Дзензелевский, И. В. Ерофеев, Я. Д. Исаевич, А. Лобко, П. З. Неселовский, М. Л. Худаш), чешского (А. Седлачек), шведского (А. А. Сванидзе) и др.

Соматизмы (части тела) исследовались разными учёными на материале как германских (Т. М. Федуленкова, С. Brown, А. Wierzbicka), так и славянских (П. М. Аркадьев, И. Замойская, Л. И. Козырев, Г. Е. Крейдлин, А. Б. Летучий, Д. Чернявский) языков. В то же время в лингвистике существуют единичные исследования, посвящённые изучению соматизмов в системе МЛ в сопоставительном аспекте, что и обусловило актуальность данной работы.

Предметом исследования выступает метонимия в системе МЛ. Под метонимией понимается вид тропа, основанный на переносе по смежности [18, с. 434]. Объектом исследования является метонимический перенос (далее – МП) 'соматизм → единица измерения' в немецком и украинском языках.

Цель исследования заключается в установлении общих и дифференциальных черт данного вида МП в системе МЛ. Для

достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи: 1) определить инвентарь исследуемых единиц; 2) установить особенности функционирования МП ‘соматизм → единица измерения’ в сопоставляемых языках.

Материалом послужили 228 лексических единиц (из них 111 – в немецком языке и 117 – в украинском), полученных в результате сплошной выборки из словарей «Duden. Deutsches Universalwörterbuch» и «Великий тлумачний словник сучасної української мови», а также текстов художественных произведений немецких и украинских писателей второй половины XX – начала XXI веков общим объёмом 10000 страниц. При этом 12 лексем (5 в немецком и 7 в украинском языках) маркированы в словарях как устаревшие, напр.: нем. *Fuß* ‘veraltetes Längenmaß unterschiedlicher Größe’ ‘фут’ ‘устаревшая мера длины разной величины’; укр. *сажень* ‘давня східнослов’янська лінійна міра, яка вживалася до запровадження метричної системи мір; з 18 ст. дорівнювала 3 аршинам, або 2,134 м.’

В работе используются описательный и сопоставительный методы.

2. Хронологизация метрологической лексики.

Принимая во внимание, что становление метрологии как науки происходило постепенно, с учётом таких экстралингвистических факторов как научно-технический прогресс и развитие международных торговых отношений, можно выделить два основных этапа, которые в хронологическом порядке отражают появление метрологической лексики в исследуемых языках:

1) донаучный – с древних времен до 1795 (до введения Метрической системы мер). Лексика этого периода выходит из употребления и является устаревшей, напр.: нем. *Zoll* ‘veraltete Längeneinheit unterschiedlicher Größe (2,3 bis 3 cm)’ ‘дюйм’ ‘устаревшая единица длины различной величины (2,3 – 3 см)’, укр. *п’ядь* ‘Давня східнослов’янська міра довжини, що дорівнювала відстані між кінцями розтягнутих великого і вказівного пальців; чверть аршина’;

2) научный – с 1795 (после введения Метрической системы мер) до наших дней. Метрическая система мер (SI) содержит основные (*метр, килограмм, секунда, ампер, кельвин, моль, кандела*), дополнительные (*радиан, стерадиан*), производные (*герц, ньютон, джоуль, паскаль, фарад, сименс* и др.) и внесистемные единицы измерения (*минута, парсек, диоптрия* и др.). Второй период охватывает разные системы единиц:

а) систему К. Ф. Гаусса, которая была предложена в 1832 г. и состояла из основных единиц *миллиметра, миллиграмма и секунды*;

б) систему СГС, утвержденную в 1881 г. с основными единицами *сантиметр, грамм, секунда*. Дополнительными единицами являются *дина, эрг, стокс, пуаз*;

в) систему МКС, предложенную в 1901 г., к основным единицами которой относятся *метр, килограмм, секунда*, а к дополнительным – *кельвин, ампер, ом, вольт, кулон, фарад, вебер, генри, вар, вольт-ампер, сименс, тесла, люмен*;

г) систему МТС, принятую в 1919 г., основные единицы которой – *метр, тонна и секунда*, а дополнительные – *килоджоуль и киловатт*. Производными единицами выступают *стен и пьеза*;

д) система МКГСС, введённая в 1932 г. и включающая основные единицы – *метр, килограмм-силу, секунду*.

МЛ данного периода репрезентована терминами – словами или словосочетаниями специального (научного, технического и т. п.) языка, создаваемыми (принимаемыми, заимствуемыми и т. п.) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов [4, с. 472]. Согласно С.В. Гриневу-Гриневичу, для термина характерны такие признаки: обозначение понятия, принадлежность к специальной области знания, дефинированность, точность значения, контекстуальная независимость, конвенциональность и целенаправленный характер появления, устойчивость и воспроизводимость в речи, номинативность, стилистическая нейтральность [6, с. 30], ср.:

(1) нем. *Sein Auge leuchtete mit einer Spannung von zweihundertzwanzig Volt und verbrauchte fünfhundert Watt in der Stunde* [20, с. 376] ‘Его глаз светился под напряжением двухсот двадцати вольт и потреблял пятьсот ватт в час’ [7, с. 335].

3. Метонимический перенос ‘соматизм → единица измерения’.

Человек соприкасался с измерением с незапамятных времён. Хорошо известно, что для обозначения единиц измерения употребляются некоторые наименования частей тела (соматизмы), напр.: нем. *Klafter* ‘сажень’, укр. *п'ядь*. О. Видебантт отмечает: «О детских днях человечества ещё сегодня свидетельствуют *стопа* и *локоть*, а также *ширина* и *длина фаланги пальца*, *ширина ладони*, *пядь*, *сажень*, *шаг* и другие меры древних... Древний человек имел с самого начала полностью природное и непосредственно данное ему мерило – самого себя» [27, с. 956].

Ещё в античные времена за основу метрологических систем были взяты пропорции человеческого тела, а именно: полный размах рук был равен росту человека, полный шаг – половине этого роста, локоть – четверти роста, ступня – 1/6; расстояние между кончиками большого и маленького пальцев руки в наибольшем их отдалении друг от друга – 1/9, ширина руки принималась за треть длины ступни, а средняя ширина пальца – 1/12 ступни; голова – 1/6 или 1/7 всего роста и т.д. [11, с. 6–7].

Показательны в этом отношении слова П. Ома: «Человек стал образцом мер. *Дюйм* был равен ширине одного пальца, ширина

четырёх пальцев руки без большого пальца составляла *ширину ладони*, ширина трех ладоней – одну *пядь*, две *пяди* – один *локоть* и шесть *локтей* – одну *руту*» [25, с. 12].

Произведения древнегреческих и латинских авторов послужили источником метрологических исследований, по мнению Г. Агриколы, который также отмечает, что часть тела *палец* является самой маленькой мерой [17, с. 284].

Древнегреческие философы знали о соотношении между частями тела и числами. Так, Аристотель упоминал в своих трудах соматизм *локоть* в качестве единицы измерения [3, с. 59–60, 64, 65], а софист Протагор применительно к метрологии считал, что человек – мера всех вещей («*homo mensura*») [19, с. 1–56].

(2) нем. *Ganzblättrigen Spinat gab es, in feinstem Öl gesotten, und darüber streuten wir den Käse, den ich gerieben hatte, und die Steaks waren zwei Finger dick...* [21, с. 435] ‘Мы ели шпинат, тушённый целыми листьями в рафинированном масле, посыпая его сыром, который я натёр, и бифштексы в два пальца толщиной...’ [8, с. 51–52].

(3) укр. *Над Ждановою головою був вирваний стріпок, і парубок бачив у діріці шмат неба й жменю зірок, ясних та чистих, які, однак, злякано тремтіли* [12, с. 759].

Но поскольку у каждого человека свои параметры и числовое выражение этих пропорций разное, то можно утверждать, что такие меры имеют значение приблизительного количества, ср.: нем. *Elle* ‘frühere Längeneinheit (etwa 55-85 cm)’ ‘локоть ‘древняя единица длины (около 55-85 см)’’, укр. *лікоть* ‘старовинна міра довжини, приблизно у півметра’.

По мнению Л.Г. Акуленко, приблизительные меры расстояния и веса выражают неопределенное количество и относятся ко вторичной номинации [1, с. 166]. Вслед за В.Н. Телия, под вторичной номинацией понимаем использование уже существующих в языке номинативных средств в новой для них функции именования [15, с. 129]. Это лингвистическое явление стало объектом исследования в работах Н.Д. Арутюновой, Т.В. Булыгиной, В.Г. Гака и др.

Лексемы, обозначающие единицы измерения, рассматриваются как результат МП, основанного на смежности признаков того, что уже обозначено в предыдущем значении слова, и нового, означающего [15, с. 129]. При этом метонимия является одним из способов расширения лексического значения слова. Основываясь на исследованиях разных типов МП (М.П. Кочерган, Л.Г. Лебединская, А.А. Реформатский, А. Henry, St. Ullmann и др.), в системе МЛ сопоставляемых языков был выделен МП ‘соматизм → единица измерения’.

Следует отметить и тот факт, что МЛ употребляется в сопоставляемых языках в словосочетаниях, в которых соматизмы обозначают такие характеристики, как высота, глубина, длина и т.д. [26, с. 127]. Они указывают на направление измерения как сверху вниз, так и наоборот, что становится понятным лишь из контекста, напр.:

(4) нем. *Wir wichen den tieferen Prielen aus, umrundeten unberechenbare Tümpel, konnten es dennoch nicht vermeiden, daß wir von Zeit zu Zeit in ein Schlickloch gerieten und einsackten bis zum Knie* [23, с. 377] ‘Мы избегали глубоких проток, обходили сомнительные лужи, но всё же время от времени попадали в какую-нибудь илистую ямину и увязали по коленям’ [10, с. 236].

(5) укр. *Щойно там він налетів на вапняковий гребінь посеред русла, де його вільне плавання ногами вперед було остаточно зупинено: Цумбрунненові ноги по коліна застрягли в підводних розколинах, а верхня половина тіла опинилася над хвилями, намертво перекинута впоперек гребеня* [2, с. 219].

Аналогичную функцию в немецком языке выполняют и сложные прилагательные с последними компонентами, обозначающими высоту (-hoch), глубину (-tief), длину (-lang), ширину (-breit) напр.:

(6) нем. *Das Wasser war kniehoch, wir wateten an den Strand, Stella hielt ihre Sandtasche über dem Kopf* [24, с. 31] ‘Вода доходила нам до колен, мы выбрались на берег, Стелла держала свою пляжную сумку над головой’ [9, с. 29].

(7) укр. *Там по коліна у воді стояла і щось полоскала дуже молода і дуже вродлива дівчина* [13, с. 40].

(8) нем. ... *ein Erdloch entstand, brusttief und dennoch ohne Grundwasser – was bei uns etwas besagen will...* [23, с. 477] ‘... получилась яма по грудь глубиной и тем не менее без грунтовой воды – что у нас кое-что да значит...’ [10, с. 298].

(9) укр. *Дихаючи тим повітрям, що в човні, йшли по груди у воді* [12, с. 280].

(10) нем. *Das schulterlange Haar stand mir für eine bessere Welt* [22, с. 86] ‘Волосы длиной по плечи символизировали для меня лучший мир’.

(11) укр. *Айдар раптом згадав усмішку оросута, широко, білозубу, кучеряве волосся, що віросло аж по плечі, і яскраво-блакитні очі...* [14, с. 195].

4. Метонимический перенос ‘соматизм → единица измерения’ во фразеологизмах и паремиях.

Фразеологизмы и паремии с метрологическим компонентом являются одной из многочисленных групп лексического фонда исследуемых языков. С. А. Швачко отмечает, что слова меры и веса выступают в качестве неотъемлемого компонента скороговорок,

поговорок и фразеологизмов [16, с. 98], напр.: нем. *bis in die Fingerspitzen musikalisch sein* ‘быть музыкальным до кончиков ногтей’, укр. на *мізинець* ‘мала кількість чого-небудь; дуже мало, трохи’; нем. *Von Recht zu Unrecht ist nur eine Spanne* ‘От закона до несправедливости лишь одна пядь’, укр. *Почує на ніготь, а прикладе на дікоть*.

Во фразеологизмах и поговорках, отражающих непосредственное окружение человека, его взаимоотношения и мировосприятие, употреблялась лексика, использовавшаяся в обиходе в рамках торгово-денежных отношений с давних времён, поэтому здесь представлены лексемы донаучного периода. Следует отметить, что она представляет собой тип МП ‘соматизм → единица измерения’. Примерами служат: нем. *Elle* ‘локоть’, *Finger* ‘палец’, *Fuß* ‘стопа’, *Klafter* ‘сажень’, *Zoll* ‘дюйм’; укр. *аришин, верста, вершок, дюйм, жменя, лікоть, мізинець, пригорща, п’ядь, сажень, фут*, напр.: нем. *ein ellenlanger Brief* ‘длиннейшее послание’, укр. *ні на п’ядь* ‘ніскільки; нікуди’; нем. *Jeder misst andere gern mit seiner eigenen Elle* ‘Каждый охотно меряет другого своим собственным локтем’, укр. Більше *сажня* землі ніякий пан не потребує.

Детерминологизируясь, МЛ выходит за рамки терминосистемы, теряя свою стилистическую нейтральность и приобретая экспрессивность, напр.: нем. *Mancher steigt einen Zoll und fällt sieben Klaftern* ‘Один поднимается на дюйм и падает на семь сажней’, укр. *Як одступивши од грамоти на аришин, то вона од тебе на сажень*.

Как следует из приведённых примеров, для выражения экспрессивности используется противопоставление «мало» (нем. *Zoll* ‘дюйм’, укр. *аришин*) – «много» (нем. *Klafter* ‘сажень’, укр. *сажень*). Кроме того, данное противопоставление может происходить в рамках одного тематического ряда, ср.: нем. *Wenn man ihm einen Zoll gibt, so nimmt er sich eine Elle* ‘Если ему дают дюйм, то он возьмёт себе локоть’, укр. *Чужого візьмеш жменю – твоє будуть брати пригорщами*.

5. Выводы. В результате проведённого исследования можно сделать следующие выводы:

1) МЛ со значением вторичной номинации относится к одному из древнейших слоёв лексики немецкого и украинского языков и является антропоцентричной;

2) существование таких лексических единиц обусловлено необходимостью наименования разных мер ещё задолго до введения Метрической системы;

3) хронологически можно выделить два периода МЛ: донаучный, характеризующийся наличием устаревшей лексики, и научный, охватывающий разные системы измерения и представленный терминами-интернационализмами;

4) в системе МЛ установлен тип МП 'соматизм → единица измерения', относящийся к донаучному периоду МЛ;

5) детерминологизируясь, МЛ употребляется во фразеологизмах и паремиях немецкого и украинского языков, теряя при этом свою стилистическую нейтральность и приобретая экспрессивность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акуленко, Л.Г. Поле неопределенно малого количества в немецком и русском языках / Л.Г. Акуленко // Категория количества в современных европейских языках / Акуленко В.В., Швачко С.А., Букреева Е.И. – К.: Наук. думка, 1990. – С. 160–172.
2. Андрухович, Ю. Дванадцять обручів / Ю. Андрухович. – К.: Критика, 2004. – 333 с.
3. Аристотель. Сочинения в четырех томах / Аристотель. – М.: Мысль, 1978. – Т. 2. – 637 с.
4. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
5. Великий тлумачний словник сучасної української мови / уклад. і голов. ред. В.Т. Бусел. – К.: Ірпінь: ВТФ «Перун», 2004. – 1425 с.
6. Гринев-Гриневич, С.В. Терминоведение / С.В. Гринев-Гриневич. – М.: Академия, 2008. – 304 с.
7. Кёппен, В. Голуби в траве. Теплица. Смерть в Риме: романы: [переводы] / В. Кёппен. – М.: Прогресс, 1972. – 506 с.
8. Кёппен, В. Смерть в Риме / В. Кёппен // Смерть в Риме. Голуби в траве. – СПб.: Лимбус Пресс, 2000. – С. 5–198.
9. Ленц, З. Минута молчания / З. Ленц. – М.: ИД «Флюид», 2011. – 128 с.
10. Ленц, З. Урок немецкого / З. Ленц. – М.: Прогресс, 1971. – 460 с.
11. Молчанова, Л.А. Народная метрология (к истории народных мер длины) / Л.А. Молчанова. – Минск: Наука и техника, 1973. – 81 с.
12. Мушкетик, Ю.М. Яса / Ю.М. Мушкетик. – К.: Дніпро, 1990. – 831 с.
13. Покальчук, Ю. Озерний вітер / Ю. Покальчук // Шабля і стріла. – Харків: Фоліо, 2003. – С. 5–88.
14. Покальчук, Ю. Шабля і стріла / Ю. Покальчук // Шабля і стріла. – Харків: Фоліо, 2003. – С. 89–224.
15. Телия, В.Н. Вторичная номинация и ее виды / В.Н. Телия // Языковая номинация. Виды наименований. – М.: Наука, 1977. – С. 129–221.
16. Швачко, С.О. Слова міри і ваги: лінгвокогнітивні аспекти: Монографія / С.О. Швачко. – Суми: Вид-во СумДУ, 2008. – 132 с.
17. Agricola, G. Schriften über Maße und Gewichte (Metrologie) / G. Agricola. – Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1959. – 498 S.

18. Bußmann, H. Lexikon der Sprachwissenschaft / H. Bußmann. – Stuttgart: Kröner, 2002. – 783 S.
19. Koch, H.-A. Homo mensura. Studien zu Protagoras und Gorgias / H.-A. Koch. – Tübingen: Phil. Fak., 1970. – 161 S.
20. Köppen, W. Das Treibhaus / W. Köppen // Die drei Romane. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1996. – S. 221 – 390.
21. Köppen, W. Der Tod in Rom / W. Köppen // Die Drei Romane. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1996. – S. 391–580.
22. Köppen, W. In meiner Stadt war ich allein / W. Köppen // Romanisches Café. – Frankfurt am Main: Suhrkamp Taschenbuch Verlag, 1972. – S. 86–98.
23. Lenz, S. Deutschstunde / S. Lenz // Werkausgabe in Einzelbänden. – Hamburg: Hoffmann und Campe, 1997. – Bd. 6. – 730 S.
24. Lenz, S. Schweigeminute / S. Lenz. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2008. – 128 S.
25. OmmIO P. Meßkunst ordnet die Welt / P. Omm. – Frankfurt am Main: Impuls-Verlag, 1958. – 65 S.
26. Pümpel-Madel, M. Deutsche Wortbildung: Typen und Tendenzen in der Gegenwartssprache. Adjektivkomposita und Partizipialbildungen: Komposita und kompositionsähnliche Strukturen / M. Pümpel-Madel, E. Gassner-Koch, H. Wellmann. – Berlin; New York: de Gruyter, 1992. – Hauptteil 5. – 340 S.
27. Viedebantt, O. Altes und ältestes Weg- und Längenmaß / O. Viedebantt // Zeitschrift für Ethnologie. – Berlin: Behrend & C°, 1913. – H. VI. – S. 956–969.

АННОТАЦИЯ

Повторуха Н.В. Метонимический перенос 'соматизм → единица измерения' в системе метрологической лексики в сопоставительном аспекте на материале немецкого и украинского языков

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-235-243

В статье исследуется метонимия в системе метрологической лексики на материале немецкого и украинского языков. Соответствующие лексемы появились до введения метрической системы мер (СИ) и являются результатом вторичной номинации – метонимического переноса 'соматизм → единица измерения'.

Ключевые слова: вторичная номинация, метонимический перенос, метрология, соматизм, термин.

SUMMARY

Povtorukha N.V. Metonymical shift ‘somatism → unit measurement’ in the System of Metrological Lexis in Comparative Aspect on the Material of the German and Ukrainian Languages

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-235-243

The given article is researching metonymy in the system of metrological lexis on the material of the German and Ukrainian languages. The corresponding lexemes appeared before the implementation of the metric system (SI) and they are the result of the secondary nomination, that is metonymic shift ‘somatism → unit measurement’.

Key words: secondary nomination, metonymical shift, metrology, somatism, term.

*О. В. Сырова
(г. Горловка, РФ)*

УДК 811. 161. 1. 355

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-244-251

ЗНАЧИМОСТЬ АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКИХ И ОРФОЭПИЧЕСКИХ НОРМ В РЕЧИ СОВРЕМЕННОГО НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА

Введение. Проблемы вариативности языковой нормы в современном русском языке ярко выражены не только на уровне лексики, но и не в меньшей, если даже не в большей степени на уровне произношения. Во многом данная ситуация обусловлена сложной языковой действительностью: активной интеграцией в систему нашего языка иностранных слов и словосочетаний, появлением на их основе неологизмов, «модой» на языковые игры, актуализацией или дезактуализацией лексем и т.д.

Немаловажную роль играют также интернет-СМИ и социальные сети. Текстовый и видеоконтент в них, в отличие от контента официальных телеканалов и газет, направлен на живое, непринуждённое общение, не обремененное строгими правилами и нормами. А значительное расширение круга лиц, вещающих с экранов наших гаджетов или допущенных к радиоэфир, серьёзно расшатало нормы произношения русского языка.

В итоге это привело к тому, что в массовом сознании прочно укореняется неверное представление о норме, тех или иных нормативно-стилистических характеристиках слов, что значительно снижает общий уровень речевой культуры, низводя его до «базарного уровня».

Объём понятия «орфоэпия». Р. И. Аванесов в своё время писал: «одни понимают орфоэпию сужено – как совокупность норм

произношения в собственном смысле слова, исключая из неё вопросы ударения... Другие, напротив, понимают орфоэпию очень широко – как совокупность не только специфических норм устной речи (т.е. норм ударения и произношения), но также и правил образования грамматических форм (ср., например, в русском языке *свечей* или *свеч*, *колыхается* или *колышется*), которые в равной мере относятся также и к письменному языку. Наиболее целесообразным следует считать такое понимание орфоэпии, при котором в её состав включается произношение и ударение, т.е. специфические явления устной речи, обычно не отражаемые в должной мере на письме» [1, с. 9]. Соглашаясь с данной позицией, мы также вслед за этим пионером Московской фонологической школы понимаем под орфоэпией как науку о правильности произношения, так и нормах ударения.

Понятие нормы. В российской лингвистике понятие нормы трактуется как стабильная и унифицированная реализация вариантов языковой системы. Только в пределах нормы возможен выбор в определенных коммуникативных ситуациях наиболее уместных речевых моделей. На протяжении последних ста лет понятие нормы значительно менялось, что, в свою очередь, было обусловлено национально-культурными и идеологическими изменениями: от нормы-запрета (первые две трети XX века) до нормы-выбора (конец XX века – современный этап).

Нормы необходимы, с одной стороны, для закрепления культурных традиций. При этом под традицией согласно В. И. Далю [3] понимается то, что устно перешло от одного поколения к другому, то есть без навязывания государством и властью, только за счёт авторитета мастеров слова более старшего поколения. С другой же стороны, там же мы можем найти утверждение о том, что норма представляет собой не столько пример или образец, сколько обязательное для всех правило. При этом попытки насильно повлиять на систему языка не способны остановить процесс его изменения и развития. Так, история знает примеры, когда в XVII, а также XIX веках попытки архаизировать язык, искусственно очистить его от иностранных слов потерпели неудачу.

Во многом поэтому многие лингвисты приходят к выводу о том, что следование традиции относительно норм произношения, «ретроспекция, направленная на то, чтобы препятствовать инновациям, не должны иметь место при определении рекомендуемых произносительных вариантов» [6, с. 232], поскольку орфоэпия, в отличие от орфографии, которая обеспечивает коммуникацию поколений, «обслуживает только современников» [там же].

Итак, целенаправленное формирование языковых норм является неотъемлемой частью языковой политики государства, которая требует от граждан сознательного подхода к выбору

предпочтительного в той или иной, прежде всего, официальной ситуации варианта языкового средства. Характеризуя процесс становления нормы как живой и постоянно развивающийся процесс и исходя из тезиса о том, что изменения отсутствуют лишь в мёртвом языке, ортологические словари неизбежно предоставляют как безвариантные языковые нормы, так и диспозитивные (имеющие варианты в зависимости от использования говорящим определённого стиля, или от его профессиональной принадлежности).

Вариантность нормы. С сожалением необходимо отметить, что подготовка в школе или вузе предполагает запоминание одного, единственно правильного варианта ударения и произношения, что автоматически перечёркивает идею языковой вариативности. С нашей точки зрения, напротив, как минимум в вузовском курсе изучения русского языка и культуры речи необходимо предъявлять всю сложную вариативность орфоэпической системы нашего языка. Знакомство студентов с разговорными или просторечными вариантами, кодифицируемыми ортологическими словарями как «ошибка», поможет лучше понять и воспринять норму, указать на активность процесса демократизации языка и воздействия стихии живой разговорной речи на устную форму реализации литературного языка, избежать в дальнейшем языкового пуризма.

Как справедливо с нашей точки зрения считает Р. В. Попов [6], кодификация традиционных вариантов как, например, *ку[нэ]/йный*, *ску[ш]но* в качестве единственно возможных в нейтральном стиле произношения находится в противоречии с фактами узуса и естественному изменению языка. И этот факт можно наблюдать не только в синхронии, а ещё в большей степени в диахронии. Так, например, в орфоэпических словарях 1950-х годов слово «ракурс» было закреплено с ударением на втором слоге – «раку́рс», а вариант «ракурс» шёл с пометой «не рекомендуется». В 1970-е эта помета сменилась на «допустимо», а сегодня вариант «ракурс» стал нормативным.

Иначе говоря, колебания в произношении – это часто не только следствие безграмотности или дурного вкуса. Многие ошибки логичны и закономерны, они подсказаны аналогией или другими системными проявлениями живого языка.

Причины ошибок произношения. Как мы уже отмечали выше, нарушение норм литературного произношения сегодня как никогда актуально и обусловлено целым рядом причин. Причём такая ситуация характерна не только для русского, но и любого другого языка. При этом отступления от норм являются не только отражением постепенного развития живой системы языка (что невозможно запретить), но и прямым нарушением существующих правил.

Чтобы избежать ошибок, недостаточно просто знать нормы. В первую очередь, особенно для преподавателя, необходимо глубоко разобраться в причинах, их порождающих. Рассмотрим основные из них.

1. Влияние письменной речи на речь звучащую. Стремление грамотно писать, усилия, потраченные для достижения этой цели, неосознанно оказывают влияние и на речь устную. Этим, в частности, объясняется распространение так называемого «побуквенного» произношения, которое соответствует правилам, усвоенным в процессе обучения. Оно не требует дополнительных усилий для запоминания, а значит – более удобно. Например, сегодня подавляющее большинство под влиянием письма произносят [чн] вместо [шн] в словах *ску[чн]о*, *ску[чн]ый*, *було[чн]ая* или, например, *ма[си]таб* вместо *[маштап]*, *лу[чи]ий* вместо [тш] и т.п.

Тенденция к сближению правописания и произношения не может быть остановлена. Более того, в современных орфоэпических словарях фиксируются оба варианта в качестве нормативных. А в петербургской произносительной традиции сближение произношения с написанием в принципе стало нормой. Исследователь А. А. Кретов аргументированно доказывает, что в слове материальная сторона знака должна более чутко реагировать на изменения идеальной стороны знака, т.к. такой подход лучше отражает свойство современного русского литературного языка – способность «не экономить на материале». Также он устранил омонимию, весьма распространенную в традиционных вариантах произношения (30%) [4].

Однако при помощи лишь традиционных средств графики невозможно отразить произносительные особенности каждого русского слова, в частности, постоянное место ударения. Такого рода трудности, по мысли К. С. Горбачевича [2], частично разрешаются в контексте, например: 'ирис (вид пряжи; цветок; радужная оболочка глаза) – и'рис (вид конфет); 'запах розы – за'пах халата; по'груженный на платформу – погру'женный в воду. Ударения в этом случае способствует преодолению омонимии словоформ.

2. Влияние на литературные нормы произношение других форм существования национального языка: просторечия, жаргонов и родного диалекта.

Например, просторечными являются варианты типа *ляжсь* вместо *ляг*, *ездют* вместо *ездят*, *уплотишь* вместо *уплатишь*, *во рте* вместо *во рту*, *нате* вместо *возьми*, *без пальта* вместо *без пальто*, *мой мозоль* вместо *моя мозоль*, *бежат* вместо *бегут*, *шибко* вместо *очень*.

Примерами профессиональных жаргонов могут быть *бухгалтера́* вместо *бухгалтеры*, *осу́жденный* вместо *осуждённый*, *догово́ры*

вместо *договора*, *возбуждено* дело вместо *возбуждено*, *добыча* нефти вместо *добыча* *нефти*, *нарощенные* ногти вместо *наращённые* ногти.

В качестве диалектизмов можно привести такую особенность южнорусских говоров как произношение фрикативного звука [H] в начале и середине слова и [x] в абсолютном конце слова на месте буквы г: *до[H]оворы*, *сне[x]*, *помо[x]*. Для северных диалектов характерно «оканье»: произношение буквы «о» без изменения не только в ударном, но и в безударном положении. Второй их яркой особенностью является «цоканье», замена звука [ч] на [ц], например, *чай* вместо *чай*, *цашка* вместо *чашка*.

3. Влияние иноязычного произношения для заимствованных слов. Следует помнить, что в соответствии с фонетическими законами русского языка в большинстве слов иноязычного происхождения согласный перед е произносится мягко. Например: *ампер* [п'э], *бассейн* [с'э] (водный), *дисперсия* [п'е], *крекинг* [р'э], *пресс* [р'э], *прогресс* [р'э], *термохимический* [т'э], *эффект* [эф'э]. Однако в ряде слов, даже окончательно «обрусевших», согласные перед е произносятся твердо: *антропогенез* [нэ], *генетика* [нэ], *инерция* [нэ], *конвертер* [тэ], *лазер* [зэ], *темп* [тэ], *теннис* [тэ].

При этом не только простые носители языка, но и многие словари, в силу неустойчивости произношения, зачастую дают неодинаковые рекомендации по поводу произношения иноязычных слов-терминов. Одно и то же слово может звучать с мягким или твердым согласным перед [э]: *ферромагнетик* [фэ] и [ф'э], *альдегиды* [дэ] и [д'э], *детектор* [дэ] и [д'э], *конденсатор* [дэ] и [д'э], *интеграл* [тэ] и [т'э], *интерференция* [тэ] и [т'э], *реле* [рэ] и [р'э] и др.

Интересный момент: жители средней полосы и северных районов нашей страны склонны уменьшать количество «иноязычных» произношений, т.е. предпочитают «мягкий» вариант. В то время как выходцы из южных районов произносят твердо [5].

Что касается непосредственно ошибок, связанных с нормами ударения, то среди их причин можно назвать следующие:

1. Незнание происхождения слова. Так, слово «мизерный» происходит от французского «*misere*» (страдания, несчастье, нужда, нищета, ничтожество) и в русском языке сохраняет своё историческое ударение «мизЕрный». Из французского происходят и другие слова, где по правилам русской орфоэпии сохраняется постановка ударения на последнем слоге, например: *апострОф*, *жалюзИ*, *квартАл*, *коклЮш*, *фетИш*, *экспЕрт*.

2. Написание буквы Е вместо буквы Ё. По правилам русского языка буква Ё всегда находится под ударением, следовательно, и

отглагольные прилагательные с этой буквой также принимают на неё ударение. Однако употребление на письме буквы Е вместо буквы Ё приводит к тому, что многие слова, и особенно причастия и отглагольные прилагательные, произносятся со смещённым ударением: *свеклА* вместо *свЁкла*, *заворОженный* вместо *заворОжЁнный*, *новорОжденный* вместо *новорОжЁнный*, *скрЕпленный* вместо *скреплЁнный*, *увЕзенный* вместо *увезЁнный*.

3. Плохое знание морфологии, точнее правил склонения имён существительных. Неправильное образование падежной формы естественно приводит к ошибкам в постановке ударения. Например: *носок* вместо *носков*, *курей* вместо *кур*, *простыней* вместо *простынь*, *туфлей* вместо *туфель*, *граблей* вместо *грабель*, *ясель* вместо *яслей*.

4. Незнание точной принадлежности слова к той или иной части речи обуславливает сложности с ударением даже в самых простых словах. Так, например, в прилагательном «развитой» ударение принимает на себя окончание. В зависимости от контекста это слово имеет несколько значений. Так, в примерах *развитАя промышленность*, *развитОе сельское хозяйство* данное прилагательное имеет значение – «достигшей высокой степени развития», а в словосочетании *развитОй человек* трактуется как «духовно зрелый, просвещенный, высококультурный». При этом наряду с прилагательным в русском языке имеется причастие «развитый». Данное причастие с окончанием –ый образовано от глагола *развить*, также имеющего два основных значения – 1) поднять, продвинуть и 2) распустить, раскрутить, расплести. Произносится оно с ударением не на окончании, а на первом (*рАзвитый*) или на втором слоге (*развИтый*). Например: *рАзвитая* нами деятельность, *рАзвитый* лектором вопрос и *развИтая* веревка, *развИтый* локон. Иначе говоря, в данном случае ударение зависит от того, прилагательное это или причастие.

5. Проведение неверных аналогий между словами разных типов при постановке ударения. Так, часто встречающейся ошибкой является произношение *квАртал* вместо нормативного *квартАл*. Скорее всего это связано с существующей тенденцией смещения у двусложных заимствованных существительных ударения на первый слог (например, ранее *планЁр*, а сейчас *плАНер*, ранее *ракУрс*, а сейчас *рАкурс*). Однако необходимо помнить, что все заимствования из романских языков на –ал сохраняют ударение на последнем слоге: *вандАл*, *инициАл*, *капитАл*, *овАл*, *оригинАл*, *потенциАл*, *провинциАл*, *филиАл* и др. Исключения – заимствованные из немецкого *мАршал* и *фельдмАршал*.

Пути преодоления типичных ошибок произношения.
Какие есть возможности у преподавателя для повышения

произносительной культуры школьников и студентов? В связи с тем, что в подавляющем большинстве случаев орфоэпия не изучается как самостоятельная учебная дисциплина, то будет методически правильно рассматривать такого рода вопросы при изучении всех разделов курса русского языка, рассредоточивая их небольшими порциями. Важным моментом при этом является плановость работы, а не проведение её от случая к случаю.

Исходя из конкретных условий, а именно: уровня подготовки коллектива учащихся, специализации обучения, особенностей местного произношения, преподаватель может как сузить, так и расширить круг орфоэпических тем, подлежащих изучению и усвоению. При этом обучение целесообразно привить практику самостоятельного ведения словарей-минимумов, а также обучить правилам пользования орфоэпическими и акцентологическими словарями с целью быстрого извлечения из них необходимой информации и правильной интерпретации имеющихся в них помет.

Привитие интереса к обучению орфоэпических норм во многом зависит от умения преподавателя аргументировано и доказательно оценить речь других носителей языка при соблюдении этики общения, ссылаясь на соответствующие орфоэпические правила.

Практика показывает, что обучающиеся с удовольствием выполняют упражнения, связанные со смыслоразличительной (сигнификативной) функцией ударения, например: зАмок (сооружение) – замОк (дверной), гвОздики (инструмент) – гвОздИки (цветы), звОнок (прилагательное) – звонОк (существительное). Ещё одним любимым видом упражнений является исправление ошибок при прослушивании / просмотривании видеороликов из социальных сетей.

Немаловажной является также самостоятельная работа обучающихся. В частности, значительную помощь в овладении орфоэпических норм оказывают различные пособия по культуре речи, а в интернет-сети можно найти достаточное количество видеоматериала по данной проблематике – от минутных роликов на платформе TikTok до полноценных академических лекций.

Выводы. Добиваться позитивных результатов в обучении нормам произношения и ударения можно и нужно. Делать это проще и эффективнее на конкретном лексическом материале, регулярно и последовательно. Можно выделить главное направление педагогических усилий: это понимание норм орфоэпии, а не заучивание, зубрирование правил. Нормы требуют учёта контекста, различения стилей произношения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. – М.: Просвещение, 1984. – 383 с.
2. Горбачевич К. С. Словарь трудностей современного русского языка. – СПб : «Норинт», 2003. – 512 с.
3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – Т. 2. – М.: РИПОЛ Классик, 2010. – 785 с.
4. Кретов А. А. Русская орфография и вызовы компьютерной эры. // Известия ВГПУ: Гуманитарные науки. – 2015. – №1 (266). – С. 173-179.
5. Овсянников, М. С. Русское письмо. Фонетика и фонология: энциклопедический словарь-справочник. – Воронеж: Воронежский госпедуниверситет, 2011. – 257 с.
6. Попов, Р. В. Культура звучащей речи. Орфоэпические нормы. Методическое руководство к курсу. – Архангельск: Поморский университет, 2006. – 68 с.
7. Пожарицкая, С. К. Орфоэпия: идеи и практика // Язык и речь: проблемы и решения: сб. науч. тр. к юбилею проф. Л.В. Златоустовой / под ред. Г.Е. Кедровой и В.В. Потапова. – М.: МАКС Пресс, 2004. – С. 231–238.

АННОТАЦИЯ

Сырова О.В. Значимость акцентологических и орфоэпических норм в речи современного носителя языка

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-244-251

В статье поднимается вопрос объёма понятия «орфоэпия»; анализируется понятие нормы и акцентируется внимание на проблеме вариативности норм произношения; рассматриваются основные причины нарушения орфоэпических норм современного русского литературного языка в устной речи; предлагаются магистральные пути преодоления типичных ошибок произношения.

Ключевые слова: культура речи, орфоэпия, акцентология, норма, вариант нормы, нарушения орфоэпических норм, ошибки произношения, литературный язык, современный русский язык, носитель языка.

SUMMARY

Syrova O.V. The importance of Accentological and Orthoepic Norms in the Speech of a Modern Native Speaker

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-244-251

The article raises the question of the scope of the concept of “orthoepy”; analyzes the concept of norm and focuses on the problem of variability of pronunciation norms; examines the main causes of violations of orthoepic norms of the modern Russian literary language in oral speech; suggests

the main ways to overcome typical pronunciation errors.

Key words: speech culture, orthoepy, accentology, norm, variant of norm, violations of orthoepic norms, pronunciation errors, literary language, modern Russian, native speaker.

*М. В. Яковенко
(г. Горловка, РФ)*

УДК 811.111'373

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-251-257

ДИНАМИКА ПРОЦЕССА АПЕЛЛЯТИВАЦИИ ТОПОНИМОВ

Появление фундаментальных исследований по теории языковой номинации, а также частных исследований по способам номинации свидетельствует о чрезвычайной сложности проблемы изучения номинативной деятельности человека, представляющей собой “комплексный речемыслительный процесс, имеющий как логигогносеологические, так и психологические, как социальные, так и языковые основания” [1, с. 13]. Вопросы семантики имени собственного, развития коннотативных значений, перехода собственных имен в нарицательные неоднократно привлекали внимание ученых (работы Ю. А. Карпенко, А. В. Суперанской, М. В. Голомидовой, Е. С. Отина). Семантические аспекты апеллятивной и ономастической лексики представляют интерес с точки зрения соотношения элементов языка и речи.

Образность традиционно понимается как семантическая двуплановость, перенос названия с одного объекта на другой (В. Г. Гак, В. В. Виноградов и др.). Лингвистический образ рассматривается как созданное средствами языка двуплановое изображение одного предмета через другой. Традиционно в структуре образного средства выделяют три компонента: агент, референт и основание образа. Термин «образное средство» понимается и как конкретное воплощение в языке или речи, и как обобщенный тип вербального воплощения, выделенный из ряда других на основании какого-либо признака.

Имя собственное, в котором появились референтные коннотации в процессе его функционирования благодаря широкой известности, обозначают термином «коннотативный оним», или «коннотоним». Эти коннотации делают возможным переносное употребление собственных имен в речи, где они выступают как синонимы общеупотребительных слов, выражая общеязыковые лексические

значения. При этом они не утрачивают свойств проприальных лексем, то есть продолжают служить индивидуализации и идентификации объектов. Коннотативные онимы являются своеобразными топонимическими (или антропонимическими) метафорами и, также, как имена нарицательные, способствуют созданию языковой экспрессии. Однако, в отличие от имен нарицательных, коннотация в собственных именах “возникает не вследствие семантического расщепления производящего слова, а благодаря внеязыковым факторам (например, характерологическим признакам литературного персонажа, связи с историческим событием, происшествием). Как отмечает А. В. Суперанская, коннотация проявляется у собственных имен, когда “денотат имени приобретает достаточную известность у всех членов определенного языкового коллектива, получивших некоторый общий минимум воспитания и образования или имя перестает связываться с одним сколько-нибудь определенным денотатом и делается типичным для многих чем-либо похожих друг на друга людей, поселений, рек и т.п.” [6, с. 116]. Коннотативные собственные имена занимают срединное положение между оними и апеллиативами. С течением времени они могут сохранять свои коннотативные значения, либо утрачивать свои референтные коннотации, возвращаясь к абсолютному собственному имени, либо превращаться отконнотативные апеллиативы с отсутствующей мотивацией.

По степени узуальности коннотонимы делятся на узуальные, то есть широкоупотребительные, и окказиональные “переносное значение которых лишь редкая (чаще единичная) реализация экспрессивных возможностей данного собственного имени” [4, с.55-56]. Узуальные коннотативные онимы могут носить интерлингвальный и интралингвальный характер. Интерлингвальные коннотонимы “привычны и широко известны не только в двух и более языках, но и в контактирующих культурных языках обширных географических регионов” [3, с. 39]. Например, *Ниагара* – «огромный поток воды», «большое количество чего-то», *Мекка* – «место поклонения», *Монблан* – «гора, нагромождение чего-то», *Аркадия* – «страна счастья» [4, с. 57], *Everest* – «something that is very difficult to achieve» [9, с. 473]. Примеры узуальных интралингвальных коннотонимов: *Васюки* – «захолустный городишко с непомерными амбициями», *Камчатка* – «задние ряды, парты», *Тмутаракань* – «глушь, захолустье», *Урюпинск* – «захолустный провинциальный городок» [4, с. 58], *Аляска* – «какое-то далекое, глухое место», *Америка* – «открытие», *Африка* – «жара, зной», *Гайд-парк* – «место политических митингов, собраний, дискуссий», *Бастилия* – «всякое место заточения» [5, с. 44-45, 62, 67, 111]. “Узуальные интралингвальные коннотонимы

имеют различия по широте и сферам использования. Они могут быть широко употребительными в речевом общении народа или в литературном языке на определенном этапе его развития (например, *Соловки, Камчатка* и т.д.); их известность может ограничиваться рамками определенной территории или диалектной зоны (*Амур, Сибирь, Шанхай*), а также речевой коммуникацией в той или иной социальной группе (например, *Бродвей – «центральная часть города»* в жаргоне молодежи)” [3, с. 39].

Окказиональные коннотонимы бывают только интралингвальными, речевыми, индивидуально-авторскими. Например, *Лапландия – «сырая, холодная погода»: В 4 часа меня будят; тащат с меня халат; сырость, холод, Лапландия, все больны* (Грибоедов А. С., из путевых заметок во время ериванского похода в 1827 г.); *Полинезия – «провинциальная глушь»: Мне всегда казалось, что в ней мало крестьянского – а впрочем, что знали мы в нашей Полинезии о крестьянах?* (Бабель И. Мария); *Персия – «блаженство»: Облизнет пальчики! Доволен! Персия!* (Солженицын А.); *Везувий – «большое скопление дыма, пара»: Лето. Май иль июнь. Паровозный Везувий над Лодзью* (Пастернак Б. Девятьсот пятый год) [5, с. 102, 208, 275, 281].

Важным свойством образности является ее динамический характер, он выражается в образовании новых образов (метафоризации), переосмыслении образных единиц (реметафоризации) и утрате образности (деметафоризации) [2, с.51]. Ш. Балли, И. Р. Гальперин, В. Г. Гак также выделяют три основных этапа эволюции образа: речевой, языковой и знаковый. Л. А. Коралова рассматривает этапы, на которых сохраняется семантическая двуплановость: речевой, переходный, языковой. Аналогичную периодизацию находим у М. Блэка: *active* (активная, действующая), *dormant* (потенциальная) и *extinct* (потухшая). Итак, образ проходит четыре этапа развития: речевой, переходный, языковой и знаковый.

Прослеживается корреляция четырех этапов развития топонимического образа с этапами апеллиативации (деонимизации). “Переход имен собственных в нарицательные (апеллиативация) может быть полным или частичным, ситуативным” [7, с. 9]. Речевой, переходный и языковой этапы развития образа соответствуют ситуативной апеллиативации, знаковый – полной апеллиативации.

Ряд современных исследователей подтверждает тот факт, что речевая образность первична по отношению к языковой. Подобно тому, как отображение языка в сознании человека происходит только путем выделения единиц языка из речи, языковая образность вытекает из речевой образности.

Речевой этап соответствует окказиональному образному употреблению топонима. Данное использование топонима связано

с индивидуально-авторской актуализацией какого-либо признака, связанного с топонимом. Эти образы контекстуально обусловлены и, как правило, не переходят на следующий этап развития коннотативного значения топонима. Метафоризации подвергаются известные топонимы, например: *Compared with him I was **Fifth Avenue** (Chesteron)*. Название фешенебельной улицы Нью-Йорка употребляется в значении «цивилизованность», «культурность». Автор имплицитно признает, что и сам не отличается изысканными манерами, но по сравнению с ним лицо, о котором идет речь, значительно в большей степени некультурен, далек от цивилизации; высказывание содержит легкую иронию, топоним ***Fifth Avenue*** служит интенсификатором характеристики.

Переходный этап от речевой к языковой стадии образности представлен употреблением коннотативного топонима разными авторами в одном и том же не фиксируемом словарями переносном значении. Например:

*...the golden liquor of the glens wandering round his inside like an enchanted **Gulf Stream**... (Priestley).*

*He... abandoned himself to a warm flood of happiness. This, like **Gulf Stream**, bore his thoughts away from South America and set the almonds all blossoming in Fairfax avenue (Collier).*

В приведенных примерах топоним *Gulf Stream*, выступающий в роли агента образа, связан с положительной оценкой и реализует апеллятивное значение «течение», но в первом примере, где речь идет о горячительном напитке, актуализируется также признак «теплый», «согревающий», а во втором примере, где описывается эмоциональное состояние человека, имеет место дополнительная актуализация признака «благодетельный».

На языковом этапе коннотативный топоним фиксируется в словаре. Проблема лексикографирования узусных коннотонимов до сих пор является актуальной. Состав, написание (прописная или строчная буква) и значение коннотативных топонимов варьируются от словаря к словарю. Например в словаре Макмиллан коннотативный топоним *Mecca* трактуется как «a place that a lot of people want to visit, because it is famous for something they want to see or do» [9, с. 887], написание коннотативного топонима дается со строчной буквы – *мецца*. В то же время в Словаре английских метафор данный топоним лаконично трактуется как «aim, goal», но при этом он пишется с прописной буквы – *Mecca* [10, с. 401].

С переходом образа в разряд языковых образность постепенно угасает: «Степень образности обратно пропорциональна степени распространенности значения» [8, с. 53].

Выявлено, что топонимы одного и того же разряда (топонимы, объект номинации которых принадлежит к одному классу: водный

объект, населенный пункт, особенность рельефа) употребляются в сходных переносных значениях. На характер переносного значения топонима влияют не только индивидуальные свойства топообъекта, но и его тип:

1) хоронимы (названия обширных географических областей) служат для обозначения климатических условий – *Arctic* «холод», *Africa* «жара»;

2) оронимы (названия гор и горных систем) выражают признаки «высота» – *Everest*;

3) гидронимы (названия водных объектов) связаны с признаками «рискованный», «трудный» – *Serbonean bog* «безвыходное положение», *Sargasso sea* «неопределенность».

4) ойконимы (названия населенных пунктов) связаны с характеристикой человека, его умственных способностей, характера, материального положения – *Dubuque* «американский провинциализм»;

Знаковый этап завершает процесс деонимизации. “Полный переход имен собственных в нарицательные сопровождается разрывом первоначальной связи «имя – объект» и обретение именем связи с новым понятием, при этом прописная буква заменяется на строчную” [7, с.9]. На этом этапе коннотативный топоним перестает идентифицировать географический объект. Связь коннотативного топонима с первичным референтом прослеживается только на этимологическом уровне. Наиболее показательны здесь примеры, основанные на метонимии: *china* «фарфор» (от *China* «Китай»), *astrakhan* «каракуль» (от *Astrakhan* «Астрахань»).

Полной деонимизации коннотонимов благоприятствуют разные факторы. Это забвение обозначаемого (денотата), на которое ориентировалось первичное значение собственного имени (например, *олимп*, *ходынка*, *нарцисс*). Также это может быть выход из активного употребления онима, развившего коннотативное значение отрицательного плана, которое способствовало редкому использованию данного онима (например, *Иуда*, *Фекла*).

Этапы, проходимые топонимом в процессе деонимизации, коррелируют с этапами динамического развития образа. Полная утрата образности влечет за собой полную утрату статуса имени собственного. Полная демегафоризация (или полная деметонимизация) соответствует полной деонимизации (апеллятивации).

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова, Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е. С. Кубрякова. – М.: Наука, 1986. – 180 с.

2. Мезенин, С. М. Образные средства языка (на материале произведений Шекспира): Учеб. пособие / С. М. Мезенин. – М.: МГПИ, 1984. – 167 с.
3. Отин, Е. С. Принципы построения коннотативного словаря русских онимов / Е. С. Отин // Русское языкознание. Сб. науч. трудов. Вып. 13. – Киев: Вища шк., 1986. – С. 38-45.
4. Отин, Е. С. Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка / Е.С. Отин // Вопросы языкознания. – 2003. – № 2. – С. 53-59.
5. Отин, Е. С. Словарь коннотативных собственных имен / Е. С. Отин. – 3-е изд., перераб. и доп. – Донецк: Юго-Восток, 2010. – 518 с.
6. Суперанская, А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 358 с.
7. Суперанская, А. В. Эволюция теории имени собственного в Европе / А.В. Суперанская // Вопросы филологии. – 2002. – № 3 (12). – С. 8-14.
8. Харченко, В. К. Образность в семантике слова / В.К. Харченко // Русский язык в школе. – 1984. – № 3. – С. 52-57.
9. MacMillan, English Dictionary. – MacMillan Publishers Limited, 2002. – 2800 p.
10. Wilkinson, P.R. Thesaurus of Traditional English Metaphors / P.R. Wilkinson. – London; New York, 1999. – 245 p.

АННОТАЦИЯ

Яковенко М.В. Динамика процесса апеллятивации

топонимов

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-251-257

В статье предпринимается попытка проследить корреляцию этапов динамического развития коннотативных значений топонимов с этапами их деонимизации.

Ключевые слова: деонимизация, апеллятивация, коннотативный оним, топоним.

SUMMARY

Yakovenko M.V. Process of the Toponym Deonymisation

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-251-257

The article presents an attempt to compare the correlation between the development of the toponym connotative meaning and its deonymisation.

Key words: apellativation, deonymisation, connotative onym, toponym.

УДК 811.161.1

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-208-220

ОТРИЦАНИЕ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ: ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Отрицание как лингвистическая категория охватывает широкий спектр теоретических вопросов, поскольку является одной из фундаментальных языковых категорий, присущей всем языкам. Важным для понимания сути отрицания является определение и комплексный анализ особенностей его формальной репрезентации, синтаксической реализации, формирования семантической сферы действия и влияния на актуальное членение предложения. Таким образом, значимым представляется определение взаимодействия между различными операционными участками отрицания в структуре предложения.

В работах, посвященных лингвистической категории отрицания, существуют разнообразные взгляды на природу исследуемого явления. Разделяем точку зрения исследователей, которые считают отрицание «явлением далеко не периферийным», ограничивающее и модифицирующее влияние которого в той или иной мере проявляется не только на всех уровнях языковой структуры, то есть в системе языка, но и в процессе коммуникации, поскольку социальная интеракция невозможна без отрицательных высказываний.

В центре внимания современных исследователей находятся вопросы системного анализа, раскрывающего главную особенность отрицательных конструкций, – отсутствие параллелизма синтаксической и семантической структур (Н. Арват, В. Бондаренко, Г. Золотова). Распространены исследования отрицательных высказываний в аспекте генеративной грамматики и отрицательной полярности (В. Апресян, И. Богуславский, О. Озаровский, Е. Падучева, Л. Хорн). Важным направлением в изучении категории отрицания также является прагматический аспект функционирования отрицательных высказываний (Н. Озерова, И. Сусов, В. Трофимов, Н. Формановская). Вместе с тем в ходе лингвистических исследований категории отрицания регулярно открываются новые грани грамматических, семантических особенностей и прагматических функций отрицания, которые становятся целью новых научных студий. Дискуссионными являются вопросы специфики семантического влияния отрицания на предложение в целом или отдельную его часть, определение элемента-актуализатора отрицательной семантики, взаимодействие отрицания с presupпозициями и его роль в формировании коммуникативной

структуры высказывания.

Анализ специфики отрицания как лингвистической категории предполагает исследование вопросов онтологии, гносеологии, а также категорий утверждения, модальности, предикативности. Отрицание может квалифицироваться как категория синтаксическая (ввиду способности занимать в предложении определенную синтаксическую позицию), семантическая (функция семантического оператора), морфосинтаксическая (арсенал средств реализации своего значения) или прагматическая (выполнение определенных коммуникативных функций). Особенность отрицания как фундаментальной языковой категории состоит также в проявлении универсальных особенностей в различных сферах – семантической, синтаксической, коммуникативно-прагматической и просодической.

Актуальность темы исследования определяется широкой проблематикой различных аспектов отрицания, а также необходимостью изучения явлений отрицательной асимметрии, негативной полярности, а также особенностей взаимодействия отрицания с другими лингвистическими категориями.

Проблема отрицания постоянно находится в центре внимания учёных, что обусловлено значимостью этой категории в логике, философии, лингвистике и психологии. Первые попытки толкования категории отрицания были представлены в философии Древней Греции и Индии. С того времени проблема отрицания всегда находится в центре внимания исследователей и вызывает серьезные дискуссии, о чем свидетельствует большое количество научных исследований по данной теме как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике. Отрицание относится к явлениям, сущность которых может быть определена на стыке нескольких наук, главным образом логики и лингвистики, поскольку отрицание является одной из фундаментальных логико-грамматических категорий.

Ядро языкового отрицания формирует его логический коррелят. Поэтому отрицание в лингвистике можно рассматривать в качестве оператора, который способен изменять содержание на противоположное, трансформируя таким образом истинное высказывание на ложное и наоборот.

Отрицание как лингвистическая категория имеет ряд специфических признаков, совокупность которых позволяет квалифицировать его как прагматическую, семантическую и морфосинтаксическую категорию. Как языковая универсалия отрицание может быть реализовано на различных уровнях: фонетическом, лексическом, словообразовательном, синтаксическом.

В квалификации отрицания как лингвистической категории разделяем точку зрения О. Ахмановой, которая дает следующее определение данной категории: «отрицание – выражение при

помощи лексических, фразеологических, синтаксических и других средств языка того, что связь, устанавливаемая между элементами высказывания, реально не существует (мыслится в речи как реально не существующая» [1, с. 292].

Толкование отрицания как прагматической категории обусловлено его ролью в реализации таких речевых актов, как отказ, протест, несогласие, опровержение, запрет и др., которые оформляют реплику-реакцию (перлокутивный эффект).

Каждый язык обладает присущими ему наиболее эффективными средствами достижения определенной коммуникативной цели. Относительно отрицания сложность состоит в том, что его идентификация зависит не столько от того, является ли определенная языковая единица средством репрезентации данной категории, а определяется, прежде всего, спецификой контекстуальной реализации, например:

– *Принеси мне книгу!*

– *Почему я? / Сам себе принеси / Почему я? / Мне уже необходимо идти.*

В приведенном примере ситуативно обусловленного отказа отсутствуют специальные языковые средства репрезентации этого подтипа отрицания. Первостепенная значимость в идентификации отрицания здесь принадлежит контексту, а именно речевому поведению участников социальной интеракции, которые выполняют определенное речевое действие, в данном случае отказ. При этом эксплицитные средства выражения отрицания не употребляются. Отрицание выражено имплицитно.

Отличие эксплицитной и имплицитной информации состоит в прямом или косвенном ее восприятии. Имплицитными являются не языковые знаки, а лишь значения, которые они выражают. Эксплицитность и имплицитность отличаются уровнем осознания значения: эксплицитное значение воспринимается без дополнительных когнитивных операций; имплицитное отрицание предполагает более глубокий процесс восприятия и анализа информации. Эксплицитное отрицание характеризуется регулярным формальным выражением через специализированные средства языка. Имплицитное отрицание выражается с помощью неспециализированных языковых средств.

Языковое отрицание может быть определено как универсальная семантическая категория, сущность которой образует значение противоположности. Универсальность категории отрицания подтверждается логико-семантическим подходом, который ядром отрицания определяет формально-логическое отрицание, значение которого сводится к формулировке *ложно, что*.

Согласно традиционной грамматике предложение с предикатным отрицанием является семантически общеприказательным, а

предложение, содержащее отрицание при любом другом члене предложения, – частноотрицательным: « ... отрицание, стоящее при сказуемом, делает всё высказывание отрицательным, отрицание же, стоящее при другом каком-либо члене, не колеблет общего утвердительного смысла высказывания <...>. Предложения с положительным сказуемым, но с отрицательной частицей при другом члене можно назвать частноотрицательными; предложения с отрицательным сказуемым – общеотрицательными или собственно-отрицательными [7, с. 377–378].

Таким образом, общеотрицательными являются предложения типа Студент не ходил вчера в университет. В частноотрицательных предложениях отрицание относится к носителю признака или обстоятельству места / времени, само же действие не отрицается: *Не студент ходил вчера в университет; Студент ходил в университет не вчера; Студент вчера ходил не в библиотеку.*

Е. В. Падучева, в свою очередь, считает необоснованным критерий определения семантического подтипа отрицательного предложения позицией относительно предиката отрицательной частицы, указывая, что отрицание иного, отличного от предиката, члена предложения, не всегда является индикатором частичного характера отрицания, поэтому предложения с отрицанием предиката могут быть как общеотрицательными, так и частноотрицательными [6, с. 151].

Вместе с тем формальный подход предполагает закрепление за отрицательной частицей функции базового маркера отрицательного предложения [3], при этом вопрос отнесенности частицы к определенному члену предложения не имеет первостепенной значимости.

Квалификация отрицания как морфолого-синтаксической категории обусловлена существованием в каждом языке формальных (главным образом морфологических) средств для передачи того, что является ложным. Формальная репрезентация этих средств различается в разноструктурных языках.

Также выделяется просодическая сфера действия отрицания, под которой понимаем информационную нагрузку, присущую отрицанию в конкретной коммуникативной ситуации (в устной или письменной форме).

Реализация речевого действия предполагает достижение определенной коммуникативной цели (перлокутивного эффекта) в рамках осуществления определенного речевого акта, который определяется как «целенаправленное речевое действие, совершаемое в соответствии с принципами и правилами речевого поведения, принятыми в данном обществе; единица нормативного социоречевого поведения, рассматриваемая в рамках прагматической ситуации» [4,

с. 412]. Речевой акт является коммуникативным взаимодействием отправителя (адресанта, продуцента) и получателя (адресата, реципиента) сообщения, которое, по Дж. Остину, имеет следующую структуру: 1) локутивный акт – говорение как синтез фонетического (произнесение определенных звуков), фатического (произнесение слов, которые являются составляющими определенного словаря и принадлежат к определенной грамматике) и ретического (использование слов с определенным смыслом и референцией) актов; 2) иллокутивный акт – коммуникативная цель, которая реализуется в процессе речи (информирование, приказ, предупреждение и т. п.); 3) перлокутивный акт – воздействие определенного речевого действия на сознание и поведение говорящего [5, с. 84]. При этом важно отметить, что речевой акт является вербальной формой социальной интеракции, коммуникативный акт, в свою очередь, может осуществляться невербально.

Как минимальная единица дискурса речевой акт является коммуникативным взаимодействием отправителя (адресанта) и получателя (адресата) сообщения, которое функционирует как последовательность трех этапов: локуции, иллокуции и перлокуции.

Классическая модель коммуникативной ситуации включает следующие компоненты: субъект высказывания (агенс), канал коммуникации, адресат (бенефициантив / контрагенс), условия коммуникации.

Предмет нашего интереса составляет специфика языкового оформления той информации, которую говорящий передает в отрицательной (или даже утвердительной) форме с целью реализации определенных коммуникативных целей, которые непосредственно или опосредованно связаны с отрицанием. Функции отрицания могут существенно отличаться в зависимости от того, относится оно к содержанию отдельного предложения (микротексту) или же реализуется в пределах макротекстового уровня. Прагматика отрицания в рамках перлокутивного акта, реализованного как вербальная или невербальная реакция адресата на коммуникативное действие адресанта, обусловлена конкретной иллокутивной целью и стратегией вежливости / антивежливости: *«Анвар, умоляю, прошу тебя, прекрати! Я сейчас закричу!»* – *«Кричи! Пусть все соседи знают, чем мы тут занимаемся»* [Б. Абдуразаков. «Сажал на колени и трогал. Я тогда не думала, что это плохо» // Lenta.ru, 2019.06.27] (иллокутивный акт – настоятельная просьба; перлокутивный акт – отрицательная вербальная реакция адресата); *«Умоляю, выпусти детей, они ни в чем не виноваты!»* – *кричала она. Преступник посмотрел назад и увидел двух малышек, но, ничего не говоря ударил женщину по губам и приказал ей заткнуться* [С. Купцов. Черный носорог // Lenta.ru, 2018.01.27] (иллокутивный акт – мольба;

перлокутивный акт – отрицательная невербальная реакция адресата).

Просодическая сфера действия отрицания проявляется в его непосредственной связи с интонацией, что отображается в процессах информационного структурирования предложения. Выступая маркером коммуникативно релевантных отрезков высказывания, отрицание формирует его фокус, который в зависимости от контекста может быть минимальным или максимальным, оказывая кардинальное влияние на содержание высказывания. Типичная позиция отрицательного фокуса – правая периферия предложения.

Свойственное отрицанию значение модальности частично объясняется довольно широким толкованием модальности как категории, которая выражает отношение содержания высказывания к действительности с точки зрения продуцента высказывания, при этом модальность условно делится на объективную (отношение содержания высказывания к действительности) и субъективную (оценка говорящим высказывания). Как отмечает В. Виноградов, «целый ряд грамматических особенностей, связанных с употреблением отрицательной частицы не (преимущественно при глаголе и категории состояния), указывает на то, что современному русскому языку не чужды и модальные значения отрицательных частиц» [2, с. 550].

Отрицание характеризуется значением и объективной, и субъективной модальности. Как категория, которая выражает объективную модальность в аспекте отображения нереальности фактов объективной действительности, отрицание противопоставляется утверждению как объективной модальности реальности.

Следовательно, понимание отрицания в теоретической лингвистике гораздо противоречивее, чем в логике, что обусловлено прежде всего многогранностью этого языкового феномена, его взаимодействием с другими категориями – предикативностью, модальностью, оценкой и т. д. Соответствующие специфические характеристики отрицания обусловлены относительно автономными сферами его действия – синтаксической, семантической, прагматической и просодической. Ядро языковой категории отрицания формируется логическим отрицанием-оператором, который превращает содержание высказывания в противоположное. Отрицание тесно связано со своим положительным противочленом – утверждением. Вместе они образуют бинарную оппозицию, маркированным противочленом которой является отрицание. Маркированность отрицания проявляется и в плане формальной репрезентации – в виде морфологически более сложных конструкций, и в плане семантической интерпретации и процесса восприятия слушателем или читателем отрицательных структур. Находясь на стыке смежных

и несмежных дисциплин, проблемы отрицания не только не исчерпывают свой теоретический и практический потенциал, но и активизируют поиск новых векторов исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Сов. энциклопедия, 1966. – 608 с.
2. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / под ред. Г. А. Золотовой. – изд. 4-е. – М. : Рус. яз, 2001. – 720 с.
3. Дондуа К. Д. Статьи по общему и кавказкому языкознанию / К. Д. Дондуа. – М. : Наука, 1975. – 319 с.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой [Электронный ресурс]. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – 682 с. – Режим доступа : <http://tapemark.narod.ru/les/446с.html> (дата обращения: 05.05.2024).
5. Остин Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. Теория речевых актов : [сборник / общ. ред. Б. Ю. Городецкого]. – М. : Прогресс, 1986. – С. 22–129.
6. Падучева Е. В. Родительный субъект в отрицательном предложении: синтаксис или семантика / Е. В. Падучева // Вопросы языкознания. – 1997. – № 2. – С. 101–117.
7. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – М. : Учпедгиз, 1956. – 511 с.

АННОТАЦИЯ

Соловцова Е. В. Отрицание как лингвистическая категория: основные аспекты исследования

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-208-220

Статья посвящена анализу статуса категории отрицания в русском языке. Проанализированы подходы к трактовке отрицания в концепциях различных ученых. Охарактеризованы типы отрицательных предложений. Описаны наиболее перспективные аспекты исследования функционирования отрицания и специфика его взаимодействия с другими лингвистическими категориями.

Ключевые слова: отрицание, семантика отрицания, отрицательные предложения, общеотрицательные предложения, частноотрицательные предложения, речевой акт, прагматика, модальность.

SUMMARY

Solovtsova E. V. Negation as a Linguistic Category: Major Aspects of Investigation

DOI: 10.24412/1992-9196-2024-1844-208-220

The article touches upon the analysis of the status of the category of negation in the Russian language. The approaches to the interpretation of negation in the concepts of various scientists are analyzed. Types of negative sentences are distinguished. The most promising aspects of investigation of the negation and the peculiarities of its correlation with other linguistic categories are determined.

Key words: negation, semantics of negation, negative sentences, generally negative sentences, partially negative sentences, speech act, pragmatics, modality.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Арустамян Яна Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры теории перевода и сравнительного языкознания Национального университета Республики Узбекистан имени Мирзо Улугбека (г. Ташкент, Республика Узбекистан),

Баранова Ольга Ивановна – старший преподаватель кафедры английской филологии ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова» (г. Горловка, РФ),

Бастун Елена Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 2 ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет» (г. Краснодар, РФ),

Бушев Александр Борисович – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН (г. Москва, РФ),

Вострецова Виктория Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры зарубежной филологии, теории и практики перевода ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова» (г. Горловка, РФ),

Долгая Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и общего языкознания ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова» (г. Горловка, РФ),

Дьякова Татьяна Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой русского языка и литературы ФГБОУ ВО «Луганская государственная академия культуры и искусств имени Михаила Матусовского» (г. Луганск, РФ),

Жиденко Лариса Ароновна – старший преподаватель кафедры зарубежной филологии, теории и практики

перевода ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова» (г. Горловка, РФ),

Каримова Омина Махмудовна – студент 2 курса Национального университета Республики Узбекистан имени Мирзо Улугбека (г. Ташкент, Республика Узбекистан),

Китаева Дарья Александровна – студент 3 курса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный технологический университет» (г. Краснодар, РФ),

Ковальчук Ирина Сергеевна – студент 6 курса ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова» (г. Горловка, РФ),

Коловерова Ирина Геннадиевна – старший преподаватель кафедры романо-германской филологии ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова» (г. Горловка, РФ),

Кораблева Марина Александровна – магистрант Миланского национального университета, преподаватель лингвистической школы Speakasap (г. Милан, Италия),

Крутских Анастасия Сергеевна – студент 4 курса ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет» (г. Луганск, РФ),

Малахова Любава Владимировна – ассистент кафедры русского языка и общего языкознания, аспирант ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова» (г. Горловка, РФ),

Малахов Руслан Сергеевич – аспирант кафедры русского языка и общего языкознания ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова» (г. Горловка, РФ),

Мартыненко Екатерина Анатольевна – студент 4 курса ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет» (г. Луганск, РФ),

Мельникова Алина Михайловна – аспирант кафедры английской филологии ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова» (г. Горловка, РФ),

Нестерова Яна Сергеевна – студент института филологии ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского» (г. Липецк, РФ),

Новрузов Рафиг Манаф оглу – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой Славянской филологии Бакинского славянского университета (г. Баку, Азербайджан),

Петров Александр Владимирович – доктор филологических наук, профессор (г. Симферополь, Республика Крым, РФ),

Петрова Луиза Александровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и общего языкознания ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова» (г. Горловка, РФ),

Повторуха Наталья Васильевна – преподаватель кафедры романо-германской филологии ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова» (г. Горловка, РФ),

Санченко Евгения Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики перевода ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет» (г. Луганск, РФ),

Сапух Татьяна Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет» (г. Оренбург, РФ),

Святобаченко Ирина Станиславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания ФГБОУ ВО «Донецкий

государственный педагогический университет
им. В. Шаталова» (г. Горловка, РФ),

Семенихин Владимир Андреевич – студент 4 курса ФГБОУ ВО
«Оренбургский государственный университет»
(г. Оренбург, РФ),

Слюсарь Елена Васильевна – студент 5 курса Института
филологии и социальных коммуникаций ФГБОУ
ВО «Луганский государственный педагогический
университет» (г. Луганск, РФ),

Соловцова Елена Валериевна – кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии ФГБОУ
ВО «Донецкий государственный педагогический
университет им. В. Шаталова» (г. Горловка, РФ),

Сырова Ольга Васильевна – старший преподаватель кафедры
русского языка и общего языкознания ФГБОУ
ВО «Донецкий государственный педагогический
университет им. В. Шаталова» (г. Горловка, РФ),

Табатчикова Кристина Дмитриевна – кандидат педагогических
наук, доцент, доцент кафедры иностранных
языков и деловой коммуникации ФГБОУ
ВО «Уральский государственный горный
университет» (г. Екатеринбург, РФ),

Трунова Елена Геннадиевна – кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры лингвистики и межкультурной
коммуникации ФГБОУ ВО «Липецкий
государственный педагогический университет
им. П. П. Семенова-Тян-Шанского» (г. Липецк, РФ),

Улыбышева Анна Николаевна – студент института филологии
ФГБОУ ВО «Липецкий государственный
педагогический университет им. П. П. Семенова-
Тян-Шанского» (г. Липецк, РФ),

Фефелова Виктория Валентиновна – кандидат филологических
наук, доцент, доцент кафедры романо-
германской филологии ФГБОУ ВО «Донецкий
государственный педагогический университет
им. В. Шаталова» (г. Горловка, РФ),

Харченко Лариса Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и практики перевода ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет» (г. Луганск, РФ),

Штакина Людмила Александровна – кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова» (г. Горловка, РФ),

Шуныкова Ольга Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков ФКГОУ ВО «Уральский юридический институт МВД России» (г. Екатеринбург, РФ),

Яковенко Марина Викторовна – преподаватель кафедры английской филологии ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический университет им. В. Шаталова» (г. Горловка, РФ).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Arustamyan Yana Yuryevna – Candidate of Philology, Associate Professor of Mirzo Ulugbek's National University (Tashkent, Uzbekistan),

Baranova Olga Ivanovna – Senior Lecturer of the Department of the English Philology of FSBEI HE «Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov» (Gorlovka, Russia),

Bastun Elena Vasilyevna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages No. 2 of FSBEI HE «Kuban State Technological University» (Krasnodar, Russia),

Bushev Aleksandr Borisovich – Doctor of Philology, Leading Researcher of the Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia),

Dolgaya Elena Aleksandrovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of the Russian Language and General Linguistics of FSBEI HE «Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov» (Gorlovka, Russia),

Dyakova Tatiana Alekseevna – Candidate of Philology, Associate Professor, Acting Head of the Department of the Russian Language and Literature of FSBEI HE «Lugansk State Academy of Culture and Arts named after Mikhail Matusovsky» (Lugansk, Russia),

Fefelova Viktoria Valentinovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of the Roman and Germanic Philology of FSBEI HE «Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov» (Gorlovka, Russia),

Karimova Omina Makhmudovna – Student of Mirzo Ulugbek's National University of Uzbekistan (Tashkent, Uzbekistan),

Kharchenko Larisa Ivanovna – Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Head of the Department of Theory and

Practice of Translation of FSBEI HE «Lugansk State Pedagogical University» (Lugansk, Russia),

Kitaeva Darya Aleksandrovna – Student of FSBEI HE «Kuban State Technological University» (Krasnodar, Russia),

Koloverova Irina Gennadievna – Senior Lecturer of the Department of the Roman and Germanic Philology of FSBEI HE «Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov» (Gorlovka, Russia),

Korablyova Marina Aleksandrovna – Master's Student of Milan National University, the teacher at the Speakasap Linguistic School (Milan, Italy),

Kovalchuk Irina Sergeevna – Student of FSBEI HE «Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov» (Gorlovka, Russia),

Krutskikh Anastasia Sergeevna – Student of FSBEI HE «Lugansk State Pedagogical University» (Lugansk, Russia),

Malakhova Lyubava Vladimirovna – Assistant Lecturer of the Department of the Russian Language and General Linguistics, Postgraduate Student of FSBEI HE «Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov» (Gorlovka, Russia),

Malakhov Ruslan Sergeevich – Postgraduate Student of the Department of the Russian Language and General Linguistics of FSBEI HE «Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov» (Gorlovka, Russia),

Martynenko Ekaterina Anatolyevna – Student of FSBEI HE «Lugansk State Pedagogical University» (Lugansk, Russia),

Melnikova Alina Mikhailovna – Postgraduate Student of the Department of the English Philology of FSBEI HE «Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov» (Gorlovka, Russia),

Nesterova Yana Sergeevna – Student of the Institute of Philology of FSBEI HE «Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky» (Lipetsk, Russia),

Novruzov Rafig Manaf oglu – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Slavic Philology of Baku Slavic University (Baku, Azerbaijan),

Petrov Aleksandr Vladimirovich – Doctor of Philology, Professor (Simferopol, Republic of Crimea, Russia),

Petrova Luiza Aleksandrovna – Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of the Russian Language and General Linguistics, FSBEI HE «Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov» (Gorlovka, Russia),

Povtorukha Natalya Vasilyevna – Lecturer of the Department of the Roman and Germanic Philology of FSBEI HE «Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov» (Gorlovka, Russia),

Sanchenko Evgeniya Nikolaevna – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and Practice of Translation of FSBEI HE «Lugansk State Pedagogical University» (Lugansk, Russia),

Sapukh Tatyana Viktorovna – Candidate of Pedagogy, Associate Professor of the Department of the English Philology and Methods of Teaching English of FSBEI HE «Orenburg State University» (Orenburg, Russia),

Semenikhin Vladimir Andreevich – Student of FSBEI HE «Orenburg State University» (Orenburg, Russia),

Shunyakova Olga Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages of FSBEI HE «Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation» (Yekaterinburg, Russia),

Shtakina Lyudmila Aleksandrovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of the English Philology of FSBEI HE «Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov» (Gorlovka, Russia),

Slyusar Elena Vasilyevna – Student of the Institute of Philology and Social Communications of FSBEI HE «Lugansk State Pedagogical University» (Lugansk, Russia),

Solovtsova Elena Valerievna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of the English Philology of FSBEI HE «Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov» (Gorlovka, Russia),

Svyatobachenko Irina Stanislavovna – Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of the Russian Language and General Linguistics of FSBEI HE «Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov» (Gorlovka, Russia),

Syrova Olga Vasilyevna – Senior Lecturer of the Department of the Russian Language and General Linguistics of FSBEI HE «Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov» (Gorlovka, Russia),

Tabatchikova Christina Dmitrievna – Candidate of Pedagogy, Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Business Communication of FSBEI HE «Ural State Mining University» (Yekaterinburg, Russia),

Trunova Elena Gennadievna – Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication of FSBEI HE «Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky» (Lipetsk, Russia),

Ulybysheva Anna Nikolaevna – Student of the Institute of Philology of FSBEI HE «Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky» (Lipetsk, Russia),

Vostretsova Viktoria Aleksandrovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of FSBEI HE «Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov» (Gorlovka, Russia),

Yakovenko Marina Viktorovna – Lecturer of the Department of the

English Philology of FSBEI HE «Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov» (Gorlovka, Russia),

Zhidenko Larisa Aronovna – Senior Lecturer of the Department of Foreign Philology, Theory and Practice of Translation of FSBEI HE «Donetsk State Pedagogical University named after V. Shatalov» (Gorlovka, Russia).

СОДЕРЖАНИЕ

А. Б. Бушев

ИССЛЕДОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ РИТОРИКИ3

Р. М. оглу Новрузов

К ПЕРЕДАЧЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО СТИЛЯ ПИСАТЕЛЯ
НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДА ПОВЕСТИ «КОТЛОВАН»
АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА НА АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ЯЗЫК.....18

А.В. Петров, Л.А. Петрова

РАССКАЗ С. Н. СЕРГЕЕВА-ЦЕНСКОГО «СКАЗОЧНОЕ
ИМЯ» В АСПЕКТЕ КРЫМСКОЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ
РЕГИОНАЛИСТИКИ.....24

Я. Ю. Арустамян, О. М. Каримова

ПЕРЕВОД СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ РАССКАЗА
«ЛОТЕРЕЯ» Ш. ДЖЕКСОН40

В.А. Вострецова, А.М. Мельникова

РОЛЬ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ДЕТАЛИ
В РАСКРЫТИИ ОБРАЗА ПЕРСОНАЖА
В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ФЭНТЕЗИЙНОЙ ПОВЕСТИ
К.С. ЛЬЮИСА «ЛЕВ, КОЛДУНЬЯ И ПЛАТЯНОЙ ШКАФ».)....45

Т. А. Дьякова

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ
ФАУНОНИМНОЙ ЛЕКСИКИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
МИХАИЛА МАТУСОВСКОГО59

Е.В. Бастун, Д.А. Китаева

АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО
ЯЗЫКА КИТАЯ.....68

Е.А. Долгая

ПРОБЛЕМА СЕМАНТИЗАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКОГО
МАТЕРИАЛА В МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО77

Е. Н. Санченко, Е. В. Слюсарь

СМЫСЛОВОЕ РАЗВИТИЕ КАК ПРИЕМ
ДОСТИЖЕНИЯ АДЕКВАТНОСТИ ПРИ
ПЕРЕВОДЕ ДЕТСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ85

Т. В. Сапух, В.А. Семенихин

ОСОБЕННОСТИ СУБТИТРИРОВАННОГО ПЕРЕВОДА
НА ПРИМЕРЕ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ФИЛЬМА «SOCIAL
ANXIETY DOCUMENTARY: AFRAID OF PEOPLE»94

И. С. Святобаченко

ОТОБРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ СУБЪЕКТА
В НОВОСТНЫХ ЗАГОЛОВКАХ «ЯНДЕКС.ДЗЕН»100

К. Д. Табатчикова

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ
И ТАКТИКИ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ.....108

Е. Г. Трунова

ВИДОВОЕ МНОГООБРАЗИЕ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ
С СЕМАНТИКОЙ «ПЕРЕФРАЗИРОВАНИЕ ИДЕИ».....115

Е. Г. Трунова, Я. С. Нестерова

ОСВЕЩЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ ЗАПАДА
ПРОТИВ РОССИИ: ЛЕКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....121

Е.Г. Трунова, А.Н. Улыбышева

ЯЗЫКОВЫЕ СВОЙСТВА АНТРОПОНИМОВ
ВИДЕОИГРОВОЙ СЕРИИ «THE ELDER SCROLLS».....126

В. В. Фефелова, И. С. Ковальчук

LA METAPHORE DANS LE ROMAN D'ANNE GAVALDA
«ENSEMBLE C'EST TOUT»131

Л. И. Харченко, А. С. Крутских

ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА АНГЛИЙСКОГО СЛЕНГА
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
И ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ.....138

Л. И. Харченко, Е. А. Мартыненко

ФУНКЦИИ И ОСОБЕННОСТИ АВТОРСКОГО
НЕОЛОГИЗМА В АНГЛИЙСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
Л. КЭРРОЛЛА «АЛИСА В СТРАНЕ ЧУДЕС»,
«АЛИСА В ЗАЗЕРКАЛЬЕ», «ОХОТА НА ШАРКА».).....149

Л. А. Штакина

ТОНАЛЬНЫЕ КОНФИГУРАЦИИ ЛОГИКО-СМЫСЛОВОЙ
ДИНАМИКИ ДИСКУРСА160

<i>О. В. Шунякава</i> ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ И РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ УЧЕБНО-НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ ПОЛИЦЕЙСКОГО ДИСКУРСА КАК ОСНОВА ДЛЯ АКАДЕМИЧЕСКОГО ЧТЕНИЯ	169
<i>О. И. Баранова</i> ИНТОНАЦИОННАЯ СТРУКТУРА СПЕЦИАЛЬНЫХ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ	182
<i>Л. А. Жиденко</i> ПЕРЕВОД КАК СРЕДСТВО МЕЖКУЛЬТУРНОЙ РЕЦЕПЦИИ И СПОСОБ МЕЖЪЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ	189
<i>И. Г. Коловерова</i> ЕДИНИЦЫ УСТНОГО ДИСКУРСА В РАЗГОВОРНОМ ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ	194
<i>М. А. Кораблёва</i> ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ НЕЙРОСЕТИ CHATGPT В ПРЕПОДАВАНИИ РКИ НОСИТЕЛЯМ ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА	202
<i>Р. С. Малахов</i> ФОРМИРОВАНИЕ ОТРИЦАТЕЛЬНОГО ОБРАЗА ГОСУДАРСТВА С ПОМОЩЬЮ ЛЕКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ НА ПРИМЕРЕ ПУБЛИКАЦИЙ TELEGRAM-КАНАЛА «UKRAINE NOW» В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ.....	214
<i>Л. В. Малахова</i> ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА МЕБЕЛЬ В ПОВЕСТИ «ЯР» С.А. ЕСЕНИНА	223
<i>Н. В. Повторуха</i> МЕТОНИМИЧЕСКИЙ ПЕРЕНОС ‘СОМАТИЗМ → ЕДИНИЦА ИЗМЕРЕНИЯ’ В СИСТЕМЕ МЕТРОЛОГИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ	230

О. В. Сырова

ЗНАЧИМОСТЬ АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКИХ И ОРФОЭПИЧЕСКИХ НОРМ В РЕЧИ СОВРЕМЕННОГО НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА.....	238
---	-----

М. В. Яковенко

ДИНАМИКА ПРОЦЕССА АПЕЛЛЯТИВАЦИИ ТОПОНИМОВ.....	246
---	-----

Е. В. Соловцова

ОТРИЦАНИЕ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ: ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	252
--	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	260
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	265

Научное издание

**ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКАЯ
ФИЛОЛОГИЯ**

East Slavic Philology

Сборник научных трудов

Выпуск восемнадцатый (сорок четвёртый)
Серия «Языкознание»

Главный редактор *С. А. Кочетова*
Технический редактор *Н. А. Сытник*
Компьютерная вёрстка и макетирование
Н. А. Сытник
Корректор *В. А. Вострецова*

*За содержание и достоверность фактов, цитат,
имён собственных и других сведений ответственность
несут авторы*

Подписано к изданию 27.02.2025.
Формат 60х84/16. Бумага 80 г/м².
Усл. печ. л. – 14,35. Уч.-изд. л. – 16,05.
Усл.-изд. л. – 14,88.
Тираж 300 экз. Зак. № 447.

Издательство ФГБОУ ВО «Донецкий государственный педагогический
университет им. В. Шаталова»

Справка ГЛАВСТАТА ДНР Серия АА № 08-22/1277 от 05.03.2020
284626, ДНР, г. Горловка, ул. Рудакова, 25